

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**

Сборник научных трудов

**МОСКВА
2018**

Серия

**«Проблемы общественной трансформации
в странах Восточной Европы и России»**

**Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем**

Отдел Европы и Америки
Сектор Восточной Европы

Редакционная коллегия:

Биткова Т.Г. – канд. филол. наук,
Стыкалин А.С. – канд. ист. наук,
Шаншиева Л.Н. – канд. филос. наук (отв. ред.)

Ответственный за выпуск – *А.Ф. Дырина*

Правый радикализм в Восточной Европе:
П 68 Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. ис-
след. глобал. и регионал. пробл. Отд. Европы и Америки.
Сектор Вост. Европы; Отв. ред. Шаншиева Л.Н. – М.,
2018. – 220 с. – (Сер.: Проблемы обществ. трансформа-
ции в странах Вост. Европы и России).
ISBN 978-5-248-00874-2

Рассматриваются проявления радикальных настроений в общественной жизни Венгрии, Польши, Румынии и других стран региона в начале XXI в. Анализируются причины роста национализма и радикализма, обусловленные особенностями внутреннего развития отдельных государств, разочарованием результатами членства в ЕС и европейским миграционным кризисом.

The manifestations of radical sentiments in the social life of Hungary, Poland, Romania and other countries of the region at the beginning of the 21 st century are considered. The reasons for the growth of nationalism and radicalism, due to the peculiarities of the internal development of individual states, disappointment over the results of EU membership and the European migration crisis are being analyzed.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Введение.....	6
<i>Л.Н. Шишелина.</i> Правый радикализм в венгерский политике	11
<i>О.Б. Неменский.</i> Крайне правые в современной Польше.....	22
<i>Т.Г. Биткова.</i> Национализм и праворадикальные организации в Румынии.....	82
<i>Н.А. Подчасов.</i> Партия «Атака»: Изменение тактики в контексте нового внутривнутриполитического дискурса.....	104
<i>Ю.А. Щербакова.</i> Националистические партии и праворадикальные движения в Словацкой Республике	115
<i>В.Н. Бабенко.</i> Правый радикализм в государственной политике современной Украины	134
<i>Е.Б. Калоева.</i> Правые в Хорватии: Прошлое, настоящее, будущее	152
<i>Ю.А. Щербакова.</i> Праворадикальные политические партии в Чешской Республике.....	168
<i>А.Ф. Дырина.</i> Праворадикальные движения в странах Балтии. (Реферативный обзор)	187
<u>Л.С. Лыкошина.</u> Роман Дмовский о народе, государстве и национальной идее.....	198
Сведения об авторах	217

CONTENT

Introduction from the editors	5
Introduction	6
<i>L.N. Shishelina</i> . Radical right in Hungarian politics	11
<i>O.B. Neneskiy</i> . Extreme right movements in modern Poland	22
<i>T.G. Bitkova</i> . Nationalism and radical right organizations in Romania	82
<i>N.A. Podchasov</i> . «Attack» party: Chang of tactics in the context of the new political discourse	104
<i>J.A. Scherbakova</i> . Nationalist parties and radical right movements in the Slovak Republic	115
<i>V.N. Babenko</i> . Radical right in state politics of modern Ukraine	134
<i>E.B. Kaloeva</i> . Rightists in Croatia: The past, the present, the future	152
<i>J.A. Scherbakova</i> . Radical right parties in the Czech Republic	168
<i>A.F. Dyrina</i> . Radical right in Baltic countries. (Abstract overview)	187
<i>L.S. Lykoshina</i> . Roman Dmowski on the nation, the state and the national idea	198
Data on authors	217

*Посвящается Ларисе Семеновне Лыкошиной
Dedicated to the loving memory
of Larisa Semenovna Lykoshina*

ОТ РЕДАКЦИИ

INTRODUCTION FROM THE EDITORS

Идея подготовки сборника принадлежала нашей коллеге Ларисе Семеновне Лыкошиной, известному ученому-полонисту, доктору исторических наук, главному научному сотруднику Сектора Восточной Европы ИНИОН РАН.

Она с энтузиазмом работала над заявленной темой, глубоко понимала ее значимость и актуальность. Лариса Семеновна предполагала быть ответственным редактором сборника, а также планировала написать для него большую статью о правых радикалах в современной Польше. Работа над изданием должна была завершиться в сентябре 2017 г. Но уже весной стало ясно, что Лариса Семеновна тяжело больна и не сможет реализовать свою идею. 24 мая 2017 г. она ушла из жизни. И мы – ее коллеги – должны были довести работу над сборником до конца.

На нашу просьбу откликнулись специалисты из других научных институтов: О.Б. Неменский, Н.А. Подчасов, Л.Н. Шишелина. Как член редколлегии существенную помощь оказал А.С. Стыкалин. Мы благодарим всех авторов за творческое сотрудничество и проведенную работу. Посвящаем этот труд Ларисе Семеновне, и пусть он станет знаком нашего уважения к ее научному наследию и данью ее светлой памяти.

ВВЕДЕНИЕ

INTRODUCTION

Правый радикализм как предмет исследования представляет собой довольно сложное явление, поскольку, не являясь самостоятельным идеологическим течением, он как бы выпадает из принятой системы оценок, подходов, сравнительного анализа. В научной литературе можно встретить десятки характеристик и определений правого радикализма, соответствующих конкретным особенностям исторического, политического и социокультурного развития той или иной страны. Что касается стран Восточной Европы, то их особенности дополняются «особостью» самого региона, которая продолжает сохраняться даже после многих лет интегрирования в общеевропейские структуры.

Напомним, что после смены систем в странах Восточной Европы в конце 1980-х и начале 1990-х годов там начался процесс переструктурирования политического и идеологического пространства. Правда, его результаты были несколько неожиданными. Вместо торжества либеральных ценностей в бывших социалистических странах начал происходить ценностно-идеологический «откат назад» [см.: Бирюков... с. 51]. Сбрасывая «иго коммунизма», эти страны стремились «вернуться в Европу», к традиционным христианским ценностям, в то время как сама «Старая Европа» уже стала отходить от консервативной идеологии и традиционных ценностей. Подобное ценностное несовпадение Западной и Восточной Европы, а также экономический и социальный кризис середины 2000-х годов усилили правоконсервативный тренд в политическом развитии восточноевропейских государств, что, в

свою очередь, способствовало мобилизации и росту праворадикальных и ксенофобских движений в этом регионе.

В этой связи уместно обратить внимание на проявляющуюся все заметнее тенденцию взаимного «перетекания» правых и левых политических сил и возникающие трудности четкого определения их принадлежности к одному из двух флангов политического спектра. Это подтверждается как наличием разных точек зрения по этому вопросу теоретиков-политологов, так и конкретными политическими действиями тех или иных акторов в разных странах. И все же для определения самого опасного – праворадикального направления существуют относительно четкие критерии: это расизм, национализм, шовинизм, ксенофобия, резкое неприятие существующего общественного строя и какого-либо плюрализма идей. Разумеется, набор этих признаков и их сочетание могут быть разными.

В начале 2000-х годов тема правого радикализма стала предметом серьезного внимания со стороны исследователей. Особый вклад в разработку теоретических вопросов и изучение праворадикальных движений внес немецкий политолог М. Минкенберг. Он предпринял попытку систематизировать подобные движения, партии, группы, используя компаративный анализ, и пришел к убеждению, что «правый радикализм – это политическая идеология, состоящая, по сути, из мифа в форме популистского и романтического ультра национализма» [Beichelt, Minkenberg... S. 249]. А национальный миф всегда характеризуется тем, что «принадлежность к нации определяется радикализированными этническими, религиозными, языковыми, культурными и политическими критериями» [Ibid.].

Исследуя особенности правого радикализма в Восточной Европе, ученый выделил четыре типа праворадикальных движений: 1) авторитарно-фашистский; 2) расистский и этноцентристский; 3) популистско-авторитарный; 4) религиозно-фундаменталистский [см.: Minkenberg...]. Вместе с тем у них есть одна общая черта – все эти движения объединяет поиск внутренней однородности нации посредством выделения группы «своих». Учет этого фактора позволяет понять праворадикальные движения не только через партийные проявления, но и шире – через небольшие группы и социокультурные движения, не демонстрирующие формальные организационные структуры. Как правило, такого рода движения более радикальны, нежели любая партия или общественная орга-

низация. Кроме того, они находятся обычно на периферии политического спектра, но в любой подходящий момент могут примкнуть к «мейнстриму».

Казалось бы, общий опыт смены систем в бывших соцстранах в конце 1980-х – начале 1990-х годов должен был обусловить общие черты современного радикализма в этих странах, но мы наблюдаем здесь весьма большие различия. И этот факт Минкенберг объясняет присутствием в каждой стране такого фактора как «ситуативные структуры» (*Gelegenheitsstrukturen*), которые либо нивелируют возможные причины роста радикализма, либо формируют *потенциал* готовности появления правых радикалов. В связи с этим следует еще раз подчеркнуть значение как региональных, так и специфически страновых особенностей и общественных структур для формирования крайне правых движений в Восточной Европе.

Присутствие «ситуативных структур», способствующих появлению радикализма, усиливается за счет одной *общей черты* этого движения, которая как раз и состоит в том, что все правые радикалы считают себя особенными и тяготеют к абсолютизации особенного. Ведь в своей деятельности эти силы опираются именно на такие категории особенного, как «национальный характер», «душа народа» и т.п. «С одной стороны, эта “особенность” любого правого радикализма исключает его всемирный характер, его интернационализацию по образцу марксистской идеологии: на международном уровне для правых радикалов возможны лишь тактические союзы, консолидация перед лицом “общего врага”. С другой стороны, она затрудняет его анализ и, следовательно, борьбу с ним» [см.: Погорельская... с. 7]. Поэтому выявить общее возможно, лишь погрузившись в анализ особенного. Материалы предлагаемого читателю сборника предоставляют именно такую возможность.

Как известно, мобилизация праворадикальных движений происходит в переломные моменты общественного развития. Отсюда становится ясно, что рост правого радикализма в «новой Европе» был во многом обусловлен сложностями интеграции большинства восточноевропейских стран в Европейский союз, их адаптацией к новым требованиям и нормам, в том числе не в последнюю очередь наступательной политикой Запада в восточном направлении. Эти процессы, принесшие определенную экономическую выгоду для ряда восточноевропейских стран, входили в противоречие с истори-

чески заданными особенностями сформировавшихся там ранее национальных государств. А это, безусловно, создавало благоприятную почву для роста радикальных настроений.

Желание восточных европейцев сохранить свой суверенитет и национальную идентичность приводит сегодня к дальнейшему обострению отношений внутри ЕС и придает дополнительный импульс мобилизации праворадикальных сил. Следует учитывать и тот факт, что Восточная Европа это не только территория малых государств и наций, но один из самых этногетерогенных регионов на европейском континенте. Наличие этнических меньшинств в ряде стран (Венгрии, Румынии, Словакии), а также существующая там проблема разделенных народов служат потенциальным источником внутренних противоречий и конфликтов и питательной средой для праворадикальных настроений.

Это становится более очевидным, когда мы обращаемся к опыту конкретных стран. Сошлемся на мнение И.Н. Тарасова (Балтийский федеральный университет им. И. Канта), который в своей статье, посвященной сравнительному анализу социально-политических процессов в Венгрии и Словакии, делает следующий вывод: «Сопоставление факторов, стимулирующих ксенофобские практики в этих странах, отчасти не подтвердило распространенную гипотезу о существенном влиянии экономического кризиса, дефицита образования и политической пассивности на формирование ксенофобских практик в молодежной среде» [Тарасов ...]. К факторам, имеющим определяющее значение, он отнес открытую пропаганду националистических идей, конституционный приоритет интересов этнического большинства в Венгрии и Словакии, агрессивные акции правых радикалов в отношении этнических меньшинств.

Новым импульсом для разрастания праворадикальных настроений в странах Восточной Европы послужил миграционный кризис, разразившийся на европейском континенте в 2015 г. Со стороны стран, прежде всего Вишеградской четверки, были заявлены серьезные протесты в связи с установленными в Брюсселе квотами на прием беженцев. Конфликт проявил себя на высшем государственном уровне, когда премьер-министр Венгрии В. Орбан, лидер правящей в Польше партии «Право и справедливость» Я. Качиньский и президент Чехии М. Земан выразили свое несогласие с политикой Евросоюза по приему беженцев с Ближнего Востока. Более того, бывший президент Чехии В. Клаус призвал чехов в свя-

зи с этим готовиться к выходу из ЕС, заявив, что это единственный путь сохранить чешское государство для будущих поколений.

Характерно то, что на востоке Европы не видят необходимости в той политкорректности и толерантности, которую проявляют страны Запада, прежде всего Германия, по отношению к мигрантам. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что и в самой Германии растет недовольство миграционной политикой, что стало одной из причин успеха на выборах в бундестаг в 2017 г. правой партии Альтернатива для Германии. В условиях появления в странах Европы крупных иммигрантских иноэтничных сообществ крайне правые силы получили новый шанс для укрепления своих позиций. И это лишь подтверждает вывод о том, что рост правого радикализма стал общеевропейским явлением.

Статьи сборника содержат обширный научно-информационный материал о правом радикализме в странах Балтии, в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Словакии, Хорватии, Украине, Чехии. В целом издание дает представление о состоянии и тенденциях развития праворадикальных партий и движений в конкретной стране с ее особенностями исторического развития, политической культуры, степенью актуальности этнонациональных проблем.

Список литературы

- Бирюков С.В., Коваленко А.А.* Восточная Европа: Евроскептицизм и правоконсервативный тренд // *Мировая экономика и международные отношения.* – М., 2012. – С. 49–58.
- Погорельская С.В.* Введение. Методологические проблемы исследования правого радикализма // *Актуальные проблемы Европы. Правый радикализм в современной Европе: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН; ред.-сост. Погорельская С.В.* – М., 2004. – С. 6–15.
- Тарасов И.Н.* Правый радикализм и факторы ксенофобских социальных практик в Венгрии и Словакии: Сравнительный анализ // *Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4: История.* – 2015. – № 6 (36). – С. 56–62.
- Beichelt T., Minkenbergh M.* Rechtsradikalismus in Transformationsgesellschaften. Entstehungsbedingungen und Erklärungsmodell // *Osteuropa.* – Stuttgart, 2002. – N 3. – S. 247–262.
- Minkenbergh M.* Pattern, Process, Policies: Conceptualizing Radical Right Impact // *Paper for ECPR General Conference.* – Montreal, 2015. – P. 1–26. – Mode of access: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/37f31939-2ecb-4a71-9026-928ef890c1ed.pdf>

Л.Н. Шанишева

Л.Н. Шишелина

ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ В ВЕНГЕРСКИЙ ПОЛИТИКЕ

Аннотация. В статье отслеживаются истоки современного венгерского правого радикализма от начала общественно-политических трансформаций в этой стране до наших дней. Автор анализирует условия появления и усиления этого спектра венгерской политики, сравнивает программы основных праворадикальных партий, прогнозирует их роль и возможные результаты на предстоящих весной 2018 г. очередных парламентских выборах. По мнению автора, усилению правых настроений в стране способствовали не только тупиковый характер программ и кадровая несостоятельность ведущих социалистических и либеральных сил, ранее достаточно остро конкурировавших с венгерскими правыми, но и ряд внешних обстоятельств, на которые внятный ответ дают только правые партии.

Ключевые слова: Венгрия; смена системы; парламент; политические партии; национализм; консерватизм; радикализм; И. Чурка; Йоббик.

L.N. Shishelina

Radical right in Hungarian politics

Annotation. The origins of modern Hungarian right-wing radicalism from the beginning of socio-political transformations in this country to the present day are traced in the article.

The author analyzes the conditions for the appearance and strengthening of this spectrum of Hungarian politics, compares the programs of the main right-wing radical parties, predicts their role and possible outcomes at the upcoming parliamentary elections in the spring of 2018. According to the author, the strengthening of right-wing sentiments in the country was facilitated not only by the impasse in the programs and personnel insolvency of the leading socialist and liberal forces, that had previously competed rather sharply with the Hungarian rightists, but also a number of external circumstances, to which a clear answer is given only by the right parties.

Keywords: Hungary; a change of system; parliament; political parties; nationalism; conservatism; radicalism; I. Churka; Jobbik.

Правые настроения всегда присутствовали в венгерской политике. Корнями они уходят в первую четверть XX в., когда Венгрия, после Версальских соглашений, не только значительно уменьшилась в размерах, но и оставила за своими границами треть этнических венгров. Попытки ревизии и надежды на то, что сплоченность нации может когда-либо привести к положительным для венгерского мира результатам, в зависимости от режима, то звучали в полный голос (межвоенный период), то укрывались в скромных интеллектуальных дискуссиях (кадаровский период).

Последний яркий всплеск национализма в Венгрии совпал со сменой системы и проявился в канун и во время первых выборов в новый венгерский парламент весной 1990 г. [Вишеградская Европа... 2010] Характерно, что радикализм бывал присущ как правым, так и левым политическим силам Венгрии. К последним можно отнести вышедшую на выборы 1990 г. Венгерскую партию Октября¹ и пытавшуюся возродиться в то время Венгерскую радикальную партию (это был малозначительный леволиберальный проект, совсем не радикалистский в смысле методов. При выборе названия партии была использована только старая вывеска – начала XX в., чтобы подчеркнуть преемственность идей далеко идущей модернизации страны на демократической основе)².

Радикализм и правый, и левый имел в Венгрии устойчивую базу, сочетаясь с проблемами разделенной нации. Кстати, и сама смена системы в Венгрии на рубеже 90-х годов XX в. во многом увязывалась с надеждами на перемены в отношениях Венгрии с венгерскими меньшинствами, проживавшими в соседних государствах. Однако, как нам представляется, левизна радикальных партий не позволила им вновь завоевать избирателя в период слома в стране социалистической системы.

В конце 1980-х годов знамя радикализма удалось поднять и понести дальше партиям консервативного правого толка. Хотя и они поначалу ориентировались в первую очередь на перемены, которые несли с собой советская перестройка и стремление М. Горбачева изменить, наконец, облик социализма. Наряду с требованиями, вполне укладывавшимися в эту линию, в число установок венгерских партий, наряду со свободными выборами, пона-

¹ Просуществовала с июня 1989 по декабрь 1991 г.

² Существовала с 1945 по 1949 г., однако ее наследие было использовано при создании в 1989 г. партии Октября.

чалу входило и создание Института национальных меньшинств. [Bába Ivan, 2007]. Как виделось, этот Институт должен был способствовать не только истории изучения «венгерского вопроса», но и заниматься разработкой стратегии в отношении с зарубежными венграми.

Партия, набравшая по итогам первых свободных выборов в парламент наибольшее число голосов – Венгерский демократический форум, – шла на выборы под лозунгом сплочения 15 млн венгров Карпатского бассейна, притом что население самой Венгрии на тот момент составляло 10 млн человек. Ее программа начала формироваться в середине 1980-х годов и оформилась летом-осенью 1987 г., когда 27 сентября в местечке Лакителек собрались представители венгерской интеллигенции в количестве 181 человека, чтобы обсудить политическое будущее Венгрии. Первостепенными задачами на том этапе виделись выход из советской системы, вывод советских войск, открытие границ и страны в целом для Западной Европы. Или, как это интерпретировали сами участники исторического форума, они собрались, чтобы «предложить альтернативу монолитной власти» [Csurka István, 1992].

Предпосылкой таких настроений послужили конечно же события в СССР. Прежде всего – политика Горбачёва, давшая восточноевропейским союзникам понять, что «варианты возможны» [Csurka István, 1992]. Однако определенности в том, насколько далеко можно заходить в своих действиях и заявлениях, тогда не ощущал никто. Позже, после очередной крупной ссоры в стане победившей партии летом 1992 г., один из ее лидеров, писатель Иштван Чурка, в скандально нашумевшей статье «Несколько мыслей о двух годах смены системы и в связи с новой программой ВДФ» напишет следующее: «Когда в сентябре 1987 года сложился Венгерский демократический форум, никто не думал, да и, пребывая в трезвом уме, вряд ли мог предположить, что вскоре произойдет коренная смена системы ... И пока Запад медитировал по поводу того, поддерживать ли коммунистов-реформаторов наличными или чеками, и если “да”, то какого достоинства, советская империя распозлзлась с едва слышным треском, несопоставимым с ее величием» [Csurka István, 1992].

На тот момент главным радикальным устремлением была смена системы, которая и должна была предоставить легальные возможности для осуществления остальных чаяний венгерской оппозиции.

Если венгерские социалисты, также изначально попытавшиеся разыграть национальную карту под давлением общественного мнения, были в то время несколько ограничены союзническими обязательствами в рамках Варшавского договора и не теряли надежды на помощь Москвы в разрешении экономического коллапса, то у оппозиции руки оставались совершенно свободными. Формирование новой политической системы в Венгрии происходило на фоне весьма бурной дискуссии по национальному вопросу, совмещенному с проблемой послевоенного территориального урегулирования и его последствий, а также с поисками своего нового места в Европе.

Названная проблема выплыла на поверхность еще в 80-е годы в контексте формирования независимого внешнеполитического курса, когда одним из важнейших направлений внешней политики Венгрии стало развитие и укрепление связей с венгерскими национальными меньшинствами в соседних странах: Австрии, Югославии, Чехословакии, СССР и Румынии¹ [Hajdu Tibor, 1984]. В начале это были «пробные шаги», осуществляемые в рамках политической реформы, необходимость в проведении которой росла по мере того как становился все более очевидным грядущий провал экономической реформы при отсутствии политической либерализации.

Вместе с тем к концу 80-х годов серьезно обострилась румыно-венгерская полемика по поводу Трансильвании. Дошло до того, что в политическую лексику представителей высшей власти двух стран вошли откровенные высказывания о возможности вооруженного конфликта. Причиной стала провозглашенная в Румынии в 1988 г. политика «систематизации» населенных пунктов, предполагавшая ликвидацию большого количества венгерских деревень как бесперспективных. Эти планы были нацелены, как и некоторые предыдущие санкционированные сверху кампании, на насильственную ассимиляцию венгерского населения Трансильвании. Многочисленные встречи представителей МИД, а также встречи руководства двух стран: К. Гросс – Н. Чаушеску и

¹ По данным 1985 г., приводимым журналом «Kulpolitika», в Австрии проживало 70 000 граждан венгерской национальности, в Югославии – 550 000, в Чехословакии – 750 000, в СССР – 200 000, в Румынии – 1 850 000. С учетом того, что в Румынии после 1977 г. не проводилось переписи населения, численность венгерского населения Румынии в 1989 г. определялась лишь весьма приблизительно и колебалась между 2,1–2,2 млн.

Р. Ньерш – Н. Чаушеску – не привели к ослаблению напряженности [Вишеградская Европа... 2010].

На фоне провала официальных переговоров все более активно начали проявлять себя новые политические течения и общественные организации. 27 июля 1988 г. в центре Будапешта на площади Героев состоялась 30-тысячная демонстрация, организованная в то время неформальными объединениями и организациями, протестующая против разрушения деревень в Румынии.

В июле же в трех венгерских городах Бекешчабе, Хайдусобосло и Бичке открылись лагеря для беженцев из Румынии. Фонд помощи переселенцам из Румынии оказал к августу 1989 г. помощь 17 тыс. румынских беженцев в размере 170 млн форинтов.

Ситуацией не преминули воспользоваться политики. Вопрос защиты прав национальных меньшинств, национального единения 15 млн венгров, населяющих Карпатский бассейн, занял одно из центральных мест в борьбе партий за места в новом парламенте страны. Наибольшее распространение получила идея создания национальных венгерских автономий в соседних странах. На фоне того, как оба крыла наследников партии Я. Кадара ограничились требованиями создания культурных автономий, другие партии развили идею до требований политической и экономической автономии [Вишеградская Европа... 2010].

В марте – апреле 1990 г. в два этапа прошли первые свободные выборы в парламент обновляющейся страны. Победу одержал Венгерский демократический форум (ВДФ), за который проголосовали 24,73% избирателей. Он сформировал коалицию с также правоориентированными партиями, такими как возрожденная Партия мелких сельских хозяев, получившая доверие 11,73% граждан страны, и Христианско-демократическая народная партия, набравшая 6,46% голосов. Этого количества мандатов было достаточно для формирования правительства страны, однако для проведения реформ и внесения изменений в конституцию страны ВДФ было необходимо создание парламентской коалиции не менее чем в две трети депутатов. В этих условиях МДФ вступил в вынужденный альянс с Союзом свободных демократов (ССД), набравшим на тех выборах 21,39% голосов. С крупнейшей на тот момент либеральной партией правую коалицию объединяла цель скорейшей деструкции коммунистических основ общества. Однако одновременно она была вынуждена урезать, отодвинуть на второй план свои националистические чаяния. ССД имел отличающиеся

представления о судьбе венгерских национальных меньшинств, видя путь к разрешению проблемы прежде всего в налаживании добрососедских отношений со странами – реципиентами венгерской диаспоры.

Сегодня практически все венгерские политологи считают подписанный после знаменитой таксистской блокады 1990 г. пакт национал-консерваторов с ССД главной причиной провала реформ. Тем не менее ССД, переметнувшись в коалицию с Венгерской социалистической партией еще до истечения срока обязательств с консерваторами, поднялся на ступень выше уже на следующих выборах. ССД стал равноправным партнером социалистического правительства, несмотря на то что в 1994 г. за либералов отдали голоса уже менее 20% избирателей. Так, в Венгрии уже ко вторым выборам сложился тандем социалистов и либералов.

На другом фланге постепенно креп альянс национально-консервативных партий. Эволюция этого политического спектра весьма интересна с точки зрения вынужденного лавирования между внутренними вызовами и внешними возможностями. Стремительный и мощный взлет к вершинам национальной политики одного из главных инициаторов венгерских реформ – Венгерского демократического форума – спустя всего два года после прихода к власти завершился расколом внутри партии и постепенным спадом доверия к реформаторам в принципе. Сказалась неподготовленность представителей национально-консервативного движения к управлению страной. Еще одной большой проблемой первого постсоциалистического кабинета Венгрии было отсутствие четкой программы действий, а также внешней поддержки.

После развала ВДФ (который распался на гораздо более слабую ВДФ и Венгерскую партию жизни и справедливости) национально-консервативное направление стало концентрироваться вокруг стремительно порывавшего с присущими ему в канун первых выборов либеральными наклонностями Союза молодых демократов (ФИДЕС). Молодые демократы были востребованы венгерским обществом уже к третьим парламентским выборам (1998), когда среди населения вырос шквал недовольства приватизацией, осуществленной в середине 90-х годов правительством либерал-социалистов, а также невнятность действий первого правительства консерваторов.

В дни, когда отмечалось 20-летие лакитекского собрания оппозиции, его ветераны признали, что в XX в. Венгрия пережила

два великих лишения: это Трианонский договор¹, согласно которому Венгрия потеряла две трети земель и больше половины населения, а также утрату советского рынка в 1990-е годы. «Правительство историков», как назвал его министр иностранных дел Геза Есенский, в первые же часы своего правления столкнулось с множеством совершенно неожиданных проблем. Сначала с международным бойкотом банкиров, затем с блокадой таксистов, в результате чего были парализованы все городские коммуникации. На фоне правительственной эквилибристики проявлялись все новые и новые обстоятельства, в которые приходилось вписываться. Параллельно формировалась и новая политическая структура общества. Отсеивались одни партии, появлялись другие.

Результатом раскола в правящей коалиции, как мы уже писали, стало появление новой радикальной партии писателя Иштвана Чурки – Венгерской партии жизни и справедливости (МІЕР). Причем здесь важно отметить, что причиной исключения будущего лидера радикальных националистов из рядов ВДФ и отставки с поста заместителя ее председателя стала его открытая критика подписанного 6 декабря 1991 г. в Киеве премьер-министром Й. Анталлом двустороннего договора с Украиной о сотрудничестве и добрососедстве. Особой критике подвергся пункт о том, что «Стороны уважают территориальную целостность друг друга и отказываются ныне и на будущее от каких-либо территориальных претензий друг к другу» [Szerződés... 1991]. Иштван Чурка был среди 39 депутатов, которые в 1993 г. проголосовали против ратификации этого соглашения, а всего под разными предложениями договор тогда не поддержали 165 депутатов венгерского парламента – преимущественно представители консервативной части коалиции большинства. Тем не менее 223 голосами договор был утвержден.

Логика голосовавших «против» базировалась на параллельно происходившем объединении соседней Германии, и наиболее решительно настроенные венгерские политики считали, что настал час к объединению и венгерской нации.

15 июля 1993 г. Иштван Чурка образовал собственную партию, провозгласив ее главными ориентирами национальный радикализм, антиглобализм и антикоммунизм. Будучи одной из сил, участвовавших в свержении коммунизма, венгерские радикалы

¹ В 1920 г. в Трианонском дворце в Версале был подписан договор, закрепивший статус Венгрии в Версальской Европе.

достаточно быстро поняли, что в мире нет запроса на поддержку венгерской национальной объединительной идеи. Потому очень скоро направили острие борьбы на глобализм, считая своим главным врагом идеологию, исходящую из Вашингтона, а также ее главного носителя в Центральной Европе, успевшего обосноваться в Венгрии под крышей Центрально-Европейского университета Джорджа Сороса (как известно, венгерского еврея по происхождению). Антиглобалистская риторика – как поле сражения за будущее – увлекала их больше, нежели баталии с уже поверженным коммунизмом и, соответственно, – с Москвой.

Однако время играло против партии Иштвана Чурки. К выборам 1994 г. его все еще воспринимали как часть правящей коалиции, которая проявила себя во главе государства откровенно слабо и безынициативно. Потому на вторых в истории Венгрии выборах за новую партию проголосовали всего 1,6% избирателей, в итоге И. Чурка не прошел в парламент страны. Однако ему удалось наверстать упущенное в 1998 г., когда он во второй раз стал депутатом от собственной партии, набравшей 5,55% голосов. Буквально на десятые доли процента он превысил избирательный барьер и смог образовать в парламенте фракцию МЕР. Однако это был, пожалуй, пик триумфа первой постсистемной радикально-националистической партии Венгрии. Этому способствовали два обстоятельства: провал социал-либеральной коалиции, правившей в стране предыдущие четыре года, и вступление Венгрии в последний этап переговоров с НАТО и Европейским союзом, которые продвигались достаточно медленно и сложно. Объяснялось это требованиями со стороны названных организаций нескончаемых, раздражавших население страны уступок. Победившая впервые на тех выборах более умеренная консервативная партия ФИДЕС Виктора Орбана не приняла партию Чурки в сформированную коалицию. Основной разрыв во взглядах проходил как раз по линии отношения к евро-атлантической интеграции, против которой венгерские националисты всегда выступали достаточно последовательно.

Выборы 2002 и 2006 гг. прошли для МЕР неудачно. А позже она уступила инициативу праворадикальной партии Йоббик, поднявшейся на волне уличных протестов против социал-либерального правительства Ференца Дюрчяна. Большую роль в росте популярности созданной в 2003 г. партии, название которой (Jobbik) можно перевести и как «самые правые», и как «самые лучшие», сыграло вступление в ее ряды Кристины Морвай – адво-

ката демонстрантов, пострадавших в ходе антиправительственных манифестаций 2006 г.

Обе партии идеологически мало отличаются друг от друга. Если МІЕР на первом этапе могла считаться партией венгерской националистически настроенной творческой элиты, то партия Йоббик – это изначально партия молодых и решительных людей, студенческой молодежи, служащих, среднего класса. Что касается экономической программы, то здесь мало отличий. Кроме того, конкурентом обеих партий в этой области может считаться и идеологическая наследница партии Я. Кадара – Венгерская рабочая партия. Однако последняя, не сумев оседлать новые идеологические течения, за прошедшие 30 лет превратилась скорее в партию маргиналов и, в противоположность МІЕР и Йоббик, ни разу не была представлена ни в одном из парламентов какого бы то ни было уровня: ни в европейском, ни в венгерском, ни в местных.

Активность и решительность партии Йоббик проявилась в создании в 2007 г. Венгерской гвардии, ставшей популярной на волне антицыганских настроений. Однако под давлением венгерской еврейской общины, движения антифашистов и еще нескольких общественных организаций, а также международной общественности и Брюсселя гвардия постепенно вынуждена была уйти в тень, преобразовавшись в клубы по интересам.

Тем не менее 2007–2010 гг. действительно стали «звездным часом» для партии Габора Воны. Йоббик стремительно набирала популярность в стране, временами даже опережая лидера оппозиции – ФИДЕС. В 2009 г. она смогла провести трех своих депутатов в Европейский парламент (для сравнения: ФИДЕС – 14 и правящая партия социалистов – четыре). В следующем, 2010 г., партия заручилась поддержкой 16,67% избирателей на выборах в венгерский парламент, впервые создав в нем крупную оппозиционную партию. Притом что еще в 2006 г., т.е. до скандала вокруг правящей партии, она имела всего 2,2% избирательной поддержки. На выборах в Европейский парламент в 2014 г. партия сумела удержать три места, а вот за время выборной кампании в венгерский парламент еще больше укрепить свои позиции, получив 20,22% голосов избирателей и выйдя на третье место по числу полученных мандатов. На местных выборах ей удалось даже обойти старейшую из современных политических партий Венгрии – партию социалистов. В местных, областных и городских советах Йоббик стала второй политической силой после ФИДЕС.

Из наиболее ярких общественных акций последнего времени партии Йоббик (известной также как партия за лучшую Венгрию) можно отметить открытие бюста адмиралу Хорти на площади Свободы, а также неоднократные манифестации против нахождения на той же площади памятника советским воинам, освободившим Будапешт в апреле 1945 г.

Весной 2018 г. в Венгрии состоятся очередные парламентские выборы, и уже в 2017 г. активизировалась предвыборная политическая борьба. Партия Йоббик позиционирует себя как новая сила, способная разорвать порочный коррупционный конгломерат и ФИДЕС, и социал-либералов. Одновременно она подвергается нападкам и тех и других, хотя предпочитает блокироваться против партии своего основного конкурента – Виктора Орбана.

Одновременно все громче о своем возрождении с осени 2016 г. заявляет Венгерская партия жизни и справедливости (МЕР), решившая попытаться еще раз войти в парламент. Не исключено, что при общей усталости избирателя от примелькавшихся постоянно скандалящих парламентариев, да еще на фоне усиления противостояния с Брюсселем у партии появится реальный шанс перехватить часть электората и правых (Йоббик), и венгерских консерваторов – центристов (ФИДЕС).

Подводя итог, следует заметить, что подпитке радикальных правых настроений в Венгрии служат и внутренние, и внешние обстоятельства. Среди внутренних следует отметить, в первую очередь, социальные факторы, такие как актуализация цыганского вопроса, растущая прослойка бедного населения, экономические реформы ЕС, не учитывающие национальные интересы Венгрии.

Среди внешних факторов наибольшее влияние на радикализацию настроений оказывают рост противостояния с Брюсселем, трактуемый как игнорирование последним венгерских национальных интересов; обострение ситуации на Украине, рассматриваемое скорее как шанс для возобновления спора о территориальных претензиях Венгрии, общая глобализация мировой политики, игнорирующая интересы малых государств.

Говорить о перспективах укрепления правых радикалов в Венгрии сложно ввиду того, что правящая коалиция за годы нахождения у власти также научилась играть на двух ролях, задействуя, когда это необходимо, и потенциал своих более взвешенных правоориентированных сторонников. В условиях, когда на левом фланге так и не появилось решительного и харизматичного лиде-

ра, а на правом формируется угрожающая интересам Брюсселя радикальная оппозиция, не исключено, что Брюссель будет рад третьей подряд победе партии ФИДЕС, приняв это если не как подарок, то хотя бы как меньшее из возможных зол.

Список литературы

- Вишеградская Европа: Откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / Под ред. Л.Н. Шишелиной. – М.: Весь Мир, 2010. – 563 с.
- Bába Iván.* Békes átmenet. Adalékok a kialakított rendszerváltoztatáshoz. ICDT. – Budapest, 2007. – 270 old.
- Csurka István.* Néhány gondolat a rendszerváltozás két esztendeje és az MDF új programja kapcsán. – Mode of access: http://mandiner.hu/cikk/20120204_csurka_nehany_gondolat_rendszervaltozas_MDF
- Hajdú Tibor.* From Sarajevo to Trianon // The New Hungarian Quarterly. – 1984. – N 93. – S. 24–36.
- Szerződés a jószomszédság és az együttműködés alapjairól a Magyar Köztársaság és Ukrajna között. Készült Budapesten, 1991. május 31-én, két példányban, magyar és ukrán nyelven. – Mode of access: http://bgazrt.hu/_files/NPKI/oktatas/Magyar-ukr%C3%A1n%20alapszerz%C5%91d%C3%A9s.pdf
- Nemzeti Választási Bizottság. – Mode of access: <http://www.valasztas.hu>
- Jobbik Movement for a Better Hungary. – Mode of access: www.jobbik.com
- Magyar Igazság és Élet Pártja (MIÉP). – Mode of access: <http://miepamagyarokert.cafeblog.hu>

О.Б. Неменский

КРАЙНЕ ПРАВЫЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ

Аннотация. Статья посвящена националистическим партиям и движениям, представленным в Республике Польша после 1989 г. Дается описание их идейных истоков, типологизация основных направлений и их политической истории. Особое внимание уделяется идеологии современных движений, их своеобразным и общим чертам. Польские националистические организации рассматриваются на общеевропейском фоне, что позволяет остановиться на вопросе о причинах роста их популярности и политического влияния.

Ключевые слова: Польша; национализм; народовцы; эндеция; Роман Дмовский; Ян Стахнюк; Гертых; национал-радикалы; католический консерватизм; неоязычество; фашизм; «Всепольская молодежь»; национал-консерватизм; крайне правые; антисемитизм; фаланга; круглый стол 1989 г.; «Право и справедливость»; Центральная Европа; польско-германские отношения; консервативные ценности.

O.B. Neneskiy

Extreme right movements in modern Poland

Annotation. The article is dedicated to the nationalist parties and movements that existed in the Republic of Poland after 1989. It contains the description of their ideological origins, the classification of main directions and their political history. A special attention is given to the ideology of existing movements, their common and distinguishing features. Polish nationalist organizations are analyzed against the European background, which makes it possible to pay special attention to the reasons of their growth in popularity and in political influence.

Keywords: Poland; nationalism; narodovtsy (natives); Endecja (National Democracy); Roman Dmowski; Jan Stachniuk; Giertych; national radicals; Catholic conservatism; neopaganism; fascism; The Poland-wide Young Meeting; national conservatism; extreme right; anti-Semitism; falange; Polish Round Table Agreement (1989); «Law and Justice»; Central Europe; Polish-German relations; conservative values.

После Второй мировой войны Польша была сформирована как максимально моноэтническое государство. По переписи 2002 г. 96,74% граждан признали себя этническими поляками. В таких условиях основное внимание националистов направляется не на проблемы с меньшинствами, а на вопросы исторической политики и государственной идеологии, внутривластной борьбы, а также внешней политики, и в первую очередь на угрозы для суверенитета государства.

Польская националистическая традиция очень неоднородна. Строго говоря, националистическим можно признать все право-консервативное крыло польской политики. Это обусловлено огромным значением для исторического самосознания поляков мифа о польском народе как сообществе равных, уходящего своими корнями еще в шляхетскую республиканскую модель Первой Речи Посполитой. Тем не менее для определения места националистов в современной политической жизни Польши стоит обратить внимание на факт националистической идентичности того или иного движения, причем как его самоопределения, так и распространенного в обществе мнения о том, кого следует называть «националистами».

Вся польская политическая жизнь после 1989 г. представлена двумя основными лагерями – так называемыми «посткоммунистами» (левыми партиями и общественными движениями, считающимися – не всегда обоснованно – наследниками Польской объединённой рабочей партии) и представителями «постсолидарностного» лагеря, т.е. различных движений, созданных деятелями «Солидарности» или наследующих ее политические традиции. Этот лагерь имеет существенные внутренние расхождения по целому ряду вопросов. И в первую очередь по отношению к результатам круглого стола 1989 г., т.е. к политической системе Третьей республики – сторонники радикального «антикоммунизма» выступают за отмену этих решений как недопустимого компромисса со старой элитой. Правящая с 2015 г. партия «Право и справедливость» шла на выборы 2005 г. под лозунгом Четвёртой республики, однако позже, официально от него не отказываясь, стала придерживаться в этом вопросе более умеренной позиции.

Другое значимое расхождение в правом лагере основано на двух идеологических традициях, идущих от крупнейших политических деятелей первой половины XX в., – Юзефа Пилсудского и Романа Дмовского. Радикальное расхождение их последователей

в оценке межвоенного времени и режима санации, в подходах к целому спектру политических вопросов, в том числе и в стратегиях внешней политики, остается по сей день важнейшей почвой для политических конфликтов и противоречий. Из этих двух традиций именно последователей Дмовского («национальных демократов», «эндеков»¹ или «народовцев») принято считать польскими националистами.

Однако спектр умонастроений в националистической среде гораздо шире². Есть и движения, национализм которых связан с другими идейными основаниями – и польскими, и зарубежными. Существуют также значительные расхождения между умеренными националистами и радикалами, сторонниками демократии или «смешанной системы», настроенными антиреволюционно или на совершение «национальной революции», апеллирующих к католической церкви или к язычеству, а также между собственно националистами и движениями, более близкими к нацизму. Есть и значительные расхождения по внешнеполитической ориентации, особенно касательно отношений с США и представлений о должном устройстве Европы – с сохранением в какой-либо форме участия Польши в ЕС или без нее. Такое большое количество спорных вопросов обуславливает дробный характер польского националистического спектра, наличие многочисленных небольших организаций с довольно конфликтными отношениями друг с другом. Дважды предпринимались попытки создать их крупные объединения: в 2001 г. в составе «Лиги польских семей» и в 2012 г. в «Национальном движении».

¹ Эндеки, эндечия – от аббревиатуры ND, т.е. «национальная демократия».

² Эва Май выделяет шесть течений в современном польском национализме: либеральный национализм, народо-католическое движение, народово-людовое, национал-радикальное, славянский национализм и традиционалистское. Последние три она определяет как экстремистские движения. Однако из ее же расклада партий и организаций следует, что на деле эти течения тесно переплетены, и та или иная националистическая группа может быть отнесена сразу к нескольким таким типам. Кроме того, все же надо отметить, что определение движений в качестве экстремистских носит оценочный характер и не является частью их самоидентификации. См.: Maj E. Wielonurtowość myśli nacjonalistycznej w Polsce współczesnej // Idee w procesie krzałtowania współczesnej rzeczywistości polskiej. Nacjonalizm / Pod red. Ewy Maj, Magdaleny Mikołajczyk i Michała Śliwy. – Kraków, 2010. – S. 81–82.

Основное (наиболее мощное) направление польского национализма связано с именем одного из крупнейших идеологов и политических деятелей Польши Романа Дмовского (1864–1939). Он не любил слова «национализм», поэтому его движение (как и его современных последователей) принято называть «народовым», а его представителей «народовцами»¹. Однако в их политическом языке присутствуют оба понятия и различие между ними спорно. Народовцы сами говорят о «господствующем ныне понятийном хаосе» в этом вопросе. Как определяют себя представители одного из таких движений: «Проще всего сказать, что мы являемся националистами, но точнее – польскими народовцами»².

Межвоенная эндеция была одним из крупнейших по численности участников политических движений, однако после майского переворота 1926 г. так и не обрела соответствующего значения в политике Второй республики. Сам Дмовский, сыграв принципиальную роль как представитель Польши при подписании Версальского договора в 1919 г. (став тем самым одним из «отцов» возрожденной Польши), позже не занимал значимых политических постов. После 1935 г. его партия вообще бойкотировала парламентские выборы. Тем не менее деятели этого движения оставили большой корпус идеологических текстов, ставших вновь актуальными после 1989 г.

Организации, руководимые Р. Дмовским, существовали на протяжении более чем 50 лет: Национальная лига (*Liga Narodowa*, 1893–1928), Национально-Демократическая партия (*Stronnictwo Narodowo-Demokratyczne*, 1897–1919), Народно-национальный союз (*Związek Ludowo-Narodowy*, 1919–1928), Национальная партия (*Stronnictwo Narodowe*, 1928–1947), а также более широкое политическое объединение организаций различного рода – Лагерь Великой Польши (*Obóz Wielkiej Polski*, 1926–1933), которое при роспуске его правительством в 1933 г. насчитывало более 200 тыс. членов. Большим влиянием в обществе пользовалась существо-

¹ Такое точное воспроизведение польского слова здесь уместно, так как единственное русское соответствие – «народники» – имеет совершенно иное идеологическое значение. Так как слово «narodowy» используется в двух значениях – в общем смысле как «национальный» и конкретно как наименование движения, в различных случаях его разумно переводить по-разному, хотя иногда такой перевод вынужденно спорен.

² *Kim jesteśmy? O co walczymy? // Obóz Narodowo-Radykalny Podhale.* – Mode of access: <http://onrpodhale.pl/kim-jestesmy/> (Дата обращения: 21.12.2017.)

вавшая все межвоенное время организация «Всепольская молодежь». Важнейшее значение для создания идеологии народовцев имела публицистика Яна Людвиг Попплавского (1854–1908), книга «Национальный эгоизм в отношении этики» Зыгмунда Балицкого (1858–1916) и книга Романа Дмовского «Мысли современного поляка» (обе вышли в 1903 г.). За свою межвоенную историю эндация породила целую плеяду ярких мыслителей, среди которых стоит упомянуть также Романа Рыбарского, Тадеуша Белецкого, Енджея Гертыха, Станислава Гломбиньского, Станислава и Владислава Грабских и др.

Польская эндация была во многом даже более опережающей западные образцы правой идеологией, основанной на отвержении как разбивающих национальное единство левых течений (социализма, коммунизма), так и либеральной демократии. Её идеологи предлагали систему, построенную на ином понимании национальной целостности – не как электорального единства граждан, а как исторической общности, со своим особым духом, объединяющим все поколения – и живущих ныне, и живших в прошлом. Государство представлялось инструментом существования нации, а не конституирующей её организацией. При этом особое значение придавалось культурной и религиозной традиции, что означало особую приверженность католицизму как вероисповеданию, определяющему «польскость»¹. Дмовский заявлял: «Наше государство является национальным, а наша нация – католической»². В целом народовская идеология была довольно гармоничным явлением крайнеправого идеологического спектра межвоенной Европы, однако не наследовала иностранным образцам, будучи специфически польской идейной традицией. Эндация выступала решительно против расизма, и особенно немецкой теории о высшей нордической расе³. Однако не удивительно, что эндеки перенимали у западных коллег некоторые характерные особенности, например, приветствие в виде «римского салюта», впрочем, так и не ставшего общепринятым в этой среде.

¹ Значению католической церкви и религиозности в народовской идеологии («католической сущности польскости») можно привести параллель в идеологии «nationalcatolicismo» Испании периода Франко.

² Dmowski R. Kościół, naród i państwo // Dmowski R. Wybór pism. – Poznań, 2014. – Т. 1. – S. 65. – (Книга 1927 г.).

³ См.: Korowski A. Narodowa Demokracja wobec nazizmu i Trzeciej Rzeszy. – Toruń, 2006. – S. 146–147.

Еще одной значимой чертой, сближавшей эндецию с нацистами в Германии, был вполне определенный и открыто заявляемый антисемитизм. Однако надо отметить, что в народовской идеологии он не имел расово-биологической трактовки. Негативное отношение к еврейскому населению основывалось на критике его экономической роли в польском обществе, а также на негативном отношении к любым вне- и наднациональным факторам, нарушающим единство польского народа.

Надо также отметить такую важную черту польской эндеции, как преобладание антигерманского настроения во внешней политике. Если Ю. Пилсудский главным врагом Польши считал Россию и основное внимание уделял антироссийскому объединению сил и структуризации этногосударственного пространства на восток от Варшавы, то Р. Дмовский после 1905 г. усматривал важнейшую опасность для Польши с запада, от Германии, считая относительно слабую Россию потенциальным союзником в борьбе с немецким империализмом¹. «Пророссийская» ориентация Дмовского сочеталась с его негативным отношением к польским восстаниям и в целом вооруженной освободительной борьбе, которой он предпочитал использование законных возможностей и культурно-просветительскую работу. Расхождение между двумя политическими лагерями («освободительным» лагерем пилсудчиков и «народовцами») по этому вопросу сформировалось до Первой мировой войны, просуществовало все межвоенное время и сохраняется далее.

В последующей судьбе эндеции (по сей день) сильную негативную роль играют обвинения в фашизме. Для этого есть свои основания, хотя они и оспариваются большинством деятелей этого политического лагеря. Оппоненты любят приводить некоторые профашистские цитаты из речей и работ Дмовского. Широко известно определение, данное одним из лидеров народовцев второй половины 1930-х годов Енджеем Гертыхом, который писал: «Мы одно из тех движений, которое, как фашизм в Италии, гитлеризм в Германии, лагерь Салазара в Португалии, карлизм и Фаланга в Испании, сносят старую масонско-плутократическо-социалистическо-еврейскую систему и строят новый порядок, национальный порядок»². Однако ли-

¹ Свои взгляды на эту тему Р. Дмовский выразил в книге «Германия, Россия и польский вопрос» 1908 г. издания, ставшей одним из основных сочинений автора.

² Giertych J. O wyjście z kryzysu. – Warszawa, 1938. – S. 31.

дер «Всепольской молодежи» в 1928–1933 гг. Ян Мосдорф (одна из культовых фигур для современного национал-радикального движения) писал об этом иначе: «Мы не фашисты и не гитлеровцы, в первую очередь потому, что являемся движением чисто польским, нам не нужны иностранные образцы. Мы не считаем себя фашистами или гитлеровцами также и потому что оба эти движения имеют много недостатков, и даже грехов, к которым мы отношения не имеем. Это не те идеалы, к которым мы стремимся»¹. Некоторые народовцы в начале Второй мировой войны предприняли попытки сотрудничества с оккупационными властями Германии (например, Национальная радикальная организация под руководством Анджея Светлицкого), но успеха они не имели. В основном народовцы действовали в партизанском подполье.

В октябре 1939 г. Национальная партия организовала Национальную военную организацию (Narodowa Organizacja Wojskowa – NOW). В 1942 г. на основе объединений возникли Национальные вооруженные силы (Narodowe Siły Zbrojne – NSZ), насчитывавшие до 100 тыс. участников. Боевая деятельность народовцев во время войны была направлена не только против сил гитлеровской коалиции, но и против СССР и союзных с ним военных формирований. В послевоенные годы именно подпольная борьба с коммунизмом стала основной формой их деятельности. В конце 1944 г. было образовано Национальное военное объединение (Narodowe Zjednoczenie Wojskowe – NZW), направленное специально на борьбу с «террором Советской России». Всё это движение антисоветских партизан, в целом прекратившее свою деятельность к середине 1950-х годов, вошло в историографию под названием «проклятых солдат», почитание памяти которых стало одной из основных тем, поднимаемых современными польскими националистами. Ежегодно в День памяти «проклятых солдат» 1 марта организовываются многочисленные акции их памяти.

В период Польской Народной Республики деятельность народовцев была почти невозможна. Существовало католическое (неформально народовское) общество «Пакс» (Stowarzyszenie «Pax»), организованное в 1947 г. Болеславом Пясецким и другими деятелями одного из осколков довоенной Национальной партии –

¹ Jan Mosdorf. Nasza Idea – polski nacjonalizm // Narodowe Odrodzenie Polski. – Mode of access: <http://www.nop.org.pl/2014/08/22/jan-mosdorf-nasza-idea-polski-nacjonalizm/> (Дата обращения: 21.12.2017.)

«Национал-радикального движения Фаланга». Оно было ориентировано на сотрудничество с новыми коммунистическими властями в качестве посредника между ними и католической общественностью. После смерти Б. Пясецкого в 1979 г. и введения военного положения оно фактически перестало действовать. В 1970-х годах появилось еще несколько групп, культивирующих народовскую традицию, однако говорить о заметном движении не приходится. Однако начиная с 1989 г. начался процесс возрождения эндеции и других форм польского национализма. В настоящее время можно говорить о растущей популярности этих движений, их все более заметной роли в политической и общественной жизни Польши.

Существенной проблемой для движения является так называемое «потерянное поколение». Как отмечает целый ряд исследователей, в народовские организации так и не пришли поляки, родившиеся в послевоенное время и выросшие до взрослого возраста в ПНР. Создателями всех новых политических структур были деятели старшего поколения, рожденные еще до 1945 г., а следующее поколение начиналось с 1960–1970-х годов рождения. «Рождённые между 1945–1960 гг. в движении не присутствовали»¹. Как пишут авторы книги «Польша для Поляков! Кем были и кем являются польские народовцы»: «Среда собирала старшее поколение народовцев, а также молодежь. Среднее поколение, воспитанное и травмированное жизнью в ПНР, очень редко вовлекалось – его представители не понимали идеологии народовского движения и не умели в ней найти себя»². Даниэль Павловец, бывший депутат от «Лиги польских семей» и один из идеологов «Национального движения», определил социальную базу неондеции двумя возрастными группами: «60 плюс и 25 минус»³. Новые поколения молодежи все активнее приходят в националистические организации, их численность растет, однако отсутствие в нем среднего (а теперь скорее уже старшего) поколения продолжает сказываться и на численности его поддержки, и на солидности его имиджа. Тем более что у движения немало внутренних проблем, впрочем, доволь-

¹ Maj E. Wielonurtowość myśli nacjonalistycznej w Polsce współczesnej // Idee w procesie kształtowania współczesnej rzeczywistości polskiej. Nacjonalizm / Pod red. Ewy Maj, Magdaleny Mikołajczyk i Michała Śliwy. – Kraków, 2010. – S. 89.

² Chodakiewicz M.J., Mysiakowska-Muszyńska J., Muszyński W.J. Polska dla Polaków! Kim byli i są polscy narodowcy. – Poznań, 2015. – S. 477.

³ Krzymowski M. Jesteśmy czarnym snem // Newsweek. – 2013. – N 10. – S. 16.

но типичных для организаций такого толка. Между различными идейными группами масса расхождений по идейным, организационным, тактическим и стратегическим вопросам, а задачи объединения все время наталкиваются на персональные амбиции и отсутствие харизматических лидеров.

Восстановление политического движения почти с нуля не могло быть быстрым, поэтому трудно говорить о современной польской эндееции как явлении, соотносимом по значимости с межвоенным временем¹. Как верно отметила Л.С. Лыкошина, «“Национальная демократия” как политическая партия, идейное наследие ее идеологов не обрели в современной Польше того значения и роли, которые они имели в межвоенный период, попытки возрождения этого политического феномена в прежнем масштабе не удались», однако теперь «политические ветры дуют в паруса правых, создавая достаточно благоприятный климат для националистов»².

Действительно, всю историю националистического движения в Польше последних трех десятилетий можно рассматривать как постепенный рост его численности и влияния. «“Народовцы” ведут себя громко, грозно и все более заметно»³. Националисты вошли в большую политику, стали членами правительства, заседают в парламенте. И, судя по настроениям в молодежной среде, а также по общему тренду региональной политики, можно с достаточной степенью уверенности прогнозировать дальнейшее развитие этого течения. Идеология и политическая история националистических организаций могут помочь понять причины этих перемен, а также то новое, что националисты готовы привнести в большую политику.

Национал-радикальные организации

Самой старой и одновременно наиболее радикальной националистической организацией Польши, апеллирующей к народо-вой традиции, является **«Национальное возрождение Польши»**

¹ См. о ней: Tokarz G. Ruch Narodowy w Polsce w latach 1989–1997. – Wrocław, 2002; Tomaszewicz J. Ugrupowania neoendeeckie w Trzeciej Rzeczypospolitej. – Toruń, 2003; Maj Cz., Maj E. Narodowe ugrupowania polityczne w Polsce (1989–2001). – Lublin, 2007.

² Лыкошина Л.С. Радикальный национализм в современной Польше в свете идейного наследия Романа Дмовского / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – С. 7.

³ Dąbrowska A. Prawa ściana // Polityka. – 2016. – N 24. – S. 18.

(Narodowe Odrodzenie Polski, NOP). Датой ее основания считается 10 ноября 1981 г., и до 1989 г. она была единственной националистической организацией польского политического подполья. В те годы ее деятельность заключалась главным образом в антикоммунистической агитации. Выпускала тайный журнал «Я поляк» («Jestem Polakiem»). Первый его номер появился в 1983 г. Потом было образовано одноименное тайное издательство, которое до конца ПНР успело опубликовать более ста книжек и брошюр.

Бессменным лидером организации является Адам Гмурчик. Своим предшественником NOP считает «Национально-радикальный лагерь» (Obóz Narodowo-Radykalny, ONR), который был образован в 1934 г. группой радикально настроенных молодых представителей «Лагеря Великой Польши» и через три месяца запрещен властями, распавшись в 1935 г. на ONR-Falanga Болеслава Пясецкого и ONR-ABC Хенрика Россмана. Эта организация обыкновенно рассматривается не столько как часть народовского движения, сколько как его радикальный осколок.

Одним из лозунгов NOP является «Вчера ONR, сегодня NOP». В состав NOP входят, помимо одноименной партии, также ряд обществ и различных социальных инициатив. Про саму партию ее лидер говорит: «Мы создаем политическую организацию нового типа – нового, так как в ней объединяются как элементы классического идеологического движения, так и рыцарского ордена. Поэтому националистические бойцы, “люди NOP”, получают образование в трех сферах – религиозной, политической и военной»¹. С 1992 г. NOP является членом «Международной третьей позиции» (International Third Position) Роберто Фиоре.

Официальным органом NOP с 1994 г. является журнал «Щербец» («Szczerbiec»), первый номер которого появился еще в ноябре 1991 г., но имел другого главного редактора. Журнал долго был ежеквартальным, но в нулевые годы стал выходить нерегулярно, а основное внимание публицистов NOP переключилось на сайт nationalista.pl. В 1990–2000-х годах NOP постоянно участвовала в выборах, но занимала последние места. В качестве символов NOP использует фалангу и орла, держащего связку с розгами

¹ Gmurczyk A. Nowy nacjonalizm – Narodowa Rewolucja XXI wieku // [Nationalista.pl. Dziennik Narodowo-Radykalny.](http://www.nacjonalista.pl) – Mode of access: <http://www.nacjonalista.pl/2015/09/23/adam-gmurczyk-nowy-nacjonalizm-narodowa-rewolucja-xxi-wieku/> (Дата обращения: 21.12.2017.)

(фашо), а также римское приветствие (причем А. Гмурчик настаивает на этом жесте¹) и лозунг «Слава Великой Польше! Смерть врагам Отечества!»². Активисты NOP регулярно обвиняются судами в пропаганде фашизма, расизма и экстремизма.

В «Программных принципах» партии записаны разрыв каких-либо интеграционных связей с ЕС, изгнание с территории польского государства иностранных войск, реприватизация национальной собственности, ограничение власти бюрократическо-политической касты, уменьшение как минимум на 50% бюрократии, децентрализация в общественно-политической и экономической сферах, основанная на локальных и профессиональных сообществах, возврат смертной казни и запрет на аборты и эвтаназию³.

NOP является крайним противником членства Польши в ЕС и НАТО, использует лозунг «Ни ЕС, ни НАТО! Польша для поляков!». NOP организовывала манифестации и марши против объединенной Европы еще с начала 1990-х годов. Организация выступает за «возрождение Европы вольных народов», христианской «Европы национальных государств ... управляемых в соответствии с интересами своих наций»⁴. Заявляются и антиамериканские позиции, обоснованные «антисионистскими взглядами», осуждением политики США и Израиля на Ближнем Востоке. Отрицается официальный миф о независимости современной Польши: «Сегодня, например, так называемая III Республика это обычная карикатура на государство – решения, которые должна принимать эта структура, принимают внешние центры власти (НАТО, Европейский союз и др.)»⁵.

¹ «Мы будем вставлять под цветами и символами нашей страны и под знаменами и знаками нашего Движения. Всегда со взнесенной кверху рукой в римском жесте». См.: Gmurczyk A. Nowy nacjonalizm – Narodowa Rewolucja XXI wieku // *Nacjonalista.pl*. – 2015. – Mode of access: <http://www.nacjonalista.pl/2015/09/23/adam-gmurczyk-nowy-nacjonalizm-narodowa-rewolucja-xxi-wieku/>

² См.: Adam Gmurczyk: Symbol a Idea // *Nacjonalista.pl*. *Dziennik Narodowo-Radykalny*, 16.10.2017. – Mode of access: <http://www.nacjonalista.pl/2017/10/16/adam-gmurczyk-symbol-a-idea/>

³ *Zasady programowe* // *Narodowe Odrodzenie Polski*. – Mode of access: <http://www.nop.org.pl/zasady-programowe/>

⁴ *Nowoczesny nacjonalizm* // *Narodowe Odrodzenie Polski*. – Mode of access: <http://www.nop.org.pl/nowoczesny-nacjonalizm/>

⁵ Gmurczyk A. Nowy nacjonalizm – Narodowa Rewolucja XXI wieku // *Nacjonalista.pl*. *Dziennik Narodowo-Radykalny*. – Mode of access: <http://www.nacjonalista.pl/2015/09/23/adam-gmurczyk-nowy-nacjonalizm-narodowa-rewolucja-xxi-wieku/>

NOR придерживается «традиционного католицизма», в связи с чем критически относится к нововведениям, связанным с решениями Второго Ватиканского собора и последующими преобразованиями: «Мы католики, католики не модного сегодня рода», – говорит лидер партии¹. Значительное место отводится принципам католического корпоративизма. Европа представляется ареной борьбы между христианством и «религией демолиберализма». Традиционные ценности видятся основой национального единства: «Современное общество демолиберальной действительности лишено всех тех ценностей, которые прежде формировали его жизнь. Связи, объединяющие народ, были разорваны, даже семья и Церковь не избежали деморализации. Человеческая жизнь сведена к чисто материальному существованию, в котором высшие ценности не имеют смысла бытия. Для людей, для которых Бог, Родина, Народ по-прежнему остаются неизменными ориентирами жизни, такая ситуация была неприемлема. Именно поэтому в 1981 году появилось Национальное возрождение Польши»².

По ряду признаков идеология NOR действительно ближе к классическому фашизму, чем к польской эндеции. Значительное место в ней занимает провозглашение консервативной революции. Используется даже лозунг «Европа, молодость, революция!». Основатель журнала «Щербец» Мирослав Жоховский в статье «Мы, польские националисты» (доклад, оглашенный на I конгрессе NOR) называет NOR движением народовско-революционным. Он заявляет: «Я националист, и поэтому стремлюсь к национальной, бесклассовой, иерархично организованной Польше». «Я националист, и поэтому... я буду разжигать добела наш родной, польский, католический национализм, чтобы выжечь проклятую еврейскую псевдомократию, проклятый еврейский псевдонационализм, империализм, шовинизм и фанатичный антиполонизм»³.

¹ Gmurczyk A. Nowy nacjonalizm – Narodowa Rewolucja XXI wieku // *Nacjonalista.pl. Dziennik Narodowo-Radykalny*. – Mode of access: <http://www.nacjonalista.pl/2015/09/23/adam-gmurczyk-nowy-nacjonalizm-narodowa-rewolucja-xxi-wieku/>

² Ibid.

³ Żochowski M. My, polscy nacjonaści // *Nacjonalista.pl. Dziennik Narodowo-Radykalny*. – Mode of access: <http://www.nacjonalista.pl/2015/09/20/miroslaw-zochowski-my-polscy-nacjonalisci/> (Дата обращения: 11.11.2017.)

В соответствии с идеологией «Третьей позиции» декларируется «враждебное отношение к тоталитарным системам¹, отрицание идеологий коммунизма и капитализма», которые в экономической сфере заменяются на корпоративизм. Провозглашается лозунг «создания Нового Человека, потому что тот, что был до сих пор, слишком слаб»². В Декларации «Третьей позиции» формирование Нового Человека объявлено необходимым средством совершения «всемирной национальной революции»³. Также в соответствии с этой Декларацией отвергается «расовый и культурный геноцид», но поддерживается «расовый сепаратизм».

Отличным от классического фашизма в идеологии NOP является взгляд на государство как структуру, «субъектом которой является народ»⁴. Декларируется максимальное уменьшение роли государства: «Национальное государство – это такое государство, которое вмешивается в жизнь общества только в необходимых вопросах. Его же безусловной сферой господства являются: оборона перед внешними угрозами (военными и экономическими), внутренняя оборона (общественная безопасность), а также внешняя политика»⁵. Однако надо отметить, что задача децентрализации политической сферы (через «непосредственное участие всех людей в процессе принятия решений на локальном, региональном и национальном уровнях») является также одним из программных положений Международной третьей позиции.

Важнейшее внимание уделяется защите прав народов: «Сообществом высшего типа – сообществом натуральным – является народ... Народ – как натуральное сообщество – имеет определенные права: а) право сохранения своего языка и культуры; б) право контроля над воспитанием народа – для сохранения и развития

¹ Основной формой современного тоталитаризма при этом объявляется демократия.

² Żochowski M. My, polscy nacjonalisci // *Nacjonalista.pl. Dziennik Narodowo-Radykalny.* – Mode of access: <http://www.nacjonalista.pl/2015/09/20/miroslaw-zochowski-my-polscy-nacjonalisci/>

³ Декларация Третьей Позycji // *Narodowe Odrodzenie Polski.* – Mode of access: <http://www.nop.org.pl/deklaracja-trzeciej-pozycji/>

⁴ Gmurczyk A. Nowy nacjonalizm – Narodowa Rewolucja XXI wieku // *Nacjonalista.pl. Dziennik Narodowo-Radykalny.* – Mode of access: <http://www.nacjonalista.pl/2015/09/23/adam-gmurczyk-nowy-nacjonalizm-narodowa-rewolucja-xxi-wieku/>

⁵ Ibid.

ценностей, определяющих народ; в) право на принадлежащую ему по традиции и истории национальную территорию; г) право на создание подотчетных ему структур самоуправления. Среди структур, создаваемых народом, структурой высшего порядка является государство»¹. NOP выступает за радикальные изменения в отношениях собственности – за объединение капитала с трудом: «Это означает, что мы отвергаем доктрину “договора о найме”, которую исповедуют вместе либералы и социалисты. Мы считаем, что каждый работник должен иметь частичные права собственности (на разумных, пропорциональных принципах) на свое место работы – вместе с владельцем капитала»².

В целом отрицание традиционной системы демократии, лозунг строительства иерархического общества, крайний корпоративизм, ориентация на «национальную революцию» и т.п. делают идеологию NOP гораздо более близкой к западноевропейскому фашизму и официально принимаемой им идеологии «Третьей позиции», чем к польской эндеции. Политики и идеологи основного направления современной «национальной демократии» вообще склонны отрицать народолюбивый характер NOP. Так, Рафал Земкевич говорит о NOP: «Это скорее скинхедская организация под знаком кельтского креста, чем польской эндецкой традиции»³. Сами деятели NOP резко негативно относятся к другим современным эндекам, отрицая их принадлежность к национализму и укоряя за мягкость позиции (например, за то, что они не требуют срочного выхода из ЕС⁴). Про «Всепольскую молодежь» и «Лигу польских семей» А. Гмурчик говорит как о фикции, созданной еще коммунистической властью: «Это коммунисты создали квазинационалистическое движение во главе с отцом бесславного Романа Гертыха, Мачеем. Этот “лагерь” был, несомненно, санкционирован красными и ими поддерживался, а сам “вождь” Гер-

¹ Zasady ideowe nacjonalizmu // Narodowe Odrodzenie Polski. – Mode of access: <http://www.nop.org.pl/zasady-ideowe-nacjonalizmu/>

² Gmurczyk A. Nowy nacjonalizm – Narodowa Rewolucja XXI wieku // *Nacjonalista.pl. Dziennik Narodowo-Radykalny.* – Mode of access: <http://www.nacjonalista.pl/2015/09/23/adam-gmurczyk-nowy-nacjonalizm-narodowa-rewolucja-xxi-wieku/>

³ Dąbrowska A. Prawa ściana // *Polityka.* – W-wa, 2016. – N 24. – S. 19.

⁴ *Ibid.* – S. 20.

тых заседал в Консультационном совете при генерале Ярузельском и был ему верен до самого конца»¹.

Для основного лагеря современной эндеции NOP является большой проблемой, так как во многом дискредитирует движение своим радикализмом и фактически откровенным фашизмом. Как написала об этом Л.С. Лыкошина, «при всем своем стремлении вписаться в традиции “Национальной демократии” NOP довольно часто скорее компрометирует это направление политической мысли, как и имя Р. Дмовского. Именно NOP чаще всего фигурирует в либеральной прессе как пример фашистской угрозы в нынешней Польше и как наследник крайне правого, профашистского течения “Национальной демократии” в межвоенный период»².

Примечательно, что NOP не участвует в варшавском общем националистическом марше на День независимости 11 ноября, а с 2010 г. организует во Вроцлаве свой «Марш патриотов» в виде факельного шествия. В 2017 г. он прошел под лозунгом «За независимую Польшу – против Европейского союза»³. Тем не менее в последние годы он становится все более многочисленным и заметным явлением. Движение имеет сильные позиции в клубах футбольных болельщиков. На парламентских выборах 2015 г. кандидаты от NOP получили в некоторых округах до 14% голосов, что стало большим успехом и было замечено политической общественностью.

Другим проектом по возрождению традиции довоенного ONR стала организация под таким же названием – «**Национально-радикальный лагерь**» (**Obóz Narodowo-Radykalny, ONR**). Она представляет собой попытку собрать многочисленные региональные крайне правые группировки в единое объединение, предпринятую впервые в 1995 г. и окончательно оформленную на учреди-

¹ Każda broń w prowadzonej walce z Systemem jest dobra – wywiad z prezesem NOP // Narodowe Odrodzenie Polski. – 2012. – 29.09. – Mode of access: <http://www.nop.org.pl/2012/09/29/kazda-bron-w-prowadzonej-walce-z-systemem-jest-dobra-wywiad-z-prezesem-nop/>

² Лыкошина Л.С. Радикальный национализм в современной Польше в свете идейного наследия Романа Дмовского / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – С. 43.

³ VIII Marsz Patriotów: Dla Niepodległej Polski – przeciwko Unii Europejskiej // [Nacjonalista.pl](http://www.nacjonalista.pl). Dziennik Narodowo-Radykalny. – Mode of access: <http://www.nacjonalista.pl/2017/10/21/viii-marsz-patriotow-dla-niepodleglej-polski-przeciwko-unii-europejskiej/>

тельном съезде в 2005 г.¹ ONR позиционирует себя как организацию внепартийную, как «идеологический орден, защищающий словом и делом принципы консерватизма, традиционализма и национализма»². Лагерь представляет собой «федерацию» многочисленных локальных организаций («бригад»), которых насчитывается не менее двух десятков.

Деятели ONR называют себя последователями Дмовского, Балицкого и Добошинского³, однако на деле объединяли в основном крайне националистические и скинхедские организации Польши. ONR не участвует в выборах, концентрируя свою деятельность на организации пикетов и манифестаций, памятных акций, публичных лекций, загородных лагерей с образовательными программами и тренировками, издании брошюр, плакатов и листовок, благотворительной деятельности и т.п. Патронирует значительную часть организаций болельщиков. ONR постоянно обвиняют в пропаганде фашизма, демонстрации во время массовых акций римского приветствия. В качестве своего символа ONR использует фалангу.

ONR изначально ставил своей целью объединение многих региональных организаций с весьма разнообразными взглядами (в рамках общей национал-радикальной парадигмы), что, в отличие от лидерской NOP, требовало большей пластичности в сфере идеологии. При этом значительная часть этих организаций носила поначалу скинхедский характер и была далека от католической религиозности, что обусловило светскую (но и не атеистическую) направленность ONR, также на ранних порах ярко отличавшую его от NOP. Кроме того, А. Гмурчик во второй половине 1990-х годов проводил кампанию по отдалению своей организации от образа скинхедского движения (как они это называли, «отскиновывания»), и на этом фоне ONR оказывалась привлекательной именно для расистски настроенных радикалов. В 2001–2005 гг. ONR патронировал депутат от Католическо-национального движения

¹ См. о нем: *Nacjonalizmy różnych narodów: perspektywa politologiczno-religioznawcza* / Red. B. Grott, O. Grott. – Kraków, 2012. – 526 S. – Mode of access: <http://grott.info/materialy/Nacjonalizmy.pdf>

² *Kim jesteśmy? O co walczyliśmy? // Obóz Narodowo-Radykalny Podhale.* – Mode of access: <http://onrpodhale.pl/kim-jestesmy/> (Дата обращения: 21.12.2017.)

³ Адам Добошинский (1904–1949) – польский политик-эндек, член Национальной партии и автор особой концепции социально-экономического «корпоративизма».

А. Мачеревича (RKN) Ежи Червиньский¹, что значительно усилило эту организацию. В 2005 г. удалось провести съезд в Ченстохове, окончательно утвердивший единую структуру организации.

Однако с середины нулевых годов ясно обозначился процесс эволюции ONR в более умеренное движение, что проявилось, в том числе, и в языке лозунгов и выступлений его представителей. Это позволило привлечь немало людей из правоконсервативной среды, далеких от субкультуры скинхедов, а также наладить контакты и взаимодействие с умеренными националистическими политиками и организациями. В настоящее время ONR позиционирует себя как широкая платформа радикальных правых сил. Одновременно оказался усилен консервативный, в частности протокатолический, характер организации.

20 сентября 2008 ONR организовала в Варшаве свой первый «Великодержавный марш» («Marsz mocarstwowy»), а 11 ноября 2010 г. совместно со «Всепольской молодежью» собрала многотысячный Марш независимости, ставший огромным успехом в целом националистического движения и конкретно ONR. В 2012 г. ONR опять же совместно со «Всепольской молодежью» и «Унией реальной политики» создает «Национальное движение» (Ruch Narodowy), но в 2015 г. покидает его (по утверждению пресс-секретаря ONR Томаша Калиновского, из-за разногласий по альянсу с Павлом Кукизом)². С 2012 г. издается официальный орган ONR – ежеквартальный журнал «Magna Polonia», а в 2013 г. ONR создал свою боевую организацию «Национальная стража».

Прежде ONR нередко обвинялся в отвержении доктрины прав человека и приверженности модели «органического и иерархически организованного народа»³. Однако современные декларации Лагера и составляющих его организаций имеют более умеренный характер – это скорее довольно традиционные для межвоенного времени крайне правые манифесты. В Декларации идей ONR «Польша завтрашнего дня»⁴ постулируется «образ Великой Польши как государства, проникнутого католическим духом», более того, заявляется,

¹ См. об этом: Witczak A.T. Nazwa ONR po roku 1989 // Organizacja Monarchistów Polskich. Portal legitymistyczny. – Mode of access: <http://www.legitymizm.org/historia-onr>

² Dąbrowska A. Prawa ściana // Polityka. – W-wa, 2016. – N 24. – S. 19.

³ Ibid.

⁴ «Polska Jutra» Deklaracja Ideowa Obozu Narodowo-Radykalnego // Obóz Narodowo-Radykalny. – Mode of access: <https://www.onr.com.pl/deklaracja-ideowa/>

что Польша должна стать «образцовым государством христианского возрождения». Ставится цель создания «новых духовных элит», при этом во всех сферах отдается приоритет «традиции и духу польскости». Членом польского народа признается «каждый, кто чувствует себя поляком, ощущает связь с польской традицией и историей, а также признается соотечественником национальным сообществом». При этом осуждается биологический расизм, но постулируется «сохранение этнической гомогенности, которая способствует социальному спокойствию и стабильности государства».

В Декларации отвергаются «любые формы тоталитаризма, в том числе либеральная демократия». «Мы выступаем против всех империализмов, за добровольное сотрудничество независимых национальных государств». ONR высказывается против системы политических партий и призывает ограничить их роль «как вредного института». Государство воспринимается как «эманация совместной воли поляков», народа как «натурального сообщества высшего типа», по отношению к которому оно должно выполнять «служебные функции» и права которого защищать.

ONR выступает за «гражданское воспитание, свободное от деморализации, развращений и отклонений», а основными опасностями считает «прогрессивизм», лаицизм и космополитизм, идеи равенства, демократии, социализма, толерантности. «Везде и всегда мы будем противостоять космополитическому видению гражданского общества, а также всяким интернационализмам как идеям, служащим размыванию национальной идентичности и ослаблению государства. Отвергаем также все идеи, опасные для суверенности народа в своем государстве и его зависимость – если не от Москвы, то от Европейского союза»¹.

В народовой среде распространено мнение, что ONR нельзя считать эндецкой формацией, так как она развивает традиции отколовшейся от движения организации, представляющей собой особое национал-радикальное направление. Однако в своих современных программных заявлениях «Национал-радикальный лагерь» оказывается уже довольно близок классической польской национал-демократии. Симптоматично, что он пошел на сотрудничество с объединениями, представляющими мейнстрим последнего.

¹ Kim jesteśmy? O co walczymy? // Obóz Narodowo-Radykalny Podhale. – Mode of access: <http://onrpodhale.pl/kim-jestesmy/> (Дата обращения: 21.12.2017.)

Помимо эндецкой традиции в ее основной и радикальной формах польский национализм межвоенного времени породил иное идеологическое направление, также считающееся националистическим. Оно связано с именем философа Яна Стахнюка (1905–1963), который в 1937 г. основал движение польских националистов «Задруга» (и одноименный журнал, который издавался с ноября 1937 г. до июля 1939 г.). Стахнюк развивал своеобразную теорию «культурализма» и идеологию «задругизма», которая в результате стала основой для особой версии польского национализма¹. Эндеция критиковалась им как «псевдонационализм». «Задруга» была антихристианской, неоязыческой организацией. Считается, что так называемое «задружное движение» наиболее близко по идеологии к немецкому нацизму, хотя это утверждение спорно.

В 1998 г. в Варшаве было образовано **общество традиции и культуры «Никлот»** (Stowarzyszenie na rzecz Tradycji i Kultury «Niklot»), основанное на идеях довоенной «Задруги», правда, в очень умеренных ее формах. Названо оно по имени князя ободритов Никлота, который правил в XII в. и погиб в битве с немцами. Это общество считает себя «метаполитическим», т.е. достигающим политических целей через деятельность в неполитической сфере, главным образом в культуре и образовании. Его цель – объединить польские националистические неоязыческие движения. «Никлот» использует оригинальный символ – «Топорёл» («Топожел»), стилизованное изображение, совмещающее топор и орла. Лидером Общества является Томаш Щепаньский.

Общество организует различного рода собрания и мероприятия культурного и образовательного плана, а также пикеты и манифестации (например, против ЕС или войны в Ираке). Выступает против германизации польской культуры и языка. Издает ежеквартальный журнал «Триглав». Это движение так называемых «родноверцев», однако его руководство заявляет, что не имеет своей целью борьбу с католической церковью. Часто осуждается в прессе за неофашизм, однако отрицает это. Как говорит глава щецинского отдела Общества Иренеуш Вошик, «мы апеллируем к традиции, а не к радикальным идеологиям... Мы не имеем ничего против дру-

¹ Основателем культурализма считается известный польско-американский философ и социолог Флориан Знанецкий (1882–1958). Однако именно в работах Яна Стахнюка эта теория была существенно переработана и превратилась в основу для политической идеологии.

гих рас, религий или сексуальных меньшинств. Мы заботимся о том, чтобы не забывать собственные корни»¹. Действительно, их трудно признать расистами, так как основное внимание они уделяют именно культуре: «Другие факторы, такие как биологическое наследство и географическая среда, имеют второстепенное значение»².

Основное внимание они уделяют даже не столько польским, сколько «славянским и индоевропейским истокам культуры». Целью объявляются «сохранение и развитие этнической славянской идентичности и культурного своеобразия Польши»: «Мы противостояем негативному влиянию на нашу страну и цивилизационному окружению Европейского союза и глобализации»; «Все культурно и лингвистически чуждые модели мы намереемся реславянизировать». Декларируется просемейная направленность: «Мы намереемся заботиться о просемейной системе ценностей... чтобы наши дети не стали материалистами и космополитами».

Об отношениях с другими странами Европы Общество заявляет: «Мы намереемся мирно жить и сосуществовать с другими государствами этого континента». Задружники называют себя «противниками всех тоталитарных идеологий» как основанных на отвлеченной мысли: «Мы считаем, что местная традиция выше всякой доктрины». Это же касается и религиозной сферы: «Мы признаем противоречащим Природе всякий религиозный универсализм, в то же время уважаем этнические верования других народов. Мы вернем “старый лад”»³. Общество использует лозунги: «Слава богам! Слава предкам! Слава Великой Польше!».

Основной политической «задружной» организацией является **Националистическое общество «Задруга»** (Nacjonalistyczne Stowarzyszenie Zadruga), основанное в 2006 г. во Вроцлаве Дариушем Петриком. NS Zadruga стоит на позициях осуждения «иудео-христианской религии» как «троянского коня» мирового либерализма и коммунизма, ассоциирующегося с «мировым еврейством». Выступает за воспитание «сознательных славян-ариев». Есть и другие организации подобного рода, имеющие региональное приложение. Так, например «Северный волк» (Zakon Zadrugi Północny

¹ Antywalentynki sprawą dla policji? // Gniazdo. Rodzima wiara i kultura. – 2010. – 10.02. – Mode of access: <http://gniazdo.rodzimowiercy.pl/tekst.php?tekstid=917>

² Stowarzyszenie na rzecz Tradycji i Kultury «Niklot» // Niklot. – Mode of access: <http://www.niklot.org.pl/stowarzyszenie.html>

³ Ibid.

Wilk) действует на Поморье. Издает интернет-журнал *Secerius*. Организация осуждает немецкий нацизм и позиционирует себя как «одна из самых антигерманских в Польше». Однако считает себя «группой языческих арио-славян» и проявляет открытый антисемитизм. Подобные организации часто ведут подпольное существование, так как опасаются обвинений в нацизме, преследуемом по закону (ст. 13 Конституции и ст. 256 УК).

В целом всем подобным организациям свойственен определенного рода панславизм, выраженный в представлении о славянах как потомках ариев, а также жестко негативное восприятие современной действительности, которая «во всех аспектах уничтожается глобализацией, капитализмом, либеральной политикой государства, а также еврейским заговором»¹. Им свойственны и активные международные связи в неоязыческом и расистском (белом) движениях. Однако сколь-либо заметной роли в политике Польши они не играют.

Говоря о радикальных националистических организациях, стоит упомянуть и так называемых **автономных националистов** – различные и довольно многочисленные молодежные группировки, не имеющие определенной партийной привязки. Нередко они и не зарегистрированы. В Варшаве действует довольно сильная группа «Автономных националистов». У них нет формализованной иерархической структуры, но к ним близка фанская боевая группа *White Legion*.

На наиболее известном интернет-ресурсе автономных националистов можно прочесть такой текст «самопрезентации», довольно точно характеризующий настроения в этой среде: «Мы – небольшая группа энтузиастов, связанных с очень широко понимаемым националистическим движением. Наверное, с ним нас больше разъединяет, чем объединяет, начиная от стиля жизни и заканчивая религией. Однако в первую очередь мы смотрим на то, что у нас общего, – а это тяга к активной деятельности, антикапитализм и антиконсюмеризм, забота о будущем Отечества, Нации и континента, но также и окружающей среды, а для этого – стремление к постоянному физическому и интеллектуальному развитию,

¹ Wiatrowski L. Narodowy socjalizm w Polsce po 1989 roku – komunikat z badań // Idee w procesie krztałtowania współczesnej rzeczywistości polskiej. Nacjonalizm / Pod red. Ewy Maj, Magdaleny Mikołajczyk i Michała Śliwy. – Kraków, 2010. – S. 198.

сохранение трезвой оценки мира и нелюбовь к нигилистическо-материалистическим тенденциям, распространенным в наше время среди молодых людей по всей Европе и миру... В начале новой волны европейских национализмов, отвергающих шовинизм и ксенофобию, открытых к сотрудничеству, мы видим шанс разрушить Систему, которая душит наш континент и ведет к неизбежному концу нашей цивилизации». Такой антисистемный настрой – и в отношении действующего социально-экономического и правового строя, и в отношении господствующих ценностей – позволяет объединяться именно на основе комплекса негативов без поиска альтернативной модели, по формам которой гораздо труднее прийти к согласию. Это же свойство обуславливает и нежелание создавать цельные организационные структуры со своей дисциплиной или примыкать к таким. Однако формы совместных действий появляются спорадически в связи с какими-либо событиями или памятными датами¹.

Мейнстрим неознедци

В 1989 г. была официально создана организация с названием «**Всепольская молодежь**» (**Młodzież Wszechpolska, MW**). Она идейно продолжала деятельность одноименного союза, бывшего в межвоенное время самой многочисленной молодежной организацией Польши. Одним из инициаторов ее воссоздания (и председателем в 1989–1994 гг.) был Роман Гертых – внук одного из лидеров Национальной партии конца 1930-х годов и известного деятеля лондонской эмиграции Енджея Гертыха. Членом Всепольской молодежи может стать любой поляк в возрасте от 15 до 29 лет. В настоящее время она насчитывает около 3 тыс. членов. Эта организация сыграла огромную роль в современном развитии польской энднеции. Авторы книги «Польша для Поляков! Кем были и кем являются польские народовцы» выделяют современных деятелей народовского движения как пятое поколение политиков, «основу которого поначалу образовала Всепольская молодежь»².

¹ Kim jesteśmy? // Autonom.pl. Portal niezależnych nacjonalistów. – Mode of access: http://autonom.pl/?page_id=2

² Chodakiewicz M., Mysiakowska-Muszyńska J., Muszyński W. Polska dla Polaków! Kim byli i są polscy narodowcy. – Poznań, 2015. – S. 477.

MW не является организацией лидерского типа, ее председатели довольно часто сменяют друг друга (на конец 2017 г. их было уже 15). Официально декларируется, что ее целью не является политическая деятельность, однако она может быть делом отдельных членов MW, правда, уже не от имени организации. Официальным органом является журнал «Всеполяк» («Wszepolak»).

В принятой в 1989 г. (и обновленной в 2002 г.) «Декларации идей» «Всепольской молодежи» организация была объявлена «наследником лучших традиций народовского лагеря, прежде всего политической мысли Романа Дмовского, а также других создателей народовской идеи». «Мы признаем, что народ является самой важной жизненной ценностью. Первая после Бога служба надлежит собственному народу». Также в Декларации была заявлена внутренняя цель – строительство католического государства польского народа, и внешняя – противостояние «постоянно присутствующей и по-прежнему актуальной угрозе со стороны Германии»¹. Важнейшее внимание уделено противостоянию «выдавливанию из жизни, особенно публичной, католической этики».

В 2004 г., в первый день вступления Польши в Европейский союз, MW выступает соорганизатором Марша независимости, ставшего впоследствии самым массовым националистическим мероприятием страны. В июне 2005 г. члены MW забросали камнями участников парада сексуальных меньшинств в Варшаве, что стало характерным для их деятельности. Также они не раз пытались противостоять феминистским акциям в день 8 Марта. Постоянным фоном деятельности MW стали судебные разбирательства по искам различных организаций и левых партий с обвинениями «Всепольской молодежи» в пропаганде фашизма и антисемитизма.

В 2005 г. впервые члены MW стали депутатами сейма (от «Лиги польских семей»). Ее бывшие деятели вошли в правительство: Роман Гертых стал вице-премьером и министром образования, Рафал Вехецкий министром морского хозяйства. В ноябре 2012 г. MW организовала крупное объединение «Национальное движение», председателем которого стал Роберт Винницкий (возглавлял Всепольскую молодежь в 2009–2013 гг.).

В 1989 г., когда возродили «Всепольскую молодежь», была формально воссоздана «**Национальная партия**» (**Stronnictwo**

¹ Deklaracja ideowa Młodzieży Wszepolskiej // Młodzież Wszepolska. – Mode of access: <http://mw.org.pl/about/deklaracja-ideowa/>

Narodowe, SN). При ее наименовании обыкновенно прибавляют «сеньориальная», так как она представляла собой инициативу ряда политиков старшего поколения, в том числе и участников довоенной партии. Например, одним из ее основателей стал Ян Матлаховский (1906–1989), возглавлявший «Всепольскую молодежь» с 1934 г. Еще одним соорганизатором партии стал вернувшийся в Польшу в 1962 г. профессор Мачей Гертых – сын оставшегося в эмиграции Енджея Гертыха и отец возглавившего Всепольскую молодежь Романа Гертыха.

На выборах 1989 г. SN получила 0,66% голосов, неудачными были и последующие попытки участия в выборах. На эти результаты могло повлиять то, что и Енджей, и Мачей Гертыхи поддерживали в 1981 г. введение военного положения, видя в этом способ избежать советского вторжения. К тому же М. Гертых был в 1986–1989 гг. членом Консультационного совета при В. Ярузельском, деятельность которого была бойкотирована «Солидарностью». Так проявилось старое различие между «освободительным» лагерем (пилсудчиков) и отвергавшими метод восстаний народовцами. Партия SN выступала с критикой постсолидарностного лагеря и впоследствии, особенно в сфере экономической политики, в которой она видела угрозу подчинения западному капиталу. «Национальная партия» была настроена против вступления Польши в ЕС и НАТО.

В 1991 г. образовалась «Национально-демократическая партия» (названная так по образцу одноименной партии Р. Дмовского, существовавшей с 1897 по 1919 г.) во главе с Томашем Замойским и Богуславом Ковальским. Это было объединение более молодых политиков, чьи взгляды характеризовались как относительно более либеральные. В 1999 г. обе партии достигли соглашения об объединении, однако на формальном уровне оно тогда не было осуществлено. Тем не менее проект создания общего движения был осуществлен в 2001 г. с формированием «Лиги польских семей».

Партии с сильным националистическим элементом

В 1990-х годах заметную роль играла партия «Христианско-национальное объединение» (**Zjednoczenie Chrześcijańsko-Narodowe ZChN**). Она была основана в конце 1989 г. рядом участников движения «Солидарность». Ее первым председателем был

профессор Веслав Хжановский. В идеологическом смысле она придерживалась эклектичной позиции, заявляя об актуальности для нее и эндецкой, и хадецкой традиции. Это была первая польская народовская (пусть и частично) партия, представители которой оказались на министерских постах при премьерах Яне Кшиштофе Белецком, Яне Ольшевском, Ханне Сухоцкой и Ежи Бузек.

В «Программной декларации» ZChN обращают на себя внимание призывы к ограждению Польши от внешних пагубных влияний. Заявляется об «угрозах для культурной идентичности нации»: «Польша стоит лицом к лицу с культурным давлением неслыханной силы... в ситуации, когда более 90% прессы находится в руках иностранцев». Несмотря на то что в 2003 г. ZChN высказалась за вступление Польши в ЕС, она выражала большое беспокойство относительно будущего: «Самые серьезные опасения пробуждают проявления сервилизма в отношении Брюсселя». Партия считала, что федералистская концепция Евросоюза «не гарантирует реализации прав и интересов польского народа»: «Поддерживаем концепцию строительства Европы Отечества на основе христианских ценностей», сохранения традиций и семейной политики¹. В целом это была программа правоконсервативного толка, без ярко выраженного национализма эндецкого типа. Деятели ZChN сами подчеркивали свое негативное отношение к радикализму, однако выступали за решительную декоммунизацию и люстрацию. Надо также отметить, что членом ZChN уже в 1989 г. стала и такая радикальная организация, как «Национальное возрождение Польши» (NOP), правда, вскоре она вышла из него и стала в жесткой оппозиции.

В 1990 г. «Христианско-национальное объединение» поддержало Леха Валенсу, а потом вошло в правительственную коалицию при премьерe Яне К. Белецком (12.01.199– 23.12.1991), в котором от ZChN был министр юстиции Веслав Хжановский и замминистра здоровья Казимеж Капер. В результате парламентских выборов 1991 г. ZChN как лидер блока «Предвыборное католическое действие» («Wyborcza Akcja Katolicka») получила 8,74% голосов (49 мест в сейме и девять в сенате) и вошла в коалиционное правительство Яна Ольшевского (23.12.1991–11.07.1992, от ZChN там

¹ ZChN – Deklaracja programowa – propozycja do dalszej dyskusji // Web-архив сайта Zjednoczenia Chrześcijańsko-Narodowego. – Mode of access: <http://web.archive.org/web/20131208230453/http://zchn.org/deklaracja.php>

были министры труда, внутренних дел, юстиции и др. члены). Председатель ZChN В. Хжановский стал главой сейма. 4 июня 1992 г. представитель ZChN министр внутренних дел Антоний Мачеревич опубликовал список членов кабинета, подозреваемых в сотрудничестве со спецслужбами ПНР, что привело к правительственному кризису. Несмотря на это ZChN смогло войти в состав и следующего правительства – Ханны Сухоцкой (11.07.1992–26.10.1993), получив там шесть портфелей, в том числе и пост вице-премьера.

Однако во время парламентских выборов 1993 г. партия не преодолела 8%-ного барьера. В выборах 1997 г. организованная с участием ZChN «Предвыборная акция Солидарность» (Акacja Wyborcza Solidarność) прошла в парламент, где партия получила 25 мандатов в сейме и 3 в сенате, в результате чего смогла принять участие в правительстве Ежи Бузека (31.10.1997–19.10.2001), в котором было три представителя ZChN. Однако на следующих парламентских выборах в 2001 г. «Христианско-национальное движение» в парламент не прошло, после чего одна часть членов ZChN стала сближаться с «Правом и справедливостью», а другая часть (в лице основных деятелей) вошла в новообразованную «Лигу польских семей», вследствие чего фактически ZChN перестала существовать как самостоятельная партия. Окончательно она была закрыта в 2010 г. По сей день «Христианско-национальное объединение» остается наиболее успешным политическим проектом, в котором участвовали народовцы, однако оно не имело чисто народовского характера (чаще даже отмечают, что эндеки находились в нем на положении влиятельного меньшинства).

Примечательна политическая судьба одного из деятелей раннего ZChN Антония Мачеревича, активного участника оппозиционных организаций еще 1970-х годов, ставшего в 1989 г. организатором этой партии и ее зампреда. Спровоцировав в 1992 г. правительственный кризис, он покинул ZChN и вместе с другими его деятелями организовал христианско-национальное движение «Польское действие» («Акacja Polska»). В 1995 г. оно вошло в объединение сторонников Яна Ольшевского – «**Движение реконструкции Польши**» («**Ruch Odbudowy Polski**», **ROP**) – партию со значительными эндецкими элементами, в которой Мачеревич стал заместителем председателя. В парламентских выборах 1996 г. именно по ее списку прошел в сейм Ярослав Качиньский. В 1997 г. в результате раскола партии из нее вышла группа

Мачеревича, который сформировал «Национально-Католическое движение» («Ruch Narodowo-Katolicki», RNK), существующее по сей день, но особых успехов не добившееся.

В 2006 г. Мачеревич стал замминистра национальной обороны в правительстве Я. Качиньского, а после конфликта со своим начальником – министром обороны Р. Сикорским – был до 2007 г. шефом новой Службы военной контрразведки (SKW).

ROP было правой радикально антикоммунистической партией, выступавшей за законодательство, основанное на христианских ценностях, за сильное государство и просемейную политику. Неоднозначно относилось к НАТО и ЕС, полагая, что польское право всегда должно быть выше евросоюзного. Выступало за концепцию «Европы отечеств». Большое внимание партия уделяла исторической политике, особенно теме Катыни и польско-еврейских отношений.

Впоследствии ROP сотрудничало с «Лигой польских семей»: в 2001 г. Ян Ольшевский и еще несколько его представителей были выбраны депутатами в сейм по списку «Лиги». С 2007 г. деятели ROP вошли в состав образованного А. Мачеревичем «Патриотического движения» и стали сотрудничать с PiS. После закрытия партии в 2012 г. ее членов призвали вступать в PiS. Сам А. Мачеревич дважды избирался в сейм по списку PiS, а в 2012 г. вступил в эту партию, став в 2013 г. ее зампредела. В 2015 г. он был снова избран в сейм, в том же году вошел в правительство Беаты Шидло как министр национальной обороны. Политическая биография Антония Мачеревича ясно доказывает условность границ внутри пост-солидарностного лагеря и отсутствие непроходимых барьеров между его неондецкой и «постпилсудчиковской» составляющими.

Еще один крупный политик националистического толка, деятельность которого заметна на протяжении всей современной польской истории, – **Януш Корвин-Микке**. Он стал публиковать политические статьи еще с 1960-х годов. В 1979 г. стал автором «Программы либералов» – либерально-консервативного манифеста. В 1990 г. основал еженедельник «Najwyższy CZAS!», который издавал до 2007 г. По самоопределению он считает себя либералом, однако по идеям очень далек от современного либерализма. Его взгляды нередко характеризуются как «палеолиберальные», так как наиболее точно воспроизводят позиции либералов примерно середины XIX в., что создает ему довольно скандальный имидж. Например, он публично выражает сомнения в целесообразности

предоставления избирательных прав женщинам¹. Я. Корвин-Микке убежден, что «Европа имела пик своего цивилизационного развития в XIX веке», а современность он рассматривает как результат серьезной деградации: «Люди эпохи телевидения не видят мир таким, какой он есть, а только таким, каким им его показывают на стеклянном экране»². Свою ретроградность он демонстрирует даже в стиле одежды. Считается русофилом и большим почитателем президента Белоруссии А. Лукашенко. Поддержал присоединение Крыма к России и даже посещал его с группой товарищей. Был депутатом сейма первого созыва (1991–1993) и депутатом Европарламента с 2014 г. Выдвигался кандидатом на пост Президента Польши на всех выборах, начиная с 1995 г.

В 1987 г. было образовано консервативно-либеральное движение «**Союз реальной политики**» («**Unia Polityki Realnej**»³, **UPR**), впоследствии преобразованное в партию, председателем которой с 1989 г. стал Я. Корвин-Микке. Программным документам этой партии свойственен крен в сторону экономики, однако декларируется приверженность консервативным ценностям: «Мы будем стремиться к восстановлению базовых идей нашей культуры и латинской цивилизации».

На парламентских выборах 1991 г. UPR получила 2,26%, 1993 г. – 3,2%, в результате чего партия в парламент не прошла, так как был введен пятипроцентный порог, однако это был лучший результат в истории движения. В 2001 г. кандидаты UPR выдвигались по списку Гражданской платформы. Выборы 2005 г. – в составе особой Платформы Януша Корвин-Микке, а в 2007 г. со списка «Лиги польских семей». В 2012 г. UPR вместе со «Всепольской молодежью» и «Национально-радикальным лагерем» создала эндецкое «Национальное движение», а в 2014 г. участвовала в его реформатировании в партию, при этом без самороспуска. В выборах 2015 г. провела двух депутатов в сейм по списку блока Kukiz'15.

¹ Korwin-Mikke: odebrać prawa wyborcze kobietom // TVP-Info. – 2010. – 26.05. – Mode of access: <http://www.tvp.info/1851556/korwinmikke-odebrac-prawa-wyborcze-kobietom>

² Korwin-Mikke J. Rusofoby w odwrocie. – W-wa, 2009.

³ См. официальный сайт партии. – Mode of access: <http://www.uniapolitykirealnej.org.pl/>

Однако еще в 2009 г. из UPR вышел сам Януш Корвин-Микке. В 2011 г. он организовал новую партию **«Конгресс новых правых» (Kongres Nowej Prawicy, KNP)**. В сейме 7-го созыва (2011–2015) KNP располагал двумя депутатами во фракции PiS. Зато на выборах в Европарламент в 2014 г. KNP получила 7,15% голосов (4-е место), проведя четырех депутатов. Двое из них вошли в новую националистическую фракцию «Европа наций и свобод» (Михал Марусик и Станислав Жултек), что позволило ей набрать необходимый минимум участников. На президентских выборах 2015 г. Я. Корвин-Микке получил 3,26% голосов, заняв также 4-е место. На парламентских выборах 2015 г. KNP выставил депутатов в основном по списку блока Kukiz'15, проведя в сейм лишь одного.

KNP, как и всем проектам Корвина-Микке, свойственно провозглашение свободы в экономической сфере и консерватизма в мировоззрении. Она критикует ЕС за «левую идеологию», бюрократию, этатизм и сильное вмешательство в экономику государств-членов. В Программе партии содержатся призывы бороться за свободный рынок, охрану прав народов и веру в традиционные ценности и принципы. При этом ее политическим образцом объявляется деятельность венгерской партии ФИДЕС Виктора Орбана, по примеру которой «Конгресс» хочет «поменять нынешнюю коррумпированную и несправедливую Третью Республику на Польское государство»¹.

Обращает на себя внимание отношение партии к коммунизму, который в ее описании оказывается хуже нацизма: «KNP отличает от других партий наиболее последовательный антикоммунизм. Коммунизм оказался самой (до сих пор) зловердной идеологической и политической системой, в чем польский народ убедился – и по-прежнему убеждается – на собственной шкуре». Поэтому «декоммунизацию политической, социальной и экономической жизни нашей страны мы признаем необходимым условием возвращения ей порядка и благополучия»².

Основным принципом внешней политики Конгресс объявляет «сохранение собственной суверенности», в связи с чем последовательно выступает против членства Польши в Европейском союзе

¹ Program Nowej Prawicy // Nowa Prawica. – Mode of access: <http://knp.org.pl/program/>

² Komunizm / Polityczne ABC Nowej Prawicy // Nowa Prawica. – Mode of access: <http://knp.org.pl/program/polityczne-abc/#1451304172021-e3988bc1-118b>

и требует ее выхода»: «Внешняя политика Польши должна опираться на государственный интерес, и никогда на идеологию (такую как “вхождение в Европу” или “экспорт демократии”»)¹. Конгресс выступает за «модель Европы Отецеств по Шарлю де Голлю», что обосновывается именно с точки зрения экономического интереса: «Считаем, что попытки наднациональной регламентации экономики и протекционизм являются явлениями, угрожающими развитию Польши»². «KNP всегда смотрела на глобализационные процессы критически и с огромной обеспокоенностью»³.

На фоне этого к НАТО проявляется лояльность, однако Альянс считается недостаточной гарантией безопасности Польши: «НАТО мы признаем достижением, однако одновременно настаиваем на его усилении двусторонним оборонным договором с США в целях получения реальных гарантий безопасности, которых нынешняя формула членства в Альянсе не дает»⁴. Это в целом тождественно позиции других правых политических сил Польши, в том числе правящей партии «Право и справедливость». Однако идеологи Конгресса добавляют необходимым условием наличие собственной силы: «Только обладание собственной сильной армией заставит союзников оказать нам эффективную помощь»⁵.

Важное место в программных заявлениях партии занимает признание «католической традиции фундаментальной для польской культуры»⁶, а также призывы за возвращение «традиционных форм семьи»⁷, перинатальной и семейной политики.

Примечательно также отношение партии к демократии, которая признается не лучшим политическим строем: «Качество го-

¹ Polityka zagraniczna / Polityczne ABC Nowej Prawicy // Nowa Prawica. – Mode of access: <http://knp.org.pl/program/polityczne-abc/#1451304178340-64cf01f4-aa94>

² Unia Europejska / Polityczne ABC Nowej Prawicy // Nowa Prawica. – Mode of access: <http://knp.org.pl/program/polityczne-abc/#1451305744687-8bcc0e64-ad6e>

³ Globalizacja / Polityczne ABC Nowej Prawicy // Nowa Prawica. – Mode of access: <http://knp.org.pl/program/polityczne-abc/#1451304169425-ecace2d6-3d10>

⁴ Polityka zagraniczna / Polityczne ABC Nowej Prawicy // Nowa Prawica. – Mode of access: <http://knp.org.pl/program/polityczne-abc/#1451304178340-64cf01f4-aa94>

⁵ NATO / Polityczne ABC Nowej Prawicy // Nowa Prawica. – Mode of access: <http://knp.org.pl/program/polityczne-abc/#1451304175635-7e347c60-d3f8>

⁶ Kościół / Polityczne ABC Nowej Prawicy // Nowa Prawica. – Mode of access: <http://knp.org.pl/program/polityczne-abc/#1451304172021-e3988bc1-118b>

⁷ Rodzina / Polityczne ABC Nowej Prawicy // Nowa Prawica. – Mode of access: <http://knp.org.pl/program/polityczne-abc/#1451304179843-56eba7fe-bb0d>

сударства зависит от его содержания, а не от формы, поэтому не стоит абсолютизировать какое-либо устройство. Поэтому мы противимся признанию демократии “земным богом”, а особенно отождествлению ее со свободой». Вместо этого выдвигается принцип «смешанной системы», разрабатываемый Корвин-Микке по старым образцам западных государств: «За относительно лучший (на сегодняшний день) строй мы признаем смешанное устройство, соединяющее монархические (авторитет Президента), аристократические (элитарный парламент) и демократические (широкая автономия отдельных земель и широкое участие локальных обществ во власти) основания. Таким устройством обладали первоначально США, Великобритания и Швейцария»¹.

«Конгресс новых правых» позиционирует себя как стоящий в стороне от основного разделения польской политики, предлагая избирателям третий вариант: «Мы убеждены, что также и теперь как посткоммунистические, так и постсолидарностные силы не в состоянии гарантировать нашей стране достатка и успешного будущего»².

В январе 2015 г. Я. Корвин-Микке с частью деятелей KNP основал еще одну партию. До 8 октября 2016 г. она действовала под названием KORWiN – Koalicja Nowy Rzeczypospolitej Wolność i Nadzieja («Коалиция обновления республики Свобода и Надежда»), однако потом была переименована просто в «Свободу» («Wolność»). На выборах в октябре 2015 г. партия набрала 4,76% – ей совсем немного не хватило, чтобы пройти в сейм. Однако три депутата от этой партии прошли по списку «Права и справедливости», а также два в Европарламент, еще по списку Конгресса. В программе партии декларируются цели реставрации христианских моральных фундаментов общества³. В целом это обычная консервативная программа с упором на экономику, без некоторых крайностей, представленных в программных текстах KNP.

Несомненно, что фактор деятельности Корвина-Микке вносит заметное разнообразие в польский крайне правый лагерь, при этом его трудно отнести к какому-либо более широкому политиче-

¹ Ustrój państwa / Polityczne ABC Nowej Prawicy // Nowa Prawica. – Mode of access: <http://knp.org.pl/program/polityczne-abc/#1451305744687-8bcc0e64-ad6e>

² Wstęp / Polityczne ABC Nowej Prawicy // Nowa Prawica. – Mode of access: <http://knp.org.pl/program/polityczne-abc/>

³ См. официальный сайт партии. – Mode of access: <https://www.wolnosc.pl/>

скому кругу. Он (и его партии) не заявляет о своей приверженности национализму, однако именно так воспринимается в обществе, причем не только польском, но и в общеевропейском. Со стороны представителей эндеции к нему есть немало претензий, которые довольно четко выразил М. Шиманьский: «Как принято думать, в Польше существуют две значимые националистические организации – Национальное движение, известное по организации гигантского Марша независимости, и Конгресс новых правых, который получил неплохой результат на выборах. И всем не объяснишь, что старый господин с бабочкой не является националистом. Что имеет общего либертарианское, а по меньшей мере, неолиберальное мировоззрение с народовской идеей? Они отрицают понятие общности, а для нас оно важно. Для них имеет значение, прежде всего, экономический баланс, а для нас высшие ценности. Для них консерватизм это привязанность к некоторым мелкобуржуазным формам, а мы верим, что “человек это хозяин форм” (Юнгер), а Традиция имеет метафизическое существование. Они говорят о Европе с ненавистью, а для нас она является духовным наследием»¹. Тем не менее присутствие Польши в европейском националистическом движении сейчас обеспечивается во многом именно людьми Корвина-Микке, и его партия демонстрирует неплохой рост рейтинга поддержки, особенно среди молодежи.

Объединительные проекты

Первым крупным объединением народовских партий стала «Лига польских семей» (**Liga Polskich Rodzin, LPR**), основанная в 2001 г. Процесс объединения был начат в 1999 г. с неформального соединения Национальной (SN) и Национально-демократической (SND) партий. В результате в LPR объединился целый ряд эндецких организаций (включая ROP, RNK А. Мачеревича и др.). Неформально её патронировало радио «Maryja». Лидером был избран бывший руководитель «Всепольской молодежи» Роман Гертых. Как сказано в одной из статей о соперничестве организаций за статус основного наследника старой эндеции, «всю эту битву 90-х

¹ Szymański M. 7 grzechów polskiego narodowca // Szturm. Antologia nowoczesnego nacjonalizmu. – W-wa, 2017. – S. 96.

годов выиграл круг семьи Гертыхов», – в связи с чем LPR названа «победителем битв за эндецкий бренд»¹.

На парламентских выборах 2001 г. LPR одержала первый успех – преодолела порог и получила 38 депутатских мест в сейме и два в сенате. На выборах в Европарламент в 2004 г. евроскептическая LPR получила 15,92% голосов (второе место в стране) и провела 10 депутатов. На президентских выборах 2005 г. от LPR был выдвинут Мачей Гертых, но он снял свою кандидатуру в пользу Леха Качиньского. На парламентских выборах 2005 г. LPR получила 7,97% голосов (34 депутата в сейме и семь сенаторов), и в результате вошла в правящую коалицию с «Правом и справедливостью» и «Самообороной», получив портфели министра образования (Роман Гертых) и министра морского хозяйства (Рафал Вежецкий).

В предвыборной программе LPR 2005 г. заметен некоторый отход от традиционной межвоенной эндеции в пользу современных проблем². В первую очередь в ней постулируется, что «вся деятельность органов государства, внутренняя и внешняя политика должны служить, прежде всего, пользе польской нации, а не догматам глобализации и международной унификации». В области семейной и перинатальной политики ставится задача беречь человеческую жизнь «от начала до натуральной смерти. Мы противники аборт, эвтаназии, клонирования человека, гомосексуальных браков и любого законодательства, противоречащего христианской этике, моральным принципам и социальному строю».

Государственная власть должна действовать «на основе традиционного нравственного строя народа с фундаментальной ролью христианства, этики и системы ценностей». Нация объявляется сувереном, однако ее понимание выходит за пределы гражданского общества Республики Польша: «Поляки – это один Народ, как те, которые живут в стране, так и живущие на Чужбине... Поляки, живущие за границей, должны иметь все те же избирательные права, что и граждане, живущие в Отечестве; мы признаем их право участвовать в решении дел Польши». Таким образом, закладывается

¹ Królikowski B. Między ideologią a wyznaniem // Myśl.pl. – 2009. – N 15. – S. 86–90. См. электронную версию: Myśl.pl. Pismo narodowo-demokratyczne. – 2017. – 31.09. – Mode of access: <http://mysl.pl/index.php/idea/item/33-miedzy-ideologia-a-wyznaniem>

² См. избирательную программу LPR 2005 г.

экстратерриториальная трактовка польской государственности, распространяющейся на всех поляков мира¹. Надо отметить, что польское понимание диаспоры («rodaków») основано в первую очередь на кровно-родственном критерии, из-за чего, как утверждается, более 70% зарубежных поляков даже не владеют польским языком².

В области местного управления предлагается «концепция развития страны, основанная на самоуправлении, максимальном самофинансировании и максимальной самодостаточности гмин»³. LPR выступила «против приватизации стратегически значимых секторов экономики» и за пересмотр итогов приватизации в случаях, когда она проходила не в полном соответствии с законом. Декларируется также протекционистская рыночная политика.

Жестко отвергается перспектива (на то время) вступления в ЕС: «Предлагаемые Нации условия вступления в Европейский союз неприемлемы. Мы против вхождения Польши в Европейский союз... Развитие Польши может наступить только вне ЕС». Причем можно сказать, что это основная мысль внешнеполитической части программы.

Надо отметить, что лидер LPR Роман Гертых проявил очень неоднозначное отношение к наследию Р. Дмовского: «С самого начала своей политической карьеры я старался отмежеваться от народовской идеи в пользу реализации социального учения Церк-

¹ Трактовка народного единства согласно LPR дана в более развернутой форме в Декларации идей партии, принятой уже в 2017 г.: «Говоря о великом наследии народовской мысли, мы говорим о всепольской идее, объединяющей поляков всех сословий, профессий и социальных слоев, как на родине, так и разбросанных по всему миру, стремящихся и заботящихся об интересах всего народа». То есть внетерриториальная трактовка нации является в данном случае логическим следствием преодоления социальных барьеров внутри общества. См.: Deklaracja Ideowa Ligi Polskich Rodzin // Liga Polskich Rodzin Serwis Internetowy. – 2017. – 07.11. – Mode of access: <http://www.lpr.pl/pl/2017/10/26/deklaracja-ideowa-ligi-polskich-rodzin/>

² В современных «Программных принципах» LPR нация (Naród) определяется как «семья семей», что подчеркивает принципиальность и связанность обоих главных понятий (народ и семья) для эндецкой мысли. См.: Założenia Programowe Ligi Polskich Rodzin // Liga Polskich Rodzin Serwis Internetowy. – 2017. – 10.11. – Mode of access: <http://www.lpr.pl/pl/zalozenia-programowe/>

³ То есть уездов, районов, областей.

ви»¹. В интервью 2006 г. Р. Гертых сказал о Дмовском: «Несомненно, я никогда бы не принял в “Лигу польских семей” политика со столь открытыми антисемитскими взглядами. Однако если бы Дмовский жил сегодня, был бы он антисемитом? Сомневаюсь». Но это интервью распространилось с сильным перефразированием слов Гертыха: «Дмовского я бы в Лигу не принял», – что стало причиной большого скандала в народовском движении.

Надо отметить, что за время участия в правительстве у LPR вырос очень большой негативный рейтинг, а уровень поддержки существенно упал. Во многом это связано с оценками деятельности Гертыха на посту министра образования. Кроме того, организация «Лиги польских семей» так и не стала по-настоящему единой, ее сотрясали внутренние конфликты, вскоре пошли расколы. На парламентских выборах октября 2007 г. LPR потерпела поражение и не прошла в парламент, пало и правительство Я. Качиньского. Несомненно также, что на уровне поддержки в среде националистического электората сильно сказалась негативная оценка правительственного союза LPR с PiS и «Самообороной», который так и не был принят общественностью, причем не только эндецкой, но и голосовавшей за PiS. А 13 декабря 2007 г. Лехом Качиньским был подписан Лиссабонский договор, что означало символическое поражение народовцев, обусловившее их окончательный разрыв с Качиньскими. Как написано в одной из статей 2009 г., «национальная демократия и неознеция находятся в плачевном состоянии. Возможно, это удар, после которого она уже никогда не воспрянет»².

Однако союз между LPR и «Самообороной» имел свои основания, как теоретические, так и исторические. Это касается еще одного направления в польской политике, которое пытается синтезировать народовскую традицию с «людовой» (в смысле «просто-народной»), т.е. ориентированной на выражение интересов в первую очередь сельского населения. «Людовое» направление имеет давнюю историю в польской политике и традиционно антагани-

¹ Dmowskiego do Ligi bym nie przyjął. Z Romanem Giertychem rozmawiał Paweł Wroński // Gazeta wyborcza. – 2006. – 16.07. – Mode of access: <http://wyborcza.pl/1,76842,3484547.html> (Дата обращения: 11.11.2017.)

² Królikowski B. Między ideologią a wyznaniem // Myśl.pl. – 2009. – N 15. – S. 86–90. См. электронную версию: Myśl.pl. Pismo narodowo-demokratyczne. – 2017. – 31.09. – Mode of access: <http://mysl.pl/index.php/idea/item/33-miedzy-ideologia-a-wyznaniem> (Дата обращения: 11.11.2017.)

стично к остальным ее лагерям, так или иначе продолжающим идеологические воззрения, родившиеся в шляхетской среде. Это разделение пытался преодолеть Р. Дмовский, что было естественно для него как для националиста: сама идея модерной нации предполагает не поделенное на сословия общество, в котором все равны перед законом, благодаря чему оказывалась в противоречии с традиционным шляхетским самосознанием, ограничивавшим понятие «народ» только высшим слоем. Эндация всегда придерживалась принципов сословности и «поддерживала один из типов дефиниции народа как национального сообщества под углом комплементарности понятий нации и простонародья¹»².

Как верно пишут современные эндеки, национализм основан на «импортированном с Запада постулате массового народа», т.е. идет против сарматизма³. Сам Дмовский критически относился к смешению сословного типа с национальным, ставшему основой шляхетской традиции понимания польской нации⁴, усматривал вину шляхты за то, что в Польше так и не сформировалось национальное городское население и среднее сословие⁵. Такой подход предопределял расположенность народовцев к политическому союзу с «людовскими» политиками. Дважды предпринимались попытки создания такой коалиции (с участием хадеков) – в 1923 и 1926 гг. Предприняты они и в современной Польше, причем и на организационном, и на теоретическом уровне⁶. Сильного альянса так и не сложилось. Так объясняет это Эва Май: «Хадация осталась слабой, почти незаметной в польском политическом пейзаже,

¹ От польских слов: «narodu i ludu».

² Maj E. Wielonurtowość myśli nacjonalistycznej w Polsce współczesnej // Idee w procesie krzyżowania współczesnej rzeczywistości polskiej. Nacjonalizm / Pod red. Ewy Maj, Magdaleny Mikołajczyk, Michała Śliwy. – Kraków, 2010. – S. 92.

³ Siemiątkowski J. Megalomania zwana nacjonalizmem // Szturm. Antologia nowoczesnego nacjonalizmu. – W-wa, 2017. – S. 55. Сарматизм – традиционная идеология польской шляхты, сложившаяся еще в XVI в. Названа так потому, что идеологи благородного слоя усматривали его предков в древних сарматах.

⁴ См.: Dmowski R. Myśli nowoczesnego Polaka // Dmowski R. Wybór piśm. – Poznań, 2014. – Т. 1. – S. 22.

⁵ См. об этом: Szwed A. Koncepcja państwa narodoowego w publicystyce Romana Dmowskiego // Sny o potęgę. Bezpieczeństwo, suwerenność, mocarstwo. Rzeczpospolita Polska, 1918–1939. – Lublin, 2010.

⁶ Maj E. Myśl narodoowo-ludowa w Polsce po 1989 roku // Idee, państwo, ludowcy. Księga jubileuszowa z okazji 70. rocznicy urodzin Profesora Jana Jachymka / Red. E. Maj, S. Michałowski, A. Wójcicki. – S. 416–427.

тогда как людовцы, наоборот, были достаточно сильны, чтобы не стремиться к альянсу с народовцами»¹. Тем не менее на такие попытки стоит обратить внимание.

В 2007 г. была основана «людово-народовская» партия **«Народно-национальное движение» (Ruch Ludowo-Narodowy, RLN**, с 2013 г. стала называться «Национальная лига» – «Liga Narodowa»). Она была создана рядом деятелей LPR и «Самообороны», в том числе Богуславом Ковальским, прежним лидером «Национально-демократической партии» SND, ставшим теперь лидером RLN. По идеологии она позиционировала себя как более народовская, чем LPR, и более «людовая», чем партия, представлявшая довольно радикальные позиции на этом поле – «Самооборона». На выборах 2007 г. она впервые провела в сейм своих депутатов (трех человек по списку PiS) и одного сенатора. В 2010 г. поддержала Ярослава Качиньского. Однако после этого ряд представителей партии перешли в PiS, включая и самого Б. Ковальского. Тем не менее современный лидер партии (с 2012 г.) Збигнев Липиньский отвергает возможность присоединения к «Праву и справедливости»: «PiS не была заинтересована в создании народовского крыла внутри партии... что вполне понятно, учитывая, что PiS основана на пилсудско-санационной традиции... Вхождение в PiS означало бы, что мы перестали быть народовцами»².

З. Липиньский говорит, что «в самых основных идейно-политических положениях есть сходство принципов народовского и людовского движений». Он определяет эндецию как третий путь между правыми и левыми: «Мы не правая и не левая сила. Также мы должны отличаться от партий истеблишмента». Такой подход можно считать спецификой «людовско-народовского» синтеза, так как партии людовского толка обыкновенно считаются левыми, а эндецкого – правыми. Однако в настоящее время партия представляет собой все более определенно именно эндецию: «В Польше есть общественный запрос на организованную силу, основанную

¹ Maj E. Wielonurtowość myśli nacjonalistycznej w Polsce współczesnej // Idee w procesie kształtowania współczesnej rzeczywistości polskiej. Nacjonalizm / Pod red. Ewy Maj, Magdaleny Mikołajczyk, Michała Śliwy. – Kraków, 2010. – S. 91.

² Endecja – opozycja systemowa. Rozmowa ze Zbigniewem Lipińskim, prezesem Ruchu Ludowo-Narodowego // Konserwatyzm.pl. – 2012. – 14.04. – Mode of access: <https://konserwatyzm.pl/endecja-opozycja-systemowa-rozmowa-ze-zbigniewem-lipinskim-prezesem-ruchu-ludowo-narodowego/> (Дата обращения: 11.11.2017.)

на эндецких традициях», – говорит Липиньский и предлагает создать «Конфедерацию народовских групп».

Он выражает довольно радикальные позиции: «Польша должна выйти из Европейского союза. Иначе мы станем – раньше или позже – немецкой уже не Land, а Hinterland¹». Евросоюз видится опасностью и благодаря той системе, которую он распространяет на Польшу: «Прежде всего, надо изменить строй нашей страны, так как установленная в Польше евросоюзная демократия (аналог так называемой социалистической демократии) служит не польским интересам, а чужим». Выступая за пронаталистическую политику, Липиньский говорит и об исторической «эвтаназии польского народа, которая идет запрограммированным путем». «Нужно также всеми доступными нам средствами противостоять фальши о польской истории. Такого оболгания прошлого нашей отчизны не было даже во времена ПНР». Лидер LN видит основные опасности для Польши в «глобализации, направляемой большими международными финансовыми и промышленными корпорациями» и в «уничтожении латинско-христианской цивилизации», «отказе от вечных христианских ценностей», деморализации. В целом приходится признать, что его подход представляет собой довольно типичную неозэндецию, и говорить о гармоничном синтезе народовских идей с людовскими пока не приходится.

Еще одна националистическая организация, находящаяся в союзе с людовским движением, – **«Кресовое² патриотическое движение» (Kresowy Ruch Patriotyczny)**. Оно было создано в 1999 г. по инициативе Яна Невиньского (руководил им до 2014 г.). Его заместителем был избран лидер LN З. Липиньский, а сотрудничал с движением целый ряд известных националистических деятелей Польши – Богдан Поремба, Болеслав Тейковский, а также главный редактор «Польской мысли» Ян Энгельгард. Идеино и персонально Движение связано с основной людовской партией современной Польши – «Польской крестьянской партией» («Polskie Stronnictwo Ludowe», PSL). В 2014 г. на его основе был создан «Патриотический союз кресовых и комбатантских организаций». Кресовое движение, состоящее из выселенных с территорий Ук-

¹ То есть уже не страной, а внутренним районом страны.

² Кресы – традиционное обозначение восточных «окраин» старой Речи Посполитой, под которым обыкновенно понимаются западные части современных Украины и Белоруссии, а также южная часть Литвы.

раины и Белоруссии поляков, их потомков и «почитателей кресов», является одной из важнейших составляющих правоконсервативной и националистической политики в Польше.

Националистические марши, проводимые различными организациями, собирали обыкновенно по несколько сотен человек. Однако к 2010 г. произошел существенный перелом в настроениях общества, о причинах которого до сих пор спорят польские эксперты. 11 ноября 2010 г. на **Марш независимости в Варшаве**, организованный совместно «Всепольской молодежью» (MW) и «Национально-радикальным лагерем» (ONR), собралось более 5 тыс. человек¹. В 2011 г. участников оказалось уже около 20 тыс., и позже массовость мероприятия нарастала даже до 100 тыс. человек (впрочем, цифры разнятся). Сопутствующие маршу акции левацких организаций, а также стычки участников с силами правопорядка только усиливали общественный интерес к происходящему. Одной из причин популярности мероприятия стало объединение различных националистических сил в его поддержку. В организационном комитете марша 2010 г., помимо представителей MW и ONR, находились также Януш Корвин-Микке, Рафал Земкевич, Артур Завиша, Павел Кукиз и другие известные деятели правого движения. Правда, в августе 2012 г. Корвин-Микке и Кукиз вышли из комитета, заявив о неприемлемости участия в марше неонацистских группировок.

На основе объединения организаций и политиков вокруг Марша независимости в 2012 г. возникло объединение **«Национальное движение» (Ruch Narodowy, RN)**. Среди соорганизаторов значились «Всепольская молодежь», «Национально-радикальный лагерь», «Уния реальной политики» (единственная партия в движении) и другие – всего несколько десятков организаций, в том числе и принципиально неэндецкого толка, такие как неоязыческое «Общество культуры и традиции Niklot». В состав движения входят общества самого разного профиля: молодежные организации, клубы исторической реконструкции, фонды, медиа, в том числе несколько журналов и интернет-порталов. При нем создана своя женская организация антифеминистской направленности – «Женщины для нации» (Kobiety dla Narodu, KdN), выступающая против политики замещения женщинами мужчин во всех областях

¹ См. сайт Марша независимости. – Mode of access: <https://marszniepodleglosci.pl/>
(Дата обращения: 11.11.2017.)

жизни и за разделение ролей двух полов. Национальное движение патронирует Союз солдат Национальных вооруженных сил, объединяющий ветеранов NSZ, а также других вооруженных организаций народовского подполья.

Летом 2013 г. состоялся первый конгресс Национального движения, а 10 декабря 2014 г. была оформлена новая политическая партия с таким же названием. Лидером партии стал Роберт Винницкий, в 2009–2013 гг. возглавлявший «Всепольскую молодежь», а заместителями председателя стали представители различных вошедших в партию движений. Как говорит один из лидеров движения Артур Завиша, «наша структура сетевая»¹. Это важное замечание, так как говорит об усвоении народовцами современных форм политической организации взамен традиционной, чисто партийной. В качестве своих внешних союзников RN определяет целый ряд зарубежных организаций: партию «Йоббик» (Венгрия), «Новую силу» Роберто Фиоре (Италия), партию «Национальная демократия» (Испания) и др.

На президентских выборах 2015 г. «Национальное движение» выдвинуло кандидатуру бывшего пресс-секретаря ONR Мариана Ковальского, но он собрал лишь 0,52% голосов. В сентябре 2015 г. он ушел из партии, а вслед за ним и весь «Национально-радикальный лагерь», руководство которого сделало заявление о несогласии с курсом на союз с Павлом Кукизом. По словам пресс-секретаря ONR Томаша Калиновского, они считали правильным «идти собственной политической дорогой, но лидеры Национального движения этого не поняли»². В парламентских выборах 2015 г. партия RN участвовала по списку блока «Kukiz'15». Благодаря успеху блоку Кукиза удалось провести пять депутатов, еще прошло пять человек, поддерживаемых партией. Впервые с 2007 г. в сейме оказались депутаты открыто националистических позиций. В 2016 г., после обнародования записей, на которых Павел Кукиз в очень грубых выражениях отзывался о народовцах, «Национальное движение» призвало своих людей выйти из его фракции. Однако этому призыву последовал только сам лидер RN Р. Винницкий. 10 декабря 2016 г. в конгресс-холле сейма состоялся Программный конгресс RN под лозунгом «Суверенный народ в XXI в.».

¹ Krzymowski M. Jesteśmy czarnym snem // Newsweek. – New York, 2013. – N 10. – S. 20.

² Dąbrowska A. Prawa ściana // Polityka. – W-wa, 2016. – N 24. – S. 19.

Идеология «Национального движения» представляет собой «мейнстримный» вариант эндеции. В самопрезентации на сайте партии говорится: «Мы верим, что наилучшим ответом на вызовы современности является современная народовская мысль, укорененная в классической политической школе Романа Дмовского и его последователей»¹. Идеологическая декларация RN «Идентичность – Суверенность – Свобода» раскрывает каждое из этих понятий в трех аспектах: идентичность народа («Национальное движение своей основной целью считает защиту и усиление польской национальной идентичности»), идентичность семьи и идентичность личности; суверенность государства (за «строительство Европы независимых народов» и «возрождение польского военного потенциала»), суверенность культуры («Народ только тогда независим, когда мышление его элит независимо от внешних центров и укоренено в его истории», а поэтому RN «будет развивать оригинальную, польскую политическую мысль»), суверенность экономики (в том числе энергетический и инфраструктурный суверенитет, национальная валюта); свобода слова (обещание «добиваться слома преобладания элит Круглого стола в медийной сфере», а также «борьбы с политкорректностью»), свобода экономической деятельности и свобода личности (решимость «защищать свободу перед угрожающим ей либерализмом»). «Осью политического мышления для нас является идея народа, понимаемого как культурное сообщество поколений – бывших, нынешних и будущих... Поэтому мы будем бороться за Польшу для поляков»².

Целью RN является радикальный социально-политический переворот – «низвержение республики Круглого стола». Как говорит Р. Винницкий: «Кто мы? Мы страшный сон Адама Михника»³. Он 20 лет устрасал поляков национализмом и накаркал. Пожалуйста. Хотел и получил. Мы есть»⁴.

¹ Winnicki R. O nas // Ruch Narodowy. – Mode of access: <https://ruchnarodowy.net/o-nas/> (Дата обращения: 11.11.2017.)

² Deklaracja ideowa Ruchu Narodowego // Ruch Narodowy. – Mode of access: <https://ruchnarodowy.net/program/>

³ Адам Михник – один из ведущих либеральных идеологов и журналистов современной Польши, главный редактор «Gazety Wyborczej», считающейся в среде народовцев символом Третьей республики.

⁴ Krzymowski M. Jesteśmy czarnym snem // Newsweek. – 2013. – N 10. – S. 16.

Среди программных постулатов RN¹ есть требование «милитаризации народа» (т.е. возрождения армии и создание территориальной обороны). RN не выступает за выход из НАТО, однако считает недопустимым передавать ответственность за безопасность страны внешним силам. Значится также отказ от климатического и энергетического пакета ЕС. Это требование связано с тем, что для Польши угледобывающая промышленность – традиционная и жизненно важная отрасль экономики.

RN выдвигает лозунг «Европы для отечеств, вместо евроколхоза» и «добровольного сотрудничества, вместо брюссельского централизма». Под «евроколхозом» подразумевается проект федеративной Европы. RN требует отказаться от Лиссабонского договора, так как он считается основой для разделения континента на регионы «разных скоростей», а значит, закладывает принцип неравноправия участников союза. Впрочем, определенности по будущему участию Польши в Европейском союзе программа не дает. Как говорят сами участники движения, «в руководстве есть три группы взглядов на Европейский союз. Одни хотят из него как можно скорее выйти, другие хотят остаться, а еще одни выступают за его распад»².

В области исторической политики в Программных принципах делается акцент на судьбе «проклятых солдат», а также заявляется, что «наступило время начать решительную борьбу против антипольскости и вредной для Польши пропаганды иностранных центров, в том числе с использованием юридических и политических средств». Особое внимание уделяется защите традиционных ценностей. Приведем некоторые лозунги: «Сегодня по всей Европе распространяются идеологии, враждебные естественному праву и здоровой нравственности»; «Стоп пропаганде педерастов и идеологии гендера».

Объявляется конец либеральной демократии, который наступит с принятием новой «конституции народной демократии»: «Либеральная демократия по своей природе отменяет категорию общего блага, подрывает естественное право и остается слепой к судьбе нации»; «Справедливую форму республики может гаранти-

¹ См.: Postulaty programowe Ruchu Narodowego // Ruch Narodowy. – Mode of access: <https://ruchnarodowy.net/program/>

² Krzymowski M. Jesteśmy czarnym snem // Newsweek. – New York, 2013. – N 10. – S. 20.

ровать только смешанное устройство». RN выступает за замену парламентско-президентской формы правления сильной президентской и одновременно за расширение сферы применения механизмов прямой демократии (на местном уровне и на общенациональном – через референдумы), а также за уничтожение избирательных барьеров. В целом надо признать, что программные принципы и манифест «Национального движения» являются значительно более разработанными и конкретными, чем программа предыдущей попытки объединения эндецких сил – «Лиги польских семей». Несомненно, что это отражает и общее развитие этого направления польской политики, его растущую интеллектуализацию, осмысленность заявляемых позиций и требований.

В числе близких к «Национальному движению» организаций есть редакция нового **журнала «Штурм»**, позиционирующего себя как ежемесячное национально-радикальное издание¹. Журнал возник в 2014 г., его Манифест от 24 сентября того же года подписали 11 человек², в основном студентов. За последние годы он стал одним из наиболее заметных националистических изданий. Издаются также сборники статей в качестве отдельных книг, переводные сочинения.

Позиция публицистов «Штурма» является более радикальной, чем официально принятая в RN. Например, они выступают резко против участия Польши в Североатлантическом альянсе – «международном жандарме американского демо-либерального империализма», как они его называют³. «Мы помним о преступных налетах НАТО во время балканской войны, на Афганистан и на Ливию. НАТО не является ничем иным, кроме как очередной организацией, имеющей намерение уничтожить национальные государства, а на слабые государства оказывать свое давление». «Мы сопротивляемся призывам, вызывающим к строительству баз НАТО в Польше, а также приглашению к нам иностранных солдат». Ав-

¹ См. сайт журнала. – Mode of access: <http://www.szturn.com.pl/>

² Manifest // Szturm. Antologia nowoczesnego nacjonalizmu. – W-wa, 2017. – S. 9–11. См. электронную версию. – Mode of access: <http://www.szturn.com.pl/index.php/miesiecznik/item/10-manifest>

³ См. манифест Antysystemowcy przeciwko NATO // Szturm. – Mode of access: <http://www.szturn.com.pl/index.php/oswiadczenia/item/338-antysystemowcy-przeciwko-nato>. Это заявление подписано, помимо представителей «Штурма», еще целым рядом националистических изданий и организаций радикального толка.

торы заявления призывают к «созданию независимой и сильной польской армии».

В Манифесте «Штурма» заявляется о радикальной направленности его подписантов¹. Также постулируются революционные взгляды («Наш национализм является также революционным»²). «Штурмовцы» объявляют войну «демо-либерализму» и «наднациональному порядку, оккупировавшему сегодня Европу и весь мир», противопоставляя ему солидаризм: «Нашу надежду на победу над неолиберальной болезнью нашего времени мы связываем с различного рода взглядами, основанными на парадигме социального и национального солидаризма». Заявляется крайне негативное отношение одновременно к США и России: «Мы презираем все империализмы; прежде всего те, чья жестокость сегодня видна наилучшим образом – империализм американский, сионистский и российский»³. Тексты, публикуемые «Штурмом», нередко призывают к пересмотру устоявшихся точек зрения в народовском движении с позиций молодых, вовлеченных в наиболее актуальные для современной Европы и Польши проблемы.

Среди организаций, в последние годы сблизившихся с националистическими, надо отметить польских монархистов. Один из их известных представителей, публицист и режиссер документального кино **Гжегож Браун**, в 2015 г. основал движение «Хвала Богу!» («Szczęść Boże!»), по списку которого на выборах того года выдвигались (правда, безуспешно) кандидатами в депутаты члены «Конгресса новых правых» (KNP), «Лиги польских семей» (LPR), «Союза реальной политики» (UPR), «Национального движения» и других народовских организаций. Г. Браун является теоретиком эволюции системы от демократии к монархии и выступает резко против Европейского союза. В таком взаимодействии сил можно усмотреть общий запрос в крайне правой среде на объединительные проекты, сохраняющие при этом идейную и организационную обособленность участвующих организаций.

Другая предвыборная инициатива 2015 г. с участием народцев оказалась гораздо успешнее. Музыкант правых взглядов

¹ Manifest // Szturm. Antologia nowoczesnego nacjonalizmu. – W-wa, 2017. – S. 9.

² Niezbędnik narodowca. ABC nowoczesnego nacjonalizmu / Red. K. Bonisławski, J. Siemiątkowski. – W-wa, 2014. – S. 263.

³ Manifest // Szturm. Antologia nowoczesnego nacjonalizmu. – W-wa, 2017. – S. 10.

Павел Кукиз на президентских выборах того года неожиданно собрал 21% поддержки, в связи с чем образовал свой блок на парламентских выборах под названием «**Kukiz'15**». В результате было получено 8,81% и 42 мандата в сейм (в сенат блок не прошел). Официально блок Кукиза определяет себя как «аидеологический», т.е. отвергает любые идеологии, однако он собрал именно правых политиков. По списку этого блока в сейм прошли представители «Национального движения» (включая его председателя Роберта Винницкого), «Конгресса новых правых», «Всепольской молодежи» (включая ее председателя Адама Андрушкевича) и других движений. В предвыборной кампании блок часто использовал антииммигрантские лозунги, выступал против партийной системы, за «передачу государства гражданам из рук партийных кланов». Согласно программе «Стратегия перемен»¹, блок выступает за смену избирательного законодательства (через введение только мажоритарной системы). Единой политической организации из движения Кукиза пока не сложилось, но благодаря успеху на выборах 2015 г. и общей политической конъюнктуре у нее есть возможность оформиться во что-то цельное с относительно определенной системой взглядов.

19 мая 2016 г. семь депутатов фракции П. Кукиза образовали **общество «Эндеция» (Stowarzyszenie Endecja)**. Оно возникло после того, как партия «Национальное движение» покинула блок Кукиза, однако из фракции вышел только Роберт Винницкий. Председателем «Эндеции» стал Адам Андрушкевич (недавний глава «Всепольской молодежи»), зампредела Пшемислава Пяста (бывший до 2017 г. в «Свободе» Корвина-Микке). В настоящее время общество возглавляет Сильвестр Хрущ, основатель фонда им. Болеслава Храброго. Один из самых ярких участников – публицист Рафал Земкевич.

В Манифесте «Эндеции» заявлено о наследовании идей национальной демократии и политической школы Р. Дмовского, З. Балицкого и Я.Л. Поплавского как «образцов прагматичного мышления о нуждах и интересах польской нации»². «Мы принимаем вслед за отцами-основателями идеи всепольской политики. Всепольской, т.е. такой, которая проводится не в интересах группы, со-

¹ Strategia zmiany // Kukiz'15. – Mode of access: <http://ruchkukiza.pl/klub-poselski/strategia-zmiany/>

² Idea // Endecja. – Mode of access: <http://www.endecja.pl/o-nas>

циального класса или кружка, а в интересах всех». Участники общества выступают за «слом постколониального раздела мира, являющегося наследием разделов и оккупаций, и преодоление враждебности между политическими племенами», а также за христианские основы моральных норм, заложенных в законодательстве. Общество заявляет своей целью «формирование элит для этой перестройки».

Современное националистическое движение в Польше располагает довольно обширным набором своих медиа – радио, журналов, газет и сайтов¹. Огромную роль в возрождении народового движения (и в целом правоконсервативного спектра польской политики) сыграло радио «Магуја», созданное монахом-редемптористом о. Тадеушем Рыдзыком в 1991 г. в Торуни. В 2003 г. начал работать телеканал «Trwam», связанный с этим радио. Надо отметить большую роль радио и в победе Леха Качиньского на выборах 2005 г. Премьер Казимир Марцинкевич свое первое обращение к полякам даже сделал именно на этом радио. Данная радиостанция стоит на позициях негативного отношения к процессам европейской интеграции и либерализации обычаев. Среда слушателей радио «Магуја»

¹ В числе основных народоовских медиаресурсов стоит упомянуть целый ряд изданий. В первую очередь это еженедельная газета «Польская мысль» («Myśl Polska»), основанная в качестве органа «Национальной партии» в Лондоне еще в 1941 г., а с 1993 г. издаваемая в Варшаве (гл. редактор с 1997 г. – Ян Энгельгард, сайт. – Mode of access: <http://mysl-polska.pl/>). Также надо упомянуть журнал «Opcja na prawo» («Правый вариант», или «Путь направо», сайт. – Mode of access: <http://www.opcjanaprawo.pl/>), основанный в 2000 г. Заметное влияние сейчас имеют ежеквартальный журнал «Myśl.pl» (издается фондом им. Болеслава Храброго с 2006 г.) и его сайт: Myśl24.pl. С 2008 г. издается ежеквартальный журнал «Polityka Narodowa», с 2013 г. еженедельник «Polska Niepodległa». С 2014 г. издается «народово-радикальный» ежемесячный журнал «Штурм». – Mode of access: <http://szturm.com.pl/index.php/miesiecznik>. Есть еще целый ряд партийных периодических изданий. Из сетевых проектов стоит упомянуть «Националистический портал Третий путь» («Trzecia Droga. Portal nacjonalistyczny. – Mode of access: <http://3droga.pl/>); «Правая политика». – Mode of access: <http://prawapolityka.pl/>; газеты «Dziennik Narodowy». – Mode of access: <http://www.dzienniknarodowy.pl/>; сайты «Эндэция». – Mode of access: <http://endecja.pl/>; «Prosto z Mostu». – Mode of access: <http://prostozmostu.pl/>; Mode of access: <http://wmeritum.pl/>; Mode of access: <https://kierunki.info.pl/>; сайт организаторов Марша независимости. – Mode of access: <https://medianarodowe.com/>, портал автономных националистов. – Mode of access: <http://autonom.pl>, близкий к крайне националистической организации «Фаланга». – Mode of access: <http://xportal.pl/>, сайт радикального «Националистического Чёрного блока» (Nacjonalistyczny Czarny Blok). – Mode of access: <http://drogalegionisty.pl/> и др.

стала важнейшей составляющей для народовского движения, хотя в молодежной среде оно имеет сравнительно малое влияние.

Польский национализм присутствует не только в политической сфере, но и представлен в качестве субкультурных явлений. Его идеи находят выражение в творчестве целого ряда рок-групп, на концерты которых ходит в основном националистически настроенная молодежь. С 2013 г. ежегодно проводится музыкальный фестиваль «Орлиное гнездо»¹. Националисты активно представлены в реконструкторских клубах, а также в других молодежных (в том числе спортивных) организациях (харцерских, «Соколе», «Стрелце» и др.). В неонацистской среде пользуются популярностью проповеди священника Яцека Мендлыра, выступления группы Нордика и Конквиста. Националистические организации тесно сотрудничают с движениями футбольных болельщиков. По мнению многих наблюдателей, группы фанатов стали своего рода бастионом крайнего национализма, но они также выполняют роль их организационно-финансового тыла, так как имеют хорошо организованную инфраструктуру и неполитический статус.

Идеологические противостояния

Польское националистическое движение ощущает себя в плотном враждебном окружении, что связано с большим количеством выдвигаемых критериев, по которым строятся линии противостояния. Известная исследовательница этого спектра польской политики Эва Май перечисляет следующие виды основных «врагов» для польских националистов: 1) идеологический враг: коммунист, социалист, либерал; 2) враги повсеместные: евреи и масоны; 3) внешние враги: Германия; 4) институциональные враги: Европейский союз, Североатлантический альянс, Всемирный банк, Всемирный валютный фонд, Всемирная торговая организация. При этом все эти враги соединяются «в образе Америки как носителя суммы зловердных черт»².

¹ «Orle Gniazdo». См. сайт фестиваля – Mode of access: <http://www.festiwalorlegniazdo.pl/> (Дата обращения: 11.11.2017.)

² Maj E. Wielonurtowość myśli nacjonalistycznej w Polsce współczesnej // Idee w procesie kształtowania współczesnej rzeczywistości polskiej. Nacjonalizm / Pod red. Ewy Maj, Magdaleny Mikołajczyk, Michała Sliwy. – Kraków, 2010. – S. 96–97.

Однако к этому списку стоит прибавить еще и такие близкие политические силы, как польские правые не народовской традиции, что особенно проявляется последние годы, несмотря на многочисленные примеры институционального и личного сотрудничества. Это рядовой случай, когда наиболее сильная критика направлена именно на идейно смежные силы. Но в данном случае за этим стоит и вся традиция противостояния народовцев и пилсудчиков. Как формулирует это один из современных националистов: «Отметим важную закономерность: там, где выигрывал Пилсудский, проигрывала Польша! Стоит об этом помнить также и сегодня, когда мы находимся перед лицом идейно-политических действий наследников и продолжателей товарища Зюка»¹. В устах «идейных последователей враждебных санации народовцев пилсудчиковский “патриотичный социализм”»² обретает новые формы в деятельности ныне правящей партии «Право и справедливость», целый ряд аспектов политики которой оказывается под жесткой критикой со стороны националистов.

Народовцы не являются противниками демократии, т.е. принципов свободной игры политических сил, однако их противостояние с либералами основано не только на иной философии государственности, но и на ином ценностном выборе, что стало особенно актуально в нынешнее время в условиях диктата «новых западных ценностей», имеющих радикально антиконсервативный характер. Как пишет один из представителей этого движения, «национализм опирается на выдвигание на первое место национального сообщества, его интересов, целей и перспектив развития. Этому противостоит мир либеральных ценностей, основанных на крайнем индивидуализме, всегда выступающих в жесткой оппозиции националистическим взглядам»³. Кроме того, аксиомой для эндеков является католическая сущность польскости. Христианская этика и традиционные ценности объявляются основой строительства национально-

¹ Witold Bałazak. Treść referatu wygłoszonego 26 sierpnia 2017 r. w Gietrzwałdzie podczas VI Konferencji Wersalskiej organizowanej cyklicznie przez Ligę Polskich Rodzin // Liga Polskich Rodzin. Serwis Internetowy. – Mode of access: <http://www.lpr.pl/pl/2017/09/11/system-wersalski-polskie-dzielo-i-gwarancja-istnienia/> Зюк – распространенная политическая кличка Юзефа Пилсудского.

² Kitaszewski D. Parę słów na obronę Marszałka // Szturm. Antologia nowoczesnego nacjonalizmu. – W-wa, 2017. – S. 268.

³ Ćwik G. Nationalista jako barbarzyńca XXI wieku // Szturm. Antologia nowoczesnego nacjonalizmu. – W-wa, 2017. – S. 107.

демократического государства вместо нынешней либеральной демократии.

В этих условиях основным объектом ценностной неприязни стали общества гомосексуалистов. Как отмечают польские исследователи, фактически они теперь заняли в националистическом дискурсе то место «внутреннего врага», на котором прежде были евреи. Для современных националистов гомосексуалист – «это либертин, который уже по своей природе нарушает кодекс ценностей»¹. Кроме того, противостояние представителям секс-меньшинств стало важнейшим поводом для уличных акций.

Другой линией противостояния польских националистов является сфера трактовок прошлого – так называемая историческая политика. Как отмечают сами польские народовцы, «кажется, ни один национализм в Европе не живет историей так, как польский»². Эта «крайняя привязанность к истории»³ во многом свойственна вообще современному польскому обществу и особенно его правым политическим силам, являясь чуть ли не самым значимым фактором, определяющим отношения Польши с соседями. И тут, надо признать, за последние годы произошло немало изменений, о которых польские националисты еще в начале 1990-х годов только мечтали: «У нас заметны большие перемены в историческом самосознании. Еще несколько лет назад мало кто знал о “проклятых солдатах” или о Волынской резне, сегодня же эти темы на устах у всех. Возможно, через несколько лет все будут говорить о вероятно последнем не преданном гласности геноциде польского народа, каким была Польская операция НКВД 1937–1938 гг., в ходе которой Советы уничтожили 111 тыс. наших соотечественников»⁴. Польская заикленность на исторических вопросах имеет характер навязчивой мартирологии, культа поражений и поклонения павшим жертвам, чем существенно отличается от исторического самосознания многих других народов и особенно их националистической общественности.

¹ Narodowcy wchodzą do centrum. Rozmowa Piotra Bratkowskiego z socjologiem Sergiuszem Kowalskim // Newsweek. – 2013. – N 10. – S. 26.

² Szymański M. 7 grzechów polskiego narodowca // Szturm. Antologia nowoczesnego nacjonalizmu. – W-wa, 2017. – S. 89.

³ Ibid. – S. 91.

⁴ Siemiątkowski J. Ukraińiec jest moim bratem // Szturm. Antologia nowoczesnego nacjonalizmu. – W-wa, 2017. – S. 208.

Особо пристальная концентрация внимания на истории проявляется и в другом следствии – во многом весь современный польский национализм имеет форму реконструкторских движений, причем это касается не только действия исторических клубов или неоязыческих обществ, но и политической сферы. В сущности все народовское движение до сих пор не вышло из стадии возрождения прерванной политической традиции, освоения ее идеологического наследства. Как написал К. Шиманьский, «многие из них стали интеллектуальными заложниками наследства Дмовского – что сказал Дмовский 100 лет назад, свято. Конец, точка. Не мог ошибаться»¹. Это породило особое чувство «эндецкой миссии» – продолжения дела Романа Дмовского и других идеологов движения, и связанного с этим культа их сочинений, во многом уже далеких от проблем современного общества. «Народовцы, к сожалению, задержались на воспроизведении лозунгов и слоганов, взятых из риторики 30–40 х годов ХХ в. Этот анахроничный язык не отвечал вызовам современности, тем самым не позволяя представителям движения занять сильные позиции в публичной сфере»². Примечательно, что эту проблему осознают и сами деятели народовского движения: «Из этой идеологии сделали религию: на встречах зачитывали довоенные сочинения как Евангелие, с соблюдением соответствующего ритуала при алтаре с Щербцом и портретом Дмовского. Подобной же сакрализации подверглись и организационные формы... На протяжении всего последнего двадцатилетия не было народовской идеи, была только народовская религия. Дмовского не понимали – Дмовского почитали»³.

Этот «эндецкий анахронизм, это нежелание противостоять новым вызовам, новым политическим формам»⁴ имеют не только риторические и символические последствия (такие как «римское приветствие»), но сказываются и на общем идеологическом настрое, проявляющемся в как бы заторможенной реакции на исторические события. Ярким примером тут может послужить антикоммунистическая тема. Когда в 1989 г. Роман Гертых объявлял «контрреволюцию

¹ Szymański M. 7 grzechów polskiego narodowca // Szturm. Antologia nowoczesnego nacjonalizmu. – W-wa, 2017. – S. 82.

² Chodakiewicz M.J., Mysiakowska-Muszyńska J., Muszyński W.J. Polska dla Polaków! Kim byli i są polscy narodowcy. – Poznań, 2015. – S. 492.

³ Królikowski B. Między ideologią a wyznaniem // Myśl.p. – 2009. – N 15. – S. 86–90.

⁴ Ibid.

молодых», которая заключалась в искоренении ментального и материального наследия коммунистической эпохи, такой лозунг был актуален и востребован значительной частью общества. Однако сохранение темы борьбы с коммунистами спустя два-три десятка лет вызывает непонимание у многих представителей молодой генерации. Критикующий эти черты движения представитель младшего поколения польских народовцев М. Шиманьский удивляется: «Националисты в Европе объединяются в борьбе с консюмеризмом, диктатом демократической “политкорректности”, глобализацией и неолиберализмом. А мы?.. Кто-то, правда, верит, что скоро произойдет большевистская революция? И нашим главным врагом должна быть группка нескольких десятков человек, в качестве хобби читающих Маркса и Ленина?»¹ Такое же недопонимание со стороны молодых вызывает еще более старая борьба с пилсудчиками: «Я не в состоянии понять, что сидит в голове у человека, для которого наибольшей проблемой является предвоенная диктатура, а врагом номер один – Юзеф Пилсудский»².

Среди этих исторических тем особняком стоит проблема оценки событий 1989 г., так как различный подход в этом вопросе определяет отношение ко всей политической системе Третьей республики. Все или почти все польские националистические организации стоят на твердых позициях отрицания решений Круглого стола. Как говорит социолог С. Ковальский: «Они пользуются своеобразной историософией: Круглый стол, предательство в Магдаленке, договор – все это приводит к убеждению, что Польша не будет свободна, пока не произойдет национально-освободительная революция»³.

Для понимания характера эндецкого взгляда на современную Польшу стоит обратиться к текстам популярного в народо-вской среде публициста (и теперь политика) Рафала Земкевича. В своей книге с претенциозным названием «Мысли современного эндека» (отсылающем к названию классической книги Дмовского) он рисует картину «постколониального государства», которое без радикальных внутренних перемен не сможет изжить своих основ-

¹ Szymański M. 7 grzechów polskiego narodowca // Szturm. Antologia nowoczesnego nacjonalizmu. – W-wa, 2017. – S. 90.

² Ibid. – S. 84.

³ Narodowcy wchodzą do centrum. Rozmowa Piotra Bratkowskiego z socjologiem Sergiuszem Kowalskim // Newsweek. – 2013. – N 10. – S. 22.

ных пороков. Помещая современные польские реалии в контекст популярной ныне теории постколониализма, он пишет, что «современную Польшу можно лучше понять, сравнивая ее со странами или обществами, имеющими за собой такой же опыт, как у поляков. То есть с такими, которые на протяжении как минимум нескольких поколений формировались в условиях неволи»¹. Польская Народная Республика, на его взгляд, «выполняла все обязанности колониального государства»², а современную Польшу он считает прямым ее продолжением. В связи с этим ставится вопрос: «Как быть с государством, которое создал кто-то извне – колонизатор, оккупант, завоеватель?»³ И в первую очередь этот вопрос касается проблемы смены элит: «Исчезла идеология, исчез оккупант, но осталась постколониальная, коллаборационистская элита, созданная им»⁴. Круглый стол видится причиной сохранения старой элиты, которая органически не способна к действительно независимому от внешних центров существованию и созданию системы, ориентированной в первую очередь на интересы своего населения, т.е. польского народа: «В Польше постколониальная элита перешла в новое, свободное государство, в неизменной форме... Такова была логика “трансформации системы”», основанная на принципе, что «элита “реального социализма” отказывается от идеологии коммунизма и начинает богатеть»⁵: «Таким образом, властная элита колониального государства трансформировалась в денежную элиту»⁶. Земкевич разделяет поляков на «креолов» и «туземцев» и через их противостояние описывает весь современный политический процесс в стране: креолы ориентированы на иностранные метрополии, а туземцы – на самостоятельную Польшу⁷. Соответственно, за отрицанием Третьей республики народодцами стоит требование смены элит и жесткой люстрационной политики.

Приверженность историческим образцам сказывается и на сфере используемых радикальными националистами символов. Центральным знаком является изображение Щербца – меча Боле-

¹ Rafał A. Ziemkiewicz. *Myśli nowoczesnego endeka*. – Lublin, 2012. – S. 81.

² Ibid. – S. 91.

³ Ibid. – S. 88.

⁴ Ibid. – S. 95.

⁵ Ibid. – S. 96.

⁶ Ibid. – S. 97.

⁷ См. главу «O tubylcach i kreolach» // Там же. – S. 131–156.

слава Храброго, которым он, по легенде, ударил в ворота Киева при взятии города в 1018 г. Этот меч исторически символизирует польскую экспансионистскую политику на Востоке, однако в современной националистической среде он воспринимается скорее просто как традиционный патриотический знак. Он изображается либо отдельно в ленте цветов польского флага, либо со стилизованным изображением руки, держащей меч («фаланга»). Такой символ был официально принят в 1933 г. Лагерем Великой Польши, потом стал одним из отличительных знаков «группы молодых» в Национальной партии, а в наше время используется в качестве официального символа радикальными организациями, апеллирующими к народной традиции, – «Национально-радикальным лагерем» (ONR) и «Национальным возрождением Польши» (NOP). Возрожденной «Всепольской молодежью» используется в качестве официального «Гимн молодых», бывший в свое время гимном молодежной организации Лагеря Великой Польши. Этот гимн заканчивается словами: «Мать Божья, нас послушай, Меч Храброго благослови!» Впрочем, сохраняется и «внешнее» значение Щербца, так как противостояние с украинскими националистами, «бандеровцами», остается постоянно присутствующей темой в польском национализме, причем ее актуальность в последнее время только растет, вызывая к жизни все более радикальные заявления.

Политическая актуальность национализма

Рост популярности неондееции определяется как собственно польскими, так и общеевропейскими факторами. Интеграция в Европейский союз обусловила возрождение в обществе темы «немецкой угрозы». Народовская традиция антигерманской мысли оказалась вновь востребована: националисты обыкновенно представляют ЕС в качестве Четвертого рейха и указывают на многоуровневые формы новой зависимости Польши от Берлина. Объектами критики стали и экспансия немецкого капитала, и (чаще всего мнимые) претензии немцев на возвращение на территории, с которых они были выселены после Второй мировой войны, и силезское автономистское движение, в подстрекательстве которого обвиняются Германия и немецкое меньшинство в Польше. Среди политиков ищут представителей «немецкой пятой колонны». Корень многих проблем видится в ограничениях польского суверенитета в

пользу Брюсселя, в наднациональном характере европейской бюрократии и недемократической природе евросоюзных органов власти.

Значительные перемены в этнорасовом облике крупных западноевропейских городов, произошедшие за последние десятилетия, стали поводом для серьезных опасений жителей всей Центральной Европы, в том числе и Польши. А широкая волна беженцев с Ближнего Востока, захлестнувшая Европу в 2015–2016 гг., вместе с требованиями по их частичному распределению по всем странам ЕС сделала очень популярными некоторые националистические лозунги, особенно по противостоянию мультикультурализму и защите рынка труда перед беженцами. Оппоненты задаются вопросом: «Как это так? В Польше нет беженцев, а так легко вызвать из-за них бурю?»¹ – однако в условиях единой Европы оказывается достаточным пример доступных для посещения западноевропейских стран.

Стали вновь востребованы идеи «потребительского патриотизма». Если в свое время лозунг «Свой к своему за своим!» был выдвинут Дмовским в рамках кампании по бойкоту еврейского бизнеса, то теперь он, наравне с утверждением «Капитал имеет национальность!», оказался частью противостояния новому «смешению народов» и «агрессии немецкого капитализма».

Не сумев добиться сильного влияния в постсолидарностном лагере, народовцы стали предлагать полякам «третий путь» между ним и посткоммунистами, что □ в условиях разочарования многих избирателей в основных действующих партиях, несомненно, добавляет им голосов. Помимо открыто эндецких объединений, народовцы присутствуют и в других правых партиях, составляя там значимое меньшинство и оказывая влияние на идеологию и тактику этих организаций. Немало народных объединений, особенно в молодежной среде, появилось в среде польской эмиграции, особенно в государствах ЕС. Например, в Великобритании действует «Patriae Fidelis – Polish Youth Association», есть подобные организации в Ирландии, Испании, Франции, Германии, Швеции и других европейских странах. Действуют там и отделы некоторых существующих в Польше партий. Они либо сотрудничают с местными антииммигрантскими движениями, либо составляют в них своеобразные фракции, тем самым успешно помогая переводу

¹ Kim R., Lis E., Bruździak W. Czas nowych patriotów: Wiadomo, kto wróg // Newsweek. – 2016. – N 18. – S. 31.

вектора опасений западноевропейцев со страха перед «польским сантехником» на страх перед «арабским террористом».

Как признают сами народовцы, «национализм потихоньку-помаленьку возвращается в мейнстрим» польской политики¹. Националистические митинги и марши с каждым годом собирают все больше народу. «Определенные успехи национализма, настоящие или кажущиеся, видны. Марш независимости собирает около 100 тыс. участников. В дискурсе появились “проклятые солдаты” и Роман Дмовский. Медиа уже не говорят с презрением об армии бритоголовых фашистов, которые едят по ночам детей иммигрантов, а признают, что такая группа появилась на польской политической сцене – даже если не настолько сильная, как мы того хотели бы, но все же»². Признают эти успехи националистов и их оппоненты: «Этот марш с периферии публичной жизни к центру последователен»³.

Среди причин, объясняющих рост популярности националистов, часто называется политика партии «Право и справедливость». Именно она ввела «Лигу польских семей» в коалиционное правительство в 2005 г., и именно она переняла многие лозунги, традиционно считавшиеся народовскими. Считается, что это Ярослав Качиньский привел националистов «в политические салоны», т.е. ввел в политическое сообщество⁴. Как восклицает на своих страницах один из либеральных журналов: «Это вина Ярослава Качиньского, PiS! Это они им широко открыли двери в польскую политику»⁵. На эту же партию теперь возлагается обязанность как-то «загладить свою вину», обуздать опасные силы: «PiS должна теперь что-то сделать с настроениями, которые сама же разбудила, чтобы прийти к власти»⁶. Однако несомненно, что и для «Права и справедливости» народовцы являются довольно опасной силой.

Польские исследователи отмечают, что этот тренд «поправления» стал заметен еще со времени борьбы движения «Солидар-

¹ Szymański M. 7 grzechów polskiego narodowca // Szturm. Antologia nowoczesnego nacjonalizmu. – W-wa, 2017. – S. 84.

² Ibid. – S. 81.

³ Narodowcy wchodzą do centrum. Rozmowa Piotra Bratkowskiego z socjologiem Sergiuszem Kowalskim // Newsweek. – New York, 2013. – N 10. – S. 26.

⁴ Dąbrowska A. Prawa ściana // Polityka. – W-wa, 2016. – N 24. – S. 18.

⁵ Narodowcy wchodzą do centrum. Rozmowa Piotra Bratkowskiego z socjologiem Sergiuszem Kowalskim // Newsweek. – New York, 2013. – N 10. – S. 23.

⁶ Dąbrowska A. Prawa ściana // Polityka. – W-wa, 2016. – N 24. – S. 20.

ность»: «С 80-х годов мы наблюдали постепенную эволюцию вправо освободительного лагеря [formacji niepodległościowej] (пост-пилсудчиковского), который насыщал свою доктрину народовско-католическими элементами»¹. Крайне правый электорат деятели этой партии считают потенциально своим, и для его привлечения сделано немало уступок в правую сторону. С PiS происходит то же, что и с венгерской партией ФИДЕС Виктора Орбана – наблюдатели отмечают многолетний идеологический тренд вправо. Однако, возможно, он недостаточно сильный, так как партию Орбана это не спасло от роста влияния крайне правой партии Йоббик, и именно этого надеются не допустить в PiS. Это хорошо понимают и сами народовцы. Как говорит А. Андрушкевич, «PiS не хочет польского аналога Йоббика, второй сегодня политической силы в Венгрии»². Р. Винницкий замечает: «PiS присвоила себе народовскую риторику, потому что озабочена, как бы не возникла какая-либо конкуренция для нее справа»³.

Ярослав Качиньский известен заявлением, что «направо от PiS только стена», однако это скорее выражение его несбыточного желания: помимо народовцев и еще более радикальных правых сил, от партии PiS уже несколько раз пытались отколоться политики ради «более правого проекта». Правительство Я. Качинского еще в 2005–2007 гг. создавало культ героев Варшавского восстания и «проклятых солдат», нынешнее правительство Б. Шидло сделало акцент на общественно-образовательной кампании по «проклятым солдатам» и по «польской операции НКВД 1937–1938 гг.», что также является традиционной для крайне правых исторической темой. «В PiS признают, что сегодня стратегия партии направлена на то, чтобы не допустить рост силы народовцев. Поэтому они так занимаются темой проклятых солдат»⁴. Как многие утверждают, именно в угоду националистам Б. Шидло ликвидировала Совет по борьбе с расизмом и ксенофобией.

А на фоне этого в стране развернуто крупное леволиберальное оппозиционное движение с обвинением правящей партии в фашизме и авторитаризме. Появились даже термины «орбанизация» и не-

¹ Tomaszewicz J. Powrót Ligi // Organizacja Monarchistów Polskich. Portal Legitymistyczny. – Mode of access: <http://www.legitymizm.org/powrot-ligi>

² Dąbrowska A. Prawa ściana // Polityka. – W-wa, 2016. – N 24. – S. 20.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

сколько позже «путинизация» Польши, что призвано отразить уход польской политики в консервативно-авторитарную сторону. Действительно, «PiS, устрашая, с одной стороны, “либеральным хаосом и эксплуатацией”, а с другой стороны, правым экстремизмом, ожидает, что все сойдутся под ее флагами»¹. Эта партия правее, чтобы привлечь народowski электорат, однако тем самым она легитимирует в общественном дискурсе их взгляды. В случае политического провала PiS возникнет шанс на расцвет народовского движения.

При этом для самих народовцев PiS становится все более враждебной партией, в отношении которой теперь направлен основной вектор их критики. Ярослав Качиньский объявлен неприемлемой фигурой после подписания его братом Лиссабонского договора, его партия обвиняется в том, что она «продала свободу Польши Брюсселю». Также на имидже Качиньских в крайне правой среде заметно отразилась фотография Леха с покрытой головой у Стены плача в Израиле (2006). Крайне резкие антиправительственные заявления в 2016–2017 гг. стали слышны и от деятелей когда-то союзной PiS «Лиги польских семей». Качиньского обвиняют в сомнительных, с точки зрения западной демократии, инициативах, в старой санационной политике. Народовцы отмечают: это «поворот к рецидиву “санации”, который мы с болью наблюдаем не только в нарушении правящим лагерем законов, но даже и Конституции»². 14 августа 2017 г. LPR выступила со специальным заявлением «по вопросу о бесправных действиях PiS и санкциях ЕС», обвинив правящую партию во введении фактической диктатуры³. Открытая оппозиционность с демократическими лозунгами увеличивает популярность националистов в обществе и делает их более приемлемыми партнерами для других движений.

Немалую роль в росте популярности националистов играет и общеевропейский контекст – он является частью той общей волны усиления крайне правого крыла западной политики, которая заметна почти во всех европейских странах. Растет и международное

¹ Dąbrowska A. Prawa ściana // Polityka. – W-wa, 2016. – N 24. – S. 20.

² Witold Bałazak. Treść referatu wygłoszonego 26 sierpnia 2017 r. w Gietrzwałdzie podczas VI Konferencji Wersalskiej organizowanej cyklicznie przez Ligę Polskich Rodzin. – Mode of access: <http://www.lpr.pl/pl/2017/09/11/system-wersalski-polskie-dzielo-i-gwarancja-istnienia/> (Дата обращения: 11.11.2017.)

³ ZG LPR w sprawie bezprawnych działań PiS i sankcji UE (14.08.2017). – Mode of access: <http://www.lpr.pl/pl/2017/08/14/zg-lpr-w-sprawie-bezprawnych-dzialan-pis-i-sankcji-ue/>

сотрудничество националистических движений. Националисты ищут солидарности на разных основаниях: собственно националистическом, региональном, католическом, неоязыческом, славянском. Как сказано в программном тексте NOP, «не хватает единства деятельности европейских националистических организаций»¹. Актуальность для народовцев лозунгов сохранения (или возрождения) «христианской, латинской цивилизации» обуславливает значимость общеевропейского видения: «Предполагаемое “национальное возрождение Европы” не может произойти в одном государстве... Националисты во все большем количестве стран достигают больших успехов... Расцвет новой Европы наций будет также и нашей победой»². NOP вошла в Международную Третью Позицию, LPR в 2009 г. вошла в альянс с ирландской Libertas.

В Маршах независимости 11 ноября принимали участие иностранные гости из Венгрии, Чехии, Словакии, Хорватии, Болгарии, Швеции, Франции, Испании, Италии и Нидерландов. Хотя не было представителей Германии и Литвы – с националистами этих стран какое-либо сотрудничество считается невозможным: «История и география определили, что трудно верить в сближение польских и немецких целей в близком будущем»³. Польские националисты выражают нежелание создавать «националистический интернационал», так как далеко не все подобные движения в других странах им дружественны: «Есть националисты, сотрудничество с которыми может быть полезно... из Венгрии, Румынии, славянских стран (таких как Словакия, Сербия, Хорватия)... националисты, сотрудничество с которыми... не несет с собой угроз и противоречий, например, националисты из стран Западной и Южной Европы... Нужно отделить эти две группы от националистов, сотрудничество с которыми было бы несомненно проблематичным, к которым причислим в этом случае упомянутых выше немцев, а также литовцев, национальные интересы которых никак не могут быть близки с польскими, особенно сегодня»⁴. Зато особое внима-

¹ Nowoczesny nacjonalizm // Narodowe Odrodzenie Polski. – Mode of access: <http://www.nop.org.pl/nowoczesny-nacjonalizm/>

² Niezbędnik narodowca. ABC nowoczesnego nacjonalizmu / Red. K. Bonisławski, J. Siemiątkowski. – W-wa, 2014. – S. 135–136.

³ Niezbędnik narodowca. ABC nowoczesnego nacjonalizmu / Red. K. Bonisławski, J. Siemiątkowski. – W-wa, 2014. – S. 132.

⁴ Niezbędnik narodowca. ABC nowoczesnego nacjonalizmu / Red. K. Bonisławski, J. Siemiątkowski. – W-wa, 2014. – S. 133.

ние привлекает регион Центральной Европы, который видится наиболее национальным и консервативным: «Именно Центральная Европа является наиболее традиционным, патриотичным и революционным регионом на всем континенте»¹. «Центрально-европейская революция... должна быть... полноценной: национальной, идентитарной, социальной и христианской революцией»². Тем не менее, в 2015 и 2016 гг. польские националисты отозвались на призыв немецкого движения PEGIDA организовать одновременно во многих городах Европы демонстрации против беженцев с Ближнего Востока и политики по их приему.

Можно сказать, что к XXI в. сложилась некая сумма негативов в современной политике, которая объединяет всех европейских националистов. Фактически у них образовалась единая идеология, требующая межнационального взаимодействия. Общими для них являются: защита христианских ценностей, противостояние иммиграции, исламизму, глобализму, демографической угрозе, защита жизни на всех ее этапах (т.е. запрет абортот и эвтаназии), традиционной семьи, противостояние наднациональным структурам типа ЕС и стремлению США подчинить Европу. «Националисты со всей Европы в определенном смысле имеют одни и те же проблемы и интересы: дегенерация общества, консюмеризм, упадок традиционных и религиозных ценностей, пропаганда политкорректности, проблемы с иммигрантами, антинациональные элиты, правящие отдельными государствами, и т.д.»³

Современный национализм – это в первую очередь реакция на глобализацию и связанные с нею культурные изменения (новые западные ценности, «американизацию»); польский национализм находится в общем тренде европейской крайне правой политики. Как пишут народовцы, сейчас «решается вопрос, будет ли Европа по-прежнему Европой традиции, христианства и национальных государств, или же своеобразным хосписом для биологически и ментально стареющих, отдаленных от каких-либо позитивных образцов обществ»⁴. Старая эпоха классической модерной политики

¹ Zawada L. Nowa, Wielka Europa // Szturm. Antologia nowoczesnego nacjonalizmu. – W-wa, 2017. – S. 212.

² Ibid. – S. 215.

³ Niezbędnik narodowca. ABC nowoczesnego nacjonalizmu / Red. K. Bonisławski, J. Siemiątkowski. – W-wa, 2014. – S. 134.

⁴ Ibid. – S. 261.

с ее преимущественно трехчленным делением политических движений (либерализм – консерватизм – социализм) уходит в прошлое, оставляя новую шкалу идейных расхождений – между глобализмом и национализмом. Так, национальные движения вновь, после своего расцвета в XIX в., оказываются на первом плане политической жизни, а в Европе все чаще слышатся призывы к новой «Весне народов». Рост популярности национализма в Польше оказывается закономерным результатом не столько даже внутренних процессов в стране, сколько ее интеграции в западное сообщество.

Т.Г. Биткова

НАЦИОНАЛИЗМ И ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РУМЫНИИ

Аннотация: Рассматриваются исторические предпосылки, особенности идеологии и практической деятельности националистических организаций Румынии, изменение их роли в сегодняшней политической жизни страны. Анализируются основные черты политического облика самой большой и структурированной из них – партии «Великая Румыния». Ставится вопрос о возможном усилении влияния националистов после спада их популярности в последнее десятилетие.

Ключевые слова: национализм; реабилитация легионаризма; идеология унионизма; Молдавия; венгерский вопрос; Трансильвания; антисемитизм; партия «Великая Румыния»; группа «Румынский очаг»; партия «Новые правые».

T.G. Bitkova

Nationalism and radical right organizations in Romania

Annotation. The historical preconditions, peculiarities of ideology and practical activity of nationalist organizations of Romania, changing their role in today's political life of the country are considered. The main features of the political appearance of the largest and most structured of them, the «Great Romania» Party, are analyzed. The question is raised about the possible strengthening of the influence of nationalists after the decline of their popularity in the last decade.

Keywords: nationalism; the rehabilitation of legionism; the ideology of unionism; Moldova; the Hungarian issue; Transylvania; anti-Semitism; the «Great Romania» party; the «Romanian hearth» group; the «New Right» party.

Националистические организации в политической жизни современной Румынии стали формироваться сразу после падения режима Чаушеску. Истоки идей и умонастроений, которые они выражали, можно увидеть в политике «национального коммунизма» режима Чаушеску, ориентированного на возбуждение чувства

национальной исключительности. Идеология Румынской коммунистической партии позднего периода эпохи Чаушеску, с одной стороны, не отказывалась от интернационализма (предписанного теорией научного коммунизма), с другой – зиждилась на идее особого пути развития Румынии. В качестве теоретической базы использовались выводы исторической науки, которая культивировала миф о славном и благородном прошлом румын. Ученые были призваны доказать, что корни румынской нации находятся в глубине веков, а именно: одновременно в Древней Дакии и в Римской империи. Появилось даже утверждение, что румынский язык стоит ближе других романских языков к латыни классического периода.

В традиционалистской историографии, культурологии и лингвистике получил распространение миф о превосходстве, исключительности румынской культуры. Еще в 1970-е годы возникает парадоксальная теория протохронизма Эдгара Папу, который доказывал, что культурные памятники европейского Возрождения вторичны в сравнении с некоторыми памятниками письменности региона, который историки стали называть «румынскими землями». Другая парадоксальная концепция – теория Габриела Георге, согласно которой в древности Франция была румыноговорящей. Кроме этого Г. Георге выдвинул гипотезу о том, что древнейший румынский – это общий индоевропейский язык.

Но коммунизм не был популярен в первые годы после его крушения, и взоры новых националистических лидеров обратились к идейному наследию соответствующих политических течений межвоенного периода. Тем более что наследие это было чрезвычайно богатым и выросшим не только благодаря заимствованиям.

Праворадикальный национализм, расцветший в Румынии в 20–30-е годы XX в., был обусловлен рядом причин сугубо исторического характера. На протяжении длительного времени земли Дунайских княжеств оставались изолированной от Европы зоной: исключительно аграрной и под протекторатом Османской империи. Когда в XIX в. началось проникновение сюда западноевропейских ценностей, в сознании образованной, преимущественно боярской, элиты возникло традиционалистское течение, обращенное к духовности крестьянской культуры и традиционного быта села. Это стало аргументом в защиту особого пути развития этих земель. Согласно представлениям традиционалистски мыслящих интеллектуалов, село – это место, в котором румынская душа и воображение создали свои первые шедевры. Отсюда, по их мне-

нию, происходят символы и мотивы, послужившие будущему развитию национальной культуры, которая была противопоставлена культуре «инородцев», представлявших в основном нарождающуюся буржуазию. Именно крестьянские обычаи и фольклорная культура стали той базой, на которую опирались и идеологи радикальных националистических течений межвоенного периода, объявившие о своем крестовом походе против коррумпированных бюрократов, коммунистов и евреев.

Румыния – страна особенная с точки зрения модернизации и глобализации. Это два сосуществующих мира – мир древний и мир современный. Быт сельской провинции Румынии сохраняет даже древние пласты дохристианской культуры. На селе также живут почти в первозданном виде региональные обычаи. Эта традиционность всемерно поддерживалась государством как в эпоху Чаушеску, так и сегодня. Музей румынского крестьянина занимал и занимает одно из самых солидных зданий в самом центре Бухареста. Он не только имеет богатую экспозицию, посвященную быту и культуре крестьян прошлого, в музее работают художественные кружки, организуются различные фольклорные фестивали, праздничные обрядовые шествия, театральные действия с масками и ряжеными. Всё это чрезвычайно умиляет туристов, но одновременно и укрепляет чувства национальной особенности, что имеет немаловажное значение для политики.

Но в политическом отношении сегодняшний национализм питается не ностальгией по уходящему миру сельской культуры, а в первую очередь событиями достаточно близкой истории, а именно итогами Второй мировой войны. Тогда Румынии пришлось отказаться от земель, которые принадлежали ей между двумя мировыми войнами. В первую очередь речь идет о Бессарабии (в советский период – Молдавской ССР, в постсоветский – Республике Молдова). Эта территория считается в Румынии землей исторической и населенной румынами издревле. Бессарабские молдаване, подчеркивают в Румынии, выпали из процесса формирования румынской нации только после присоединения в 1812 г. этих земель, находившихся в сфере влияния осман, к Российской империи¹. Царское правительство проводило здесь политику русификации, направлен-

¹ В состав Османской империи в качестве райи входили лишь некоторые части Бессарабии, такие как Измаил, Бендеры, Хотин. Что касается Молдавского княжества, оно было вассалом империи.

ную на ассимиляцию местного населения. Лишь после Первой мировой войны, когда Бессарабия стала часть Румынского королевства, началась интенсивная интеграция ее населения в единое румынское политическое и культурное пространство, но интеграция была прервана силовым включением Бессарабии в Советский Союз в 1940 г. Итоги Второй мировой войны закрепили это положение. Политика советских властей, продолжая линию властей царских, была направлена на отдаление молдаван от Румынии. Эти исторические обстоятельства и сегодня мешают включению бессарабских молдаван в единое культурно-политическое пространство Румынии, несмотря на суверенитет Республики Молдова, но одновременно и по этой причине.

Существование независимой Республики Молдова, ее продолжающаяся (хотя сегодня в значительно меньшей степени) экономическая зависимость от России, присутствие в Приднестровье контингента Российской армии, скрытая, а порой и явная поддержка Россией Приднестровской Молдавской Республики, проживание на территории Молдавии большого числа русскоговорящего населения, – всё это подспудно рождает антирусские настроения, усиливая националистический дискурс в обществе в целом.

Венгерский фактор также имеет немаловажное значение для националистических настроений румын. Венгры, проживающие сегодня на территории Румынии (главным образом в исторической области Трансильвания, входившей до Первой мировой войны в Австро-Венгрию), не забывают о своем прошлом, они чувствуют себя обиженными и ущемленными в окружении румынской титульной нации, поэтому делают всё доступное и возможное, чтобы продемонстрировать свою «отдельность». Следует, однако, отметить, что сегодня венграм предоставлены возможности развития своей культуры и получения образования вплоть до высшей ступени, они часто требуют большего и, кроме того, воспринимают себя зачастую прежде всего частью существующей поверх границ венгерской нации, а потом уже гражданами Румынии. К тому же из Будапешта подыгрывают этим настроениям, в том числе по официальным каналам. Но Румыния, по Конституции, принципиально унитарное государство, и любые требования на автономию сходу отвергаются. Да и дать территориальную автономию можно было бы лишь двум секуйским уездам Харгита и Ковасна, где венгров большинство, но там живет не более четверти всех венгероязычных. Румыны, в свою очередь, стремятся доказать, что Трансиль-

вания принадлежит им по праву. Как полагают некоторые румынские авторы, численность, сплоченность, традиции венгерского меньшинства стали даже главной причиной возникновения националистических и ультранационалистических движений в современной Румынии. Эти отношения время от времени действительно находятся на грани критических. Румынские политологи обвиняют венгров в «агрессивном поведении». К тому же их партия – Демократический союз венгров Румынии – с самого начала «проводила политику самоизоляции венгров (в первую очередь в Трансильвании)» [Ideologii... 2012].

Надо заметить, что как бессарабская, так и венгерская проблемы питают почвеннический дискурс не только крайних националистов, но и «западников».

Возвращаясь к идейным истокам праворадикальных организаций современности, следует все же подчеркнуть особую важность националистического наследия межвоенного периода. Многие из националистических групп уже в начале 1990-х годов заявили о себе как о продолжателях, преемниках «Железной гвардии» – легионерского движения межвоенного периода¹. Тогда же, в условиях отмены цензуры, появились многочисленные публикации о легионерах, тиражировались публичные высказывания на эту тему, прежде всего новых и старых националистических лидеров, последние из которых проживали за рубежом. Некоторые из них, правда, вернулись на родину, но возраст их был весьма почтенным и они не могли заниматься активно политикой. Легионерская идеология к середине 1930-х годов проникла во все поры культурного организма. Многие крупные деятели литературы и искусства того времени оказались под ее влиянием. Поэтому после падения режима Чаушеску националистам было на что опереться.

¹ «Железная гвардия» в 1930-е годы была сильным общественно-политическим движением, главным выразителем и агрессивным проводником националистических, антисемитских и ксенофобских настроений в обществе. Ее бесспорным лидером вплоть до своей гибели в 1938 г. был Корнелиу Зея Кодряну.

Важной составляющей организации была террористическая группа, активно занимавшаяся устранением своих идейных противников, в том числе из высшей государственной и политической номенклатуры. Начало движению положила образованная в 1927 г. группа «Легион Архангела Михаила». Членов этой организации позже стали называть легионерами, или железногвардейцами. Идеология железногвардейцев по многим признакам соотносилась с германским национал-социализмом.

Новая же власть – Фронт национального спасения во главе с Ионом Илиеску – заявила о своем вовсе не традиционалистском, а напротив – западном, европейском выборе. Поэтому националистические организации не могли рассчитывать на прямую моральную и финансовую поддержку власти. Некоторые из них стали финансироваться из-за границы, пользуясь «поддержкой старых адептов легионаризма, находившихся за рубежом, или тех, кто приехал в Румынию для ведения бизнеса» [Cîrăianu... 2014, с. 15].

Исследователи назвали это политическое и идейное течение неолегионаризмом. Что касается еще здравствовавших стариков-легионеров, проживавших за границей, они постарались оказывать посильное влияние на румынское общество, налаживать прямые связи со своей исторической родиной. Бывшие легионеры, многие из которых проживали в Испании, положительно восприняли свержение режима Чаушеску и однозначно оценили смену власти как долгожданную победу народной революции. Сама поспешная казнь диктатора соответствовала стилистике легионерского террора 1920–1930-х годов, поэтому бывшие железногвардейцы приветствовали этот решительный шаг новых революционеров. Они не скрывали надежд на возрождение движения, но вскоре стали возмущаться тем, что новые власти ассоциировали их с немецким нацизмом.

В Декрете Фронта национального спасения говорилось о свободе политических организаций, но кроме тех, которые представляют фашистские взгляды. Эта отсылка была воспринята эмигрантами-легионерами как обращение именно к ним. Они даже выступили с Декларацией, опубликованной в Мадриде в их журнале «Страна и Изгнание», где отрицалась их прошлая связь и с итальянским фашизмом, и с немецким национал-социализмом. Они отвергали также обвинения в экстремизме. Последний руководитель легионеров Хория Сима призывал своих сторонников к осторожности действий, опасаясь новых преследований [Lixeanu... 2012].

Формальным лидером группы «Легионерское движение» после кончины Х. Симы в 1993 г. стал профессор Шербан Суру. Правда, далеко не все адепты группы признавали его лидерство, тем более что еще в 1950-е годы группа распалась на две враждующие группировки.

Итак, в новой Румынии образуется целый ряд националистических организаций: «Румынский очаг», «Румынское действие» (во главе с племянником Корнелиу Кодряну Никадором), «За Ро-

дину». Затем появились и другие, например: «Движение за Румынию» Мариана Мунтяну, лидера студентов в событиях 1989–1990 гг. Все эти организации заявляли о своей близости, в той или иной мере, легионерскому движению. Мунтяну позже занимался политикой в рамках разных политических формирований, но его всегда обвиняли в симпатиях к легионерам.

Наиболее экстремистской из националистических групп 1990-х годов проявила себя организация «Румынский очаг». Она была образована уже в феврале 1990 г. и поначалу не заявляла о своей связи с легионерами, но по существу была таковой в силу своей бескомпромиссности и уличного акционизма. Именно инициаторы «Румынского очага» провоцировали антивенгерские выступления, в том числе нападение на штаб-квартиру Демократического союза венгров Румынии в марте 1990 г. Апофеозом усиливавшихся беспорядков, которым способствовал «Румынский очаг», стали прямые столкновения между румынами и венграми в городе Тыргу-Муреш 21 марта 1990 г. Правда, большое кровопролитие в Тыргу-Муреше властям удалось предотвратить.

«Румынский очаг» явился предтечей националистической Партии национального единства румын (ПНЕР), появившейся в 1992 г. В 1992–1996 гг. эта партия даже входила в правящую коалицию. Ее лидер Георге Фунар на протяжении многих лет (до 2004 г.) был мэром Клуж-Напоки – самого большого города Трансильвании. На этом посту он активно противодействовал мирному сожительству венгерского и румынского населения, занимаясь, по сути, антивенгерской пропагандой. Однако, потеряв много голосов на выборах 1996 и 2000 гг., многие из руководителей ПНЕР один за другим перешли в партию «Великая Румыния», о которой речь пойдет позже. В 1997 г. противники активизировали свою деятельность и добились исключения Фунара из партии. Тогда же были распущены и многие филиалы. В 2006 г. ПНЕР прекратила существование, ее оставшиеся члены вошли в Консервативную партию.

Хотя реабилитация «Железной гвардии» особенно очевидна в 1990-е годы, эта тенденция остается актуальной и сегодня. Так, на Фейсбуке зарегистрирована группа «Легионеры 2015», которая выражает свои националистические взгляды в многочисленных общедоступных публикациях.

Организация «Румынский очаг» сегодня называет себя неправительственной культурной организацией. Ее участники прямо заявляют о необходимости реабилитации «Железной гвардии» и ее

лидера Корнелиу Кодряну, а также категорически отрицают Холокост в Румынии в период Второй мировой войны. Для продвижения этих идей в обществе иницируются различные мероприятия, в том числе научного характера. В частности, в 2013 г. была проведена международная конференция, посвященная Холокосту. Цель ее организаторов – доказать, что Холокоста на территории Румынии не было [Vatra... 2012].

Пропаганда легионаризма проявляется и в издательской деятельности. Так, в 2012 г. под эгидой уездного совета города Сучава был издан сборник стихов для детей ветерана легионерского движения Георге Унгуряну. Книгу он посвятил своим бывшим соратникам (в этот момент автору исполнилось 100 лет). На обложке книги – портрет Кодряну. Сам факт подобного издания и популяризация автора книги вызвали протесты со стороны Национального института по изучению Холокоста.

Наиболее влиятельной, многочисленной и структурированной из политических образований националистического характера стала партия «Великая Румыния» (ПВР)¹. Ее первоначальное название – Народная партия «Великая Румыния». О создании партии было заявлено весной 1991 г., а выросла она из одноименного периодического издания, появившегося уже в 1990 г. У ее истоков стояли два литератора и публициста – Корнелиу Вадим Тудор и Еужен Барбу, учитель и наставник Тудора.

Издание «Великая Румыния», как отмечали критики, продолжало политику журнала «Неделя» («Сэптэмына»), которым еще при Чаушеску руководил Эужен Барбу. Многие литераторы 70–80-х годов прошлого века считали редакцию журнала отделением тогдашней Секуритате. Журнал, пользуясь архивами этой организации, занимался политическим шантажом для противостояния деятельности радиостанции «Свобода» [Corneliu Vadim Tudor].

Корнелиу Вадим Тудор (1949–2015) – талантливый журналист, окончивший философский факультет Бухарестского университета, автор многих художественных произведений, яркий поэт. В либеральной среде после 1989 г. его называли придворным поэтом четы Чаушеску. Еужен Барбу (1924–1993) – видный журналист, редактор и писатель, прозу которого относят к неореализму.

¹ Как известно, с 1918 по 1940 г. Румыния имела самую обширную территорию и могла называть себя «Великой» или «Большой».

Известно, что при социализме, будучи партийным функционером, он принимал участие в антисемитской кампании в прессе.

В группу основателей партии вошли еще несколько колоритных личностей. Среди них Мирча Мушат – историк, университетский профессор, соавтор объемного труда «Румыния после Великого Объединения»¹ (Mușat M., Ardeleanu I. România după Marea Unire. Ed. Științifică & Enciclopedică, 1988. 1584 p.). Интересно, что у истоков партии стоят сразу несколько генералов. Надо упомянуть генерала И.А. Мунтяну – историка, также университетского профессора. В 1990 г. он был директором Государственного архива Румынии. Согласно некоторым отмечавшимся в прессе источникам, при Чаушеску он был офицером Секуритате, работал в подразделении Д (Дезинформация), затем – в службе наблюдения за иностранными студентами. После раскрытия его участия в различных сомнительных предприятиях он был уволен и осужден на несколько лет тюрьмы. В 1989 г. освобожден. Еще один генерал, причастный к созданию партии, – это Теодор Параскив. Известны и другие.

Надо обратить внимание, что Партия «Великая Румыния» располагала такими финансовыми возможностями, что уже в первые недели после регистрации открыла филиалы во всех уездах, в большом количестве муниципий, городов и поселений. Уже в июле 1991 г. были образованы женское и молодежное отделения партии.

ПВР сразу заявила о своей поддержке Фронта национального спасения. Она провозгласила себя организацией «левого центра», базирующейся на социал-демократических и христианско-демократических ценностях, намеренной защищать национальные идеалы и социально-экономические интересы румынских граждан. ПВР выступила также за сильную президентскую власть и обещала контролировать ход реформ, чтобы не допустить разрушения национальной экономики и падения уровня жизни.

Декларативная поддержка национальных ценностей в риторике членов партии сочеталась с ультранационализмом. Уместно вспомнить в связи с этим, что финансировалась ПВР в основном из-за рубежа, в первую очередь миллиардером румынского происхождения Иосифом К. Дрэганом (1917–2008). Еще в довоенный

¹ Присоединение в 1918 г. к Румынии территорий, ранее входивших в состав Габсбургской (Трансильвания, Банат, Буковина и др.) и Российской (Бессарабия) империй, в румынской историографии зачастую называют «Великим объединением».

период Дрэгану были близки радикально-националистические идеи, и он даже разделял идеологию «Железной гвардии».

Лидером партии вплоть до своей неожиданной кончины был Корнелиу Вадим Тудор. Будучи личностью, без сомнения, пассионарной, он сумел собрать вокруг себя команду, которая в последующие годы играла не последнюю роль в политической жизни страны. Риторика Тудора, особенно в 1990-е годы, была бескомпромиссно антисемитской, антивенгерской, антицыганской. Он славился языком, который не имел ничего общего с нормальной политической лексикой из-за скандальности и оскорбительности выражений. Эта стилистика отражена и в изданиях партии. Эксперты и наблюдатели обращали внимание на такие характерные высказывания, опубликованные в органе ПВР «Великая Румыния», как: «Мы будем расстреливать воров прямо на стадионах»; «Правительством Румынии руководит жидо-венгр Сорос из США». До 2004 г. ПВР отрицала Холокост в Румынии, который имел место при режиме генерала Антонеску, потом, правда, резко сменила риторику в этом отношении. Неоднократно Тудор привлекался к суду за клевету и оскорбительные высказывания.

Сразу после своего образования партия недвусмысленно выступила за возврат Румынии к границам 1940 г. – присоединение к Румынии Бессарабии (т.е. Республики Молдова), а также Северной Буковины и Южной Бессарабии, которые сегодня являются украинскими территориями. Лидеры партии с самого начала ее появления призывали румын стать «хозяевами в собственном доме». В первую очередь имелось в виду венгерское население Румынии, которое в основном проживает в Трансильвании и считает эту территорию своей исторической землей.

Риторика партии «Великая Румыния» нашла отклик в сердцах определенной части общества. На первых же парламентских выборах 1992 г. ПВР не только прошла в парламент, но и была приглашена в коалицию Партией социальной демократии Румынии – правопреемницей Фронта национального спасения. Лидеры последней рассудили, что поскольку за ПВР стоит существенная часть электората, то формальное сближение с ней придаст сторонникам Илиеску больше сил и возможностей.

Все же националистический дискурс ПВР не очень устраивал социал-демократических преемников Фронта национального спасения, которые ориентировались на ценности европейской демократии и заявляли, что возрождение идей фашизма в Румынии

совершенно недопустимо. Сами они были достаточно аккуратны и осторожны в высказываниях.

Тудор за время своей политической деятельности побывал и сенатором (в 2004–2008 гг. занимал пост заместителя председателя сената), и европарламентарием (2009–2014), но пиком его карьеры был успех на президентских выборах 2000 г. Партия «Великая Румыния» и ее лидер получили тогда неожиданно мощную поддержку как на президентских, так и на парламентских выборах. При этом в предвыборной кампании 2000 г. К.В. Тудор продолжал открыто апеллировать к антивенгерским, антицыганским и антисемитским настроениям избирателей.

В ходе предвыборной кампании ПВР сделала выгодный для себя ход, выставив лозунг «Да здравствует Родина, долой мафию!». ПВР сконцентрировалась тогда на критике аморфности и бессистемности в проведении реформ 1996–2000 гг., когда у власти оказалась праволиберальная команда. Главным лейтмотивом выступлений Тудора стал тезис о разрыве между «трудолюбивым и честным народом» и коррумпированной политической элитой (кстати, этот тезис был важнейшим компонентом риторики железногвардейцев и их лидера Кодряну). Именно эта удачная популистская демагогия, как полагали аналитики, позволила лидеру ПВР опередить правоцентристов Т. Столожана и М. Исэреску и выйти во второй тур президентской гонки.

На самом деле дискурс Тудора, по мнению С. Тэнасе, остался достаточно бессистемным и абстрактным. По существу, он не выражал никакой политической платформы. Все сводилось к утверждению, что все элиты, правившие с 1990 по 2000 г., виноваты в кризисе только потому, что были причастны к власти. Партия же «Великая Румыния» безгрешна и непричастна к безобразиям, она не несет за них никакой ответственности. Этот посыл, писал С. Тэнасе, напоминал декларации крайне правых на выборах 1937 г. в Румынии¹. Цель этих деклараций состояла в мобилизации масс против существующего политического истеблишмента, каким бы он ни был – правым или левым. Сулились «радикальные изменения» под руководством харизматического лидера [Tănase... 2003].

¹ На парламентских выборах 1937 г. партия «Все для отечества», представлявшая идеологию легионеров, сумела получить около 16% голосов, заняв третье место среди партий, участвовавших в избирательной кампании, что тогда чрезвычайно обеспокоило королевскую администрацию.

Когда Тудор вышел во второй тур президентских выборов вместе с Илиеску, избиратели встали перед сложным выбором: или крайний националист Тудор, или социал-демократ Илиеску, которого постоянно подозревали в коммунистических симпатиях и связях с Россией.

Уже накануне выборов 2000 г. социологические опросы показывали резкий скачок симпатий к Тудору и его партии. Однако действительность превзошла все прогнозы. ПВР по итогам парламентских выборов заняла второе место после блока «Социал-демократический полюс» во главе с Партией социальной демократии Румынии как в палате депутатов (19,5% голосов), так и в сенате (19,5% голосов). В первом туре президентской гонки Тудор получил 28,34% голосов.

Успех националистов вызвал большую озабоченность как левой, так и праволиберальной общественности. Накануне второго тура президентских выборов Партия социальной демократии Румынии, уже получив около 45% голосов в парламенте, призвала демократически ориентированные партии подписать Меморандум о совместной деятельности против угрозы крайнего национализма. Меморандум, однако, подписан не был. Правда, Тудор, несмотря на свою яркую демагогию, не улучшил результаты первого тура.

Нельзя не согласиться с теми, кто полагал, что успех партии «Великая Румыния» в 2000 г. в значительной мере явился следствием массового протестного голосования в условиях острой социальной неудовлетворенности от «шоковой терапии» предыдущего праволиберального правления, однако сам результат всё же вызвал озабоченность, в том числе за рубежом.

Поддержав лозунг «Европа наций», ПВР установила тесные связи с французской ультраправой националистической партией «Национальный фронт» во главе с Жаном-Мари Ле Пеном¹. После вхождения Румынии 1 января 2007 г. в Евросоюз благодаря ПВР количество праворадикальных депутатов в Европарламенте увеличилось на шесть человек, что позволило европейским националистам в тот момент создать самостоятельную фракцию. Вскоре, правда, Европарламент лишился этой фракции, ибо в ноябре

¹ В 2002 г. на выборах президента Франции Ле Пен вышел во второй тур, набрав 16,86% голосов. В первой половине 2000-х годов «Национальный фронт» по результатам парламентских и муниципальных выборов являлся третьей по значимости партией Франции.

2007 г. ее покинули именно румынские депутаты. Этот шаг они совершили в знак протеста против заявления коллеги по фракции, внучки Бенито Муссолини – Александры Муссолини, резко отреагировавшей на зверское убийство итальянки, совершенное в Риме гражданином Румынии цыганского происхождения, что вызвало всплеск антирумынских настроений среди итальянцев. Хотя фракции праворадикалов в Европарламенте больше нет¹, однако связи и поддержка партии «Великая Румыния» со стороны европейских праворадикалов остались. ПВР продолжает поддерживать тесную связь с «Национальным фронтом». На частичных выборах в Европарламент, проходивших в Румынии вскоре после этих событий, ПВР не получила ни одного места. Правда, на выборах в Европарламент 2009 г. она имела 8,65% голосов, получив три мандата.

Идеология партии «Великая Румыния» никогда не была абсолютно чуждой и прозападным кругам румынского истеблишмента. Мы упоминали о коалиции с ПВР Партии социальной демократии в 1992 г., с самого начала позиционировавшей себя в качестве силы социал-демократической. Позже, в 2003 г., праволиберальные партии – Национал-либеральная и Демократическая – заключали союз с К.В. Тудором, чтобы также воспользоваться его популярностью [Pirvulescu C. Exceptionismul... 2001].

В 2004 г. Тудор, несмотря на свои антисемитские выпады, получил из рук тогдашнего президента И. Илиеску орден «Звезда Румынии» за «заслуги в области культуры». В ответ на это американский писатель и выходец из Румынии, лауреат Нобелевской премии мира Эли Визель, который возглавлял тогда Международную комиссию по изучению Холокоста в Румынии, вернул в знак протеста эту же награду румынскому президенту. При этом в том же 2004 г. Румыния официально, устами Илиеску, признала свою ответственность за геноцид евреев и цыган как в самой Румынии, так и на оккупированных ею территориях в период Второй мировой войны.

После вступления Румынии в НАТО (2004) и Евросоюз (2007), когда общество охватила эйфория ожидания скорого пре-

¹ Согласно регламенту Европарламента, для образования политической фракции необходимо, по меньшей мере, 20 депутатов. После ухода румынских парламентариев у фракции «Самобытность, традиция, суверенитет» осталось лишь 15 мандатов.

одоления всех бед, в первую очередь экономических, интерес избирателей к риторике партии «Великая Румыния» все более угасал.

На президентских выборах 2004 г. Тудор оказался на третьем месте, получив 12,57% голосов. На президентских выборах 2009 г. он был четвертым с 5,56%. Тогда выборы выиграл представитель либерального крыла Траян Бэеску. На выборах 2014 г. Тудор получил лишь 3,68%. На парламентских выборах 2008 г. партия «Великая Румыния» не смогла преодолеть 5%-ный электоральный барьер, и ее представителей в парламенте не оказалось. Куда ушел электорат Тудора? У экспертов было предположение, что политический дискурс Демократическо-либеральной партии, поддерживавшей «народного» президента страны Траяна Бэеску, положительно воспринял традиционный электорат партии «Великая Румыния». Бэеску, известный своей крайне популистской и одновременно яркой обличительной риторикой, видимо, привлек к себе часть электората Тудора. А идеи воссоединения с Бессарабией, которые были главным «коньком» ПВР, стали частью предвыборных деклараций Бэеску. В 2012 и в 2016 гг. ПВР снова не преодолела избирательный порог и не стала парламентской партией.

После вступления Румынии в Евросоюз партия «Великая Румыния» и ее «трибун» (так называли Тудора приверженцы) явно смягчают свое красноречие. Теперь доктрину партии стали называть «просвещенным национализмом». Внутри же партии началась турбулентность из-за неудач на выборах. 2013 год обозначен скандалом, до того невиданным. 15 июня 2013 г. на экстренном заседании Национального совета ПВР Тудор был отстранен от должности председателя, затем лишен членства в партии. Временно исполняющим обязанности председателя был избран Г. Фунар, бывший председатель Партии национального единства Румынии, к тому времени не существующей. Однако Тудор, в тот момент еще и европарламентарий, обратился в суд, который постановил вернуть ему партийные полномочия.

Причиной увольнения было названо «жесткое отношение к своим соратникам», а также «абсолютное равнодушие к европейской позиции» партии (видимо имелось в виду нежелание Тудора воздерживаться от скандальных высказываний, что не могло приветствоваться в европейских структурах), из-за чего партия «Великая Румыния» оказалась в политическом вакууме.

Тудор считал себя незаменимым и единственным председателем ПВР, проводя бескомпромиссную кадровую политику. За

предшествовавшие годы Тудор сумел удалить из руководства многих известных деятелей, но именно тех, кто хотел бы поменять или скорректировать программные установки партии. Наиболее громким был уход политика Корнелиу Чонту, которого считали лицом наиболее близким и доверенным Тудору. С ним ушли еще несколько видных членов партии. После ухода Чонту Тудор выступил в своем привычном амплуа: с рядом оскорбительных характеристик бывшего коллеги, назвав его невежественным, неграмотным и т.д.

Было очевидно, что партия испытывает трудности, ее состояние можно было бы назвать кризисным. Часть бывших членов ПВР (Х. Шерб, В. Власин, В. Морару) в феврале 2015 г. стали соучредителями нового политического формирования националистической направленности – партии «Единая Румыния», которую характеризует крайний радикализм. Однако, как и ПВР, она не смогла преодолеть электоральный порог на парламентских выборах 2016 г. Инициатором же ее образования был бывший депутат парламента, член социал-демократической фракции Богдан Дьякону. Вот такая разноликая компания!

А в сентябре 2015 г. Корнелиу Вадим Тудор неожиданно ушел из жизни. Его приверженцы говорили, что сердце «трибуна» не выдержало из-за травли обществом и внутрипартийных интриг и что он, таким образом, отдал свою жизнь за спасение румынского народа от воров и злоумышленников как внутри страны, так и за ее пределами [Adrian Popescu... 2016]. Как уже отмечалось, Тудор был фигурой яркой, но скандальной. И даже его уход стал событием с оттенком черного юмора и мрачного карнавала. Как сообщали СМИ, «почти все венгры Румынии, а также многие проживающие за ее пределами прибыли на кладбище Генча, чтобы удостовериться в долгожданном уходе из жизни Вадима» [2 milioane... 2015]. Репортеры сообщали, что интервьюированные говорили: «Мы радуемся больше, чем если бы вы нам вернули Ардял»¹. После кремации венгры якобы устроили фейерверк [там же].

Скандалы сопровождали ушедшего в мир иной Тудора даже на официальном уровне. Поскольку Тудор был членом сената, семья обратилась с просьбой организовать прощание с ним в холле здания сената. Ей отказали, что вызвало многочисленные комментарии в СМИ. Один из них – в газете ПВР «Триколорул» – был озаглавлен «Осужден посмертно».

¹ Ардял – румынизированное венгерское название Трансильвании Эрдей.

В последний год жизни Тудор, оставив кресло евродепутата, а также пережив стресс в связи со своим временным отстранением от должности председателя партии «Великая Румыния», искал новые способы политического выживания. В конце 2014 г., когда президентом Румынии уже был избран этнический немец Клаус Йоханнис, Тудор предпринимает неожиданные для всех шаги в поисках сближения с российским политическим истеблишментом. Он встречается с послом России в Румынии О. Мальгиным и передает подарок для российского президента – книгу 1777 г. издания из собственной библиотеки «Эссе о коммерции в России» (на французском языке). В это же время он публикует статьи, в которых обличает американцев в том, что они препятствуют сближению Румынии и России, ставя тем самым под удар суверенитет его страны [Epure, Vadim... 2014; Epure, Aberația... 2014]. Такая неожиданная метаморфоза!

Преемником Тудора на посту председателя партии был избран генерал Эмиль Стрэину, крайний националист с мистическими наклонностями, при этом как русофоб, так и антизападник. Пресса весьма иронично комментировала избрание этой странной личности, напоминая, что генерал известен своим увлечением паранормальными явлениями, верит в сглаз и черную магию. Стрэину также заявлял, что есть веские аргументы, чтобы подозревать иностранные государства в скрытой электронной войне против Румынии. Именно следствием таких действий являются, по его разумению, климатические катаклизмы в Румынии: наводнения, обильный снег в Бухаресте и т.д. Страна, согласно его представлениям, находится в кольце врагов: «Румыния испытывает деструктивные действия в соответствии с хорошо продуманным планом. Ее обезоружила не Россия, не Китай или кто другой. Это сделал Европейский союз. Это он разрушил нашу Армию. Румыния – очень упитанный бык, на которого зарятся все. Европейская борзая уже держит его в своих лапах, американский орел кружит над ним, русский медведь рычит возле границ» [Mihalache, 2015]. Но и это не все: Стрэину подозревает, что на территории страны живут таинственные инопланетяне, от которых неизвестно, чего ждать. Генерал, однако, не долго возглавлял партию: в марте 2016 г. он ушел с этого поста и отказался от политической карьеры.

Следующим председателем, но уже с формулировкой «временно исполняющий обязанности», стал Адриан Попеску, старейший член партии, медик по образованию, бывший председатель

отделения ПВР в уезде Вранча. В обширном интервью, которое уважаемый Попеску дал телевидению накануне парламентских выборов декабря 2016 г., он почти исключительно говорил о социально-экономических вопросах. Все высказывания были взвешенны: никакой театральности, эмоций, тем более оскорблений. Сдержанность, жалобы на политические интриги, из-за которых с 2008 г. партия не является парламентской, – вот тон интервью. Идеологическая часть рассуждений сводилась только к защите суверенитета страны и благу румынского народа. Даже венгров он призвал голосовать за ПВР: как граждане Румынии они могут рассчитывать на поддержку партии «Великая Румыния». Правда, как и предыдущий председатель, он коснулся ситуации, которая возникнет, «если русские придут». Но это выглядело как нечто дежурное. В мягкой форме он сетовал, что Румыния похожа на героиню бесконечного телесериала о невзгодах, виновниками которых являются внутренние воры и экономические разбойники, а следовательно – не патриоты, а также заинтересованные силы за рубежом и их политические пособники внутри страны [Adrian Popescu, 2016].

Как уже упоминалось, парламентские выборы декабря 2016 г. ПВР снова проиграла, хотя накануне было объявлено о ее предвыборном альянсе с небольшой Партией народа, образованной в 2011 г. В настоящее время руководство ПВР находится в состоянии внутренней борьбы, на ее арену вступила и дочь Тудора Лидия. Сегодня уже нельзя рассматривать ПВР как сплоченную политическую силу. Ее лидеры находятся в поиске и выясняют отношения. Встраиваясь в общеевропейский контекст, они все более отказываются от крайностей, подчеркивая необходимость практической деятельности «для блага румынского народа».

Надо отметить, что за исключением солидной партии «Великая Румыния» новые националистические группы и группки, заявляющие о своем радикализме, не имели и не имеют массовой поддержки в обществе, как это было с их предшественниками в межвоенный период. Оценивая место неолегионаризма в посткоммунистической Румынии, исследователи этой темы пишут о его маргинальности: «Хотя некоторые группы такого рода и приобрели известную популярность (прежде всего среди молодежи) и даже сформулировали свои политические проекты (националистического и даже антисемитского толка), некоторые авторы расценивают посткоммунистический неолегионаризм как движе-

ние “анемическое”» [Cipăianu... 2014, с. 15]. Это, по сути, признавали и сами приверженцы легионаризма: «Анализ эволюции группы “Легионерское движение”, а также других, близких по идеологии объединений в условиях посткоммунизма, позволил увидеть их широкую перспективу в зоне маргинальной, но не лишенной всё же значения для румынской политической жизни» [Lixeanu... 2012].

Сегодня экстремистские группы, отмечают румынские исследователи, держатся на приличном расстоянии от открытых политических дискуссий, «неофашизм проявляет себя в зоне румынского андеграунда, пытаясь возродить традиции легионаризма» [Ideologii... 2012]. Группы «Новые правые», «Железная гвардия» или «Легионерское движение», продвигающие идеи легионаризма, отмечают аналитики в Румынии, следует рассматривать лишь как некую субкультуру [там же].

Однако эта «субкультура», несмотря на ограниченный круг приверженцев, временами дает о себе знать достаточно активно в публичном пространстве. Это не марши «Железной гвардии» межвоенного периода, но стилистика сходная. В связи с этим нельзя не коснуться партии «Новые правые», образованной в 2000 г. Она ведет свое происхождение от ассоциации «Христианский форум – Университетская площадь¹», затем переименованной в «Христианский форум “Новые правые”». В 2007 г. она была зарегистрирована как ассоциация «Новые правые». Только в 2015 г. организация была зарегистрирована как политическая партия, насчитывающая около 1500 членов. Ее эмблемой стал кельтский крест, что напоминает символику «Железной гвардии». Партия прямо поддержи-

¹ Университетская площадь Бухареста имеет символическое значение для румынской политической жизни. Именно здесь, в ночь с 21 на 22 декабря 1989 г., пошатнулись устои коммунистического режима. Позже здесь состоялась знаменитая «голаниада» – акция гражданского неповиновения, начатая 22 апреля 1990 г. студентами и профессорами Бухарестского университета. Основным требованием участников было запрещение бывшим членам коммунистической партии участвовать в первых демократических выборах 20 мая 1990 г. Для манифестантов новая власть и ее лидер Ион Илиеску олицетворяли неокommунизм. Постепенно количество манифестантов возросло до 30 тыс. человек. Илиеску назвал протестующих «golani», что переводится с румынского как «хулиганы», «бездельники». Электорат, напуганный «возвращением капиталистов» или просто боявшийся хаоса, 20 мая проголосовал за Илиеску. Акция, однако, продолжалась и завершилась 13–15 июня 1990 г. кровопролитием из-за вмешательства шахтеров, призванных властями из бассейна Валя Жиулуй.

вает доктрину легионеров, кумиром ее членов является лидер железнодорожников Корнелиу Зеля Кодряну.

Так же как и легионеры межвоенного периода, «Новые правые» проповедают национализм, опираясь на православие, они ненавидят цыган, выступают против однополых браков, абортот. Они отрицают коммунизм, глобализацию, они против НАТО и Евросоюза. Им претят браки между представителями разных рас. Они – за традиционные семейные ценности. Марксизму и капитализму они противопоставляют концепцию «социальной справедливости».

В политическом плане «Новые правые» выражают протест против идеи венгерской автономии. В 2003 г. они выступали против участия Румынии в какой-либо форме в интервенции в Ираке. Они критиковали «американский империализм» не только за агрессию против Ирака, но и за бомбардировки Югославии в 1999 г. «Новые правые» устраивали акцию перед Международным уголовным трибуналом в Гааге, протестуя против подписания Румынией договора с США об иммунитете американских солдат, находящихся в Румынии. В 2008 г. они устроили манифестацию перед Посольством России в Бухаресте в связи с «агрессией России против Грузии». Вместе с тем лидер движения, адвокат Тудор Ионеску, в интервью румынскому изданию «Narosa News» заявил: «Крым – это российская земля, так же как север Буковины, юг Бессарабии, уезд Херца и Змеиный остров являются румынскими землями, отчужденными во время Второй мировой войны» [Лидер... 2015].

«Новые правые» организуют в разных частях страны марши с антиевропейскими и антиглобалистскими лозунгами, активно участвуют в мероприятиях европейских организаций правонационалистического толка.

Очень широкий резонанс в Румынии имел организованный «новыми правыми» в 2008 г. марш «нормальности». Это была контрманифестация, направленная против парада геев в Бухаресте. Марш был раскритикован в румынских СМИ [Noua Dreapta]. Эти акции продолжались и в последующие годы. Последняя прошла в июне 2017 г. Теперь вместе с «Новыми правыми» в ней участвовали и представители партий «Великая Румыния» и «Единая Румыния».

Сайт «Новых правых» транслирует не только неприятие людей иных рас и национальностей, он целенаправленно проводит идеи антисемитизма, публикуя соответствующие статьи периода между двумя мировыми войнами. Особое значение для движения

имеет личность поэта, классика румынской литературы М. Эминеску (1850–1889), в наследии которого есть статьи антисемитского характера. Многие материалы сайта проповедуют теорию заговора. Даже события 11 сентября в Нью-Йорке трактуются, исходя из конспиративных домыслов.

В 2008 и в 2009 гг. Еврейская община возложила ответственность на «Новых правых» в связи с появлением на ее здании в г. Клуж-Напока антисемитских надписей. В 2009 г. группа членов «Новых правых» приехала по случаю 120-й годовщины смерти Эминеску в село Ипотешть, на родину Эминеску, где устроила акцию с антисемитскими лозунгами, обвиняя евреев в смерти поэта.

Хотя радикалы не имеют гласной поддержки со стороны властных структур, политика последних, по сути, направлена на собирание исторических земель. В этом политические декларации радикалов и практическая деятельность центральной власти совпадают. Из бюджета Румынии на поддержку румынской диаспоры за рубежом постоянно выделяются солидные средства, что в сопредельных с ней странах расценивается как поддержка идей Великой Румынии. У аналитиков за рубежом вызывает опасение тот факт, что в Румынии действует разработанная МИД «Стратегия развития отношений с этническими румынами за границей». «Для контроля над осуществлением данной стратегии учрежден Межминистерский комитет поддержки заграничных румын, опекаемый политиками высокого ранга. Благодаря своему членству в ЕС, Бухарест умело лоббирует свои интересы...» – отмечал украинский эксперт В. Гулевич [Гулевич... 2010].

Этот комитет, по сути, проводит политику, направленную на объединение Румынии и Молдавии под эгидой гражданской платформы «Действие 2012» («Acțiunea 2012»). Платформа, объединяющая преимущественно молодежные организации, имеет свои филиалы не только в Румынии, но и за рубежом. Она напрямую организует мероприятия, направленные на лоббирование объединения Молдавии и Румынии, что вызывает беспокойство в силовых структурах Республики Молдова. Так, в 2015 г. лидер платформы Г. Симион был выслан из Молдавии без права въезда в страну в течение пяти лет.

Под названием «Новые правые» действует аналогичная организация в Республике Молдова. Она имеет здесь разветвленную сеть уездных филиалов и отделений. Организация ввиду своего радикализма и связей со своим аналогом в Румынии находится в

сфере внимания молдавских силовых структур. Так, СМИ сообщали, что 19 декабря 2014 г. был произведен обыск в офисе «Национал-христианского движения – Новые правые». Уголовно-процессуальные мероприятия проводились в рамках уголовного дела по ст. 346 «умышленные действия, направленные на разжигание национальной, этнической, расовой или религиозной вражды, дифференциации или розни» и ст. 287 «хулиганство». В ходе обысков были конфискованы флаги, книги, документы, а также изъяты компьютеры лидеров движения Серджиу Лашку и Георгу Бузу. Накануне, 26 ноября, молдавские силовики заявили о срыве планов «по насильственному захвату власти» [Молдавские... 2014].

В 2017 г. политическая сцена Румынии разнообразилась новым альянсом – альянсом радикальных националистических сил. Альянс назвали «Блоком национальной идентичности в Европе», он объединил партию «Великая Румыния», партию «Новые правые», а также частично членов партии «Единая Румыния». Таким образом, правые радикалы ищут способы возродить и усилить свое влияние в румынском обществе.

Список литературы

- Гулевич В. Румынский фактор на Украине // Материк. – 2010. – 30 марта. – Режим доступа: <http://materik.ru/rubric/detail.php?ID=9288&print=Y> (Дата обращения: 07.08.2017.)
- Лидер румынской организации «Новые правые»: «Крым – это российская земля» // News. – 2015. – 11 марта. – Режим доступа: <http://enews.md/news/view/44530/> (Дата обращения: 07.06.2017.)
- Молдавские спецслужбы сходили направо // News. – 2014. – 20 декабря. – Режим доступа: <http://enews.md/news/view/43160/> (Дата обращения: 27.06.2017.)
- 2 milioane de unguri la înmormântarea lui Vadim: Vrem să ne asigurăm că nu e o glumă // Times New Roman. – 2015. – 7 sept. – Mode of access: <http://www.timesnewroman.ro/entry/2-milioane-de-unguri-la-inmormantarea-lui-vadim-vrem-sa-ne-asiguram-ca-nu-e-o-gluma> (Дата обращения: 09.08.2017.)
- Adrian Popescu (PRM): E ultimul dans în politică, România trăiește într-o continuă telenovelă // Agerpres. – 2016. – 8 dec. – Mode of access: <https://www1.agerpres.ro/politica/2016/12/08/interviu-adrian-popescu-prm-e-ultimul-dans-in-politica-romania-traieste-intr-o-continua-telenovela-15-02-38> (Дата обращения: 09.09.2017.)
- Cipăianu Gh. Naționalismul românesc în primul deceniu postcomunist. – Cluj-Napoca, 2014. – 40 p.

- Corneliu Vadim Tudor // Wikipedia. – Mode of access: https://ro.wikipedia.org/wiki/Corneliu_Vadim_Tudor (Дата обращения: 01.08.2017.)
- Epure A.* Aberația unui fost euroales: «Iohannis ne târăste în război cu rușii» // Pagina europeană. – 2014. – 19 dec. – Mode of access: <http://www.paginaeuropeana.ro/aberratia-unui-fost-euroales-iohannis-ne-va-tari-in-razboi-cu-rusii/> (Дата обращения: 01.09.2017.)
- Epure A.* Vadim îl curtează pe Putin! Ce cadou i-a trimis «Tribunul» // Pagina europeană. – 2014. – 15 dec. – Mode of access: <http://www.paginaeuropeana.ro/vadim-il-curteaza-pe-putin-ce-cadou-a-trimis-tribunul-la-kremlin/> (Дата обращения: 01.09.2017.)
- Ideologii politice actuale. Semnificații, evoluții și impact. – București, 2012. – 480 p.
- Lixeanu O.* Mișcarea legionară în postcomunism // Garda de Fier. – 2012. – Mode of access: http://www.miscarea-legionara.net/doc_miscarea_in_postcomunism_5.html (Дата обращения: 01.12.2016.)
- Mihalache M.* PRM a ales urmașul lui Vadim: Generalul, preocupat de blesteme, deochi și extraterestri // Adevărul. – 2015. – 3 noiembrie. – Mode of access: http://adevarul.ro/news/politica/prm-ales-urmasul-vadim-generalul-preocupat-blesteme-deochi-extraterestri-1_5638d163f5eaafab2c452857/index.html (Дата обращения: 23.08.2017.)
- Noua Dreaptă // Wikipedia. – Mode of access: https://ro.wikipedia.org/wiki/Noua_Dreaptă (Дата обращения: 01.07.2017.)
- Pîrvulescu C.* Excepționismul românesc // Sfera politică. – Buc., 2001. – N 90. – P. 2–8.
- Tănase S.* Amenințările populismului // Revista 22. – Buc., 2003. – N 683, 8–14 aprilie.
- Vatra Românească pentru uzul străinilor. File de istorie (3) // Ioncoja.ro. – 2013. – 24 octombrie. – Mode of access: <http://ioncoja.ro/vatra-romaneasca-pentru-uzul-strainilor-file-de-istorie-3/> (Дата обращения: 01.12.2016.)

Н.А. Подчасов

**ПАРТИЯ «АТАКА»:
ИЗМЕНЕНИЕ ТАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ НОВОГО
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Аннотация. В статье анализируются основные черты политического поведения партии «Атака» в конце 2015 – начале 2016 г. Процесс перехода одной из самых известных болгарских националистических партий на новую политическую стратегию прослеживается на фоне масштабных сдвигов в болгарской политической системе.

Ключевые слова: Болгария; «Атака»; националисты; ультраправые; популизм.

N.A. Podchasov

**«Attack» party: Chang of tactics in the context
of the new political discourse**

Abstract. The article analyzes the main features of the political behavior of the «Attack» party before and after the beginning of 2016. The transition of one of the most popular Bulgarian nationalist parties to a new political strategy is traced against the background of large-scale shifts in the Bulgarian political system.

Keywords: Bulgaria; «Attack»; nationalists; ultra-right; populism.

Болгарская партия «Атака» – одна из немногих балканских партий, которые известны за пределами своей страны. «Атака» прославилась своей скандальностью: медийные бури сопровождают партию все 12 лет ее существования. В большинстве из них главным фигурантом является ее лидер – Волен Сидеров. Эффектная внешность (белые волосы) и эпатажный стиль поведения приковывают к нему внимание журналистов. Более серьезно настроенные граждане относятся к нему настороженно, учитывая категоричность

его суждений и их вопиющее противоречие с теми взглядами, которые он же сам отстаивал в 1990-е годы.

На фоне постоянного медийного шума вокруг этой партии особенно рельефно выделяется целый год полной тишины, наступивший где-то в начале 2016 г. Это резкое изменение PR-стратегии партии приходится на время важных сдвигов в болгарской политической жизни.

* * *

Партия определяет себя как националистическая и русофильская. Для постсоциалистической Болгарии такое сочетание крайне необычно. За последнее столетие Россию в Болгарии привыкли ассоциировать с левой интернациональной идеологией. Это тем более естественно, что наибольшие пророссийские симпатии сохраняются в семьях бывших коммунистов, для которых Москва была главным идеологическим ориентиром. По этой же причине болгарские националисты тяготели скорее к Западу: они также отталкивались от социалистического периода в истории Болгарии, когда Москва была символом доминирования интернационального над национальным, когда внешняя политика страны находилась в зависимости от решений наднационального идеологического центра.

«Атака» предложила абсолютно новое понимание русофильства. Она игнорировала советский опыт, опираясь непосредственно на священный для болгарского национального сознания период Освобождения. Россию предлагалось считать не продолжением СССР, а наследницей Российской империи – освободительницы Болгарии. Такой подход опирался на национальный миф Болгарии, центральным событием которого является освобождение от «турецкого ига». Все, что связано с Освобождением, для болгарского национального сознания священо; в связи с этим событием строится современная болгарская самоидентификация. Поэтому, кстати, столь острое неприятие вызвала в Болгарии попытка властей заменить в официальной риторике понятие «турецкого ига» на более политкорректное и отвечающее актуальным внешнеполитическим реалиям «иностранным управление» [Да наричаме ли... 2015]: отказ от идеологемы пятивекового рабства и образа Османской империи как абсолютного зла означал пересмотр всего комплекса представлений о национальных героях-«будителях», приблизив-

ших момент освобождения, и самого факта Освобождения как национального триумфа. Важным элементом этого мифа является и Россия, которой в нем отводится роль бескорыстного друга – брата и освободителя, страны, родственной по языку, культуре, по вере и происхождению.

Связав современную Россию с Россией болгарского мифа, идеологи «Атаки» тем самым изменили расстановку акцентов в картине современной геополитической ситуации: Россия – братская страна, которая всегда приходила на помощь Болгарии в трудные минуты; Турция – исторический враг, поработитель и угнетатель; США и Европа – холодные и равнодушные наблюдатели страданий болгарского народа, тайные пособники Турции в прошлом и ее откровенные союзники в настоящем. Подобная картина мира оказалась востребованной в болгарском обществе, несмотря на оторванность от внутривосточных традиций последних лет. На выборах 2005 г. «Атака» вошла в парламент как четвертая по величине партия, а в 2006 г. ее лидер, Волен Сидеров, прошел во второй тур президентских выборов.

Тем не менее, несмотря на свою укорененность в болгарской культуре, идеологическая платформа «Атаки» не давала ей серьезных перспектив роста. Опираясь на национальный миф и не смирившись с произошедшими переменами, партия постепенно свыкалась с ролью вечного обличителя и обвинителя. Достаточно скоро стало очевидно, что политическая стратегия партии может быть только оборонительной, в то время как повестку всегда будут формировать другие игроки, приспособившиеся к реалиям сегодняшнего дня. Электорат партии постепенно стал сжиматься до той аудитории, которую устраивает позиция непрекращающегося протеста, без надежды на результат.

Исходя из этой специфики, строилась и политическая тактика партии. Будучи поставлена в условия, когда вся позитивная составляющая программы является нереализуемой ввиду отсутствия реальных геополитических условий для ее реализации (Россия не готова играть интегрирующую роль на Балканах, Болгария уже стала членом НАТО на момент создания партии), партия вынуждена была строить свою деятельность на отрицании того, что делают другие партии, при этом отрицать нужно было ярко и демонстративно, в то же время лавируя между остальными игроками, чтобы не оказаться в изоляции. Такое поведение скоро навлекло на партию обвинение в беспринципности. Отсюда и постоянные

скандалы, в которые сознательно вмешивается лидер партии, – медийный шум является практически единственным достижением, которое он может предъявить своему электорату.

Во всяком случае, так было до начала 2016 г.

* * *

В ноябре 2016 г. должны были состояться президентские выборы. Как таковые они представляли собой возможность корректировки сложившегося в парламенте баланса сил. Однако масштабы возможных изменений оставались под вопросом.

У власти в стране с 2014 г. находилась партия ГЕРБ (Граждане за европейское развитие Болгарии). Выдвиженцем этой партии являлся и действующий на тот момент президент Болгарии – Росен Плевнелиев. Впервые эта партия победила на выборах в 2009 г. С этого момента и вплоть до 2016 г. единственным серьезным соперником ГЕРБ можно считать только «улицу», т.е. стихийное выражение недовольства граждан. Руководству ГЕРБ удалось выстроить такую систему, в которой ни одна другая партия не могла всерьез претендовать на роль оппозиции.

В парламент в 2014 г. вместе с ГЕРБ прошли семь партий. Как отмечали аналитики, каждое политическое движение оказалось представлено двумя парламентскими силами [Първан Симеонов... 2017]. Так, праволиберальный лагерь помимо ГЕРБ представлял Реформаторский блок (РБ). Из националистов в парламент прошла «Атака» и ее конкурент Патриотический фронт. Левые взгляды помимо БСП (Болгарской социалистической партии) представляла отколовшаяся от нее партия Георгия Пырванова АБВ (Альтернатива – болгарское возрождение). Наконец, этническая турецкая партия ДПС (Движение за права и свободы) в конце 2015 г. пережила раскол, в результате которого в парламенте оказались две турецкие партии: ДПС и ДОСТ (Демократы за ответственность, свободу и толерантность)¹.

Таким образом, у каждой партии в парламенте имелся конкурент, претендующий на тот же электорат (за исключением, быть может, правящей партии ГЕРБ, избиратели которой голосуют ско-

¹ Партия ББЦ (Болгария без цензуры), также прошедшая в Народное собрание, распалась вскоре после начала работы парламента.

рее за личность ее лидера, Бойко Борисова, чем за программу или идеологию). Так, главная оппозиционная сила, которая традиционно оспаривала первенство ГЕРБ – БСП, по меткому замечанию Г. Пырванова, находилась в оппозиции не к власти, а к своему конкуренту из левого крыла – АБВ. Потенциальный соперник ГЕРБ в борьбе за правый электорат, Реформаторский блок, вписался в роль его младшего партнера и безропотно сносил отставки своих министров, которых Борисов предусмотрительно назначил на самые проблемные министерства [Георгиев... 2014]. Остальные партии (этническая турецкая ДПС и националистические Патриотический фронт и «Атака») были заняты межпартийной борьбой и не столько критиковали ГЕРБ, сколько искали его поддержки.

В результате сложилась достаточно эффективная для руководства партии система, в которой лидер ГЕРБ Борисов держал под контролем всех потенциальных конкурентов. Практически по каждому своему решению правящая партия имела возможность составить в парламенте большинство, играя на противоречиях младших партнеров. Ослабленные соперники даже не пытались оспаривать ее права, довольствуясь собственным местом в созданной Борисовым системе.

Возвращаясь к ситуации начала 2016 г., можно констатировать, что большинство аналитиков на тот момент считало, что выстроенная Борисовым система политических отношений позволит его партии без особых сложностей провести своего кандидата на пост президента, сохранив за собой доминирующее положение.

* * *

Дальнейшие события опровергли эти прогнозы. Кандидат от ГЕРБ проиграл выборы, президентом был избран представитель оппозиции, а правительство Борисова сочло за лучшее уйти в отставку. Причины этого неоднократно обсуждались в болгарской печати и кажутся достаточно очевидными. Правящая партия переоценила свой ресурс, выдвинув в президенты личность, лишенную собственной харизмы, зато лояльную и управляемую. Это вызвало раздражение в обществе: народ как будто уже и не спрашивали, а президента назначали, как простого чиновника. Оппозиция сумела учесть эти настроения и предложила кандидата, который был полной противоположностью кандидату от ГЕРБ. Им стал Румен Ра-

дев – внушительной внешности генерал, летчик-ас, непартийный, а значит, не ответственный за проблемы последних лет, уважаемый, хорошо образованный и интеллигентный. В результате генерала поддержали представители практически всех политических партий, в то время как кандидат ГЕРБ не сумел мобилизовать даже электорат собственной партии.

Если с поражением ГЕРБ все выглядит достаточно прозрачно и объяснимо, то более глубокое изменение, произошедшее в ходе президентских выборов, – изменение политической риторики – проследить сложнее. Ещё накануне выборов единственным безусловным и всеми признаваемым ориентиром болгарской политики были «евроатлантические ценности», под которыми понимался широкий спектр понятий, как геополитических, так и сугубо бытовых. В ходе предвыборной кампании наметился переход на новую парадигму: теперь за ориентир принимались «национальные интересы».

Так, будущий президент, кандидат от оппозиции генерал Румен Радев потряс болгарскую общественность заявлением о необходимости признать воссоединение Крыма с Россией: по его словам, отрицание этого факта никак не помогает защищать интересы болгарских граждан. Отношение же к ЕС и НАТО в устах генерала из идеологического принципа превращалось в инструмент защиты национальных интересов: с его точки зрения, страна заинтересована в более активном участии в этих институтах.

Характерно, что из семи ведущих кандидатов похожие идеи высказывали помимо Радева еще пятеро кандидатов, включая его главного конкурента, кандидата от ГЕРБ. Все шестеро старались представить себя прагматиками, главной целью которых является защита государственных интересов.

Для постсоциалистической Болгарии это явление стало новостью. Некоторых журналистов оно привело к поспешному выводу, что Болгария якобы отходит от евроатлантического курса и чуть ли не готовится к выходу из ЕС и НАТО. Едва ли это так: в ходе этих выборов ни одного из ведущих кандидатов нельзя было назвать в полной мере евроскептиком или хотя бы антинатовцем. Если некоторые из них и позволяли себе критику евроатлантических структур, то ее острота была направлена, скорее, против вялой позиции действующих болгарских политиков, чем против самих этих организаций. Таким образом, речь идет не о смене геополитической ориентации, а о более зрелом отношении элиты и общества к определению приоритетов политики.

Наметившаяся на президентских выборах тенденция получила дальнейшее развитие на досрочных парламентских выборах 2017 г. После поражения своего кандидата Борисов подал в отставку. Новый кабинет при старом парламенте сформировать не удалось. В результате на 2017 г. были назначены парламентские выборы.

Болгарские журналисты отметили на этих выборах небывалый накал патриотической риторики [Бойчева... 2017]. Политические партии меняли свои названия так, чтобы в них прозвучало слово «Болгария» или «болгарская»; придумывали патриотично звучащие лозунги; обвиняли друг друга в недостаточном внимании к национальным интересам и в «низкопоклонстве» перед представителями ЕС и НАТО.

По итогам парламентских выборов в Народном собрании оказались пять политических фракций. Болгарские аналитики отмечают, что новый парламент является как бы упрощенным вариантом предыдущего: каждое направление теперь представлено только одной партией, исчезли партии-дублеры [Първан Симеонов... 2017]. БСП после победы Радева набрала популярности и стала достойным соперником правящей партии (в роли которой по-прежнему остается ГЕРБ). Вторая левая партия АБВ в этот раз не сумела преодолеть 4%-ный барьер и осталась вне стен парламента. То же случилось с партиями-дублерами из правого лагеря (Реформаторский блок распался на мелкие движения, также не сумевшие преодолеть порог) и из представителей этнического турецкого меньшинства (партия ДОСТ не прошла в парламент, и ДПС оказалась единственной представительницей этого направления). Из лагеря националистов в парламенте также осталось только одно движение: «Атака» объединилась с Патриотическим фронтом, создав коалиционную партию «Объединенные патриоты»¹.

Результаты парламентских выборов только подтвердили наличие новой тенденции в болгарской политике. По тем или иным причинам вне Народного собрания оказались наиболее верные адепты прежней, евроатлантической, парадигмы – бывшие члены Реформаторского блока. Из оставшихся в парламенте партий две – ГЕРБ и новая партия «Воля» – строятся вокруг личности председа-

¹ Кроме того, в парламент прошла популистская партия «Воля», которая является личным проектом бизнесмена Веселина Марешки и не имеет ярко выраженной политической окраски.

теля и легко приспосабливаются к новым условиям: идеологические вопросы для них не первостепенны. ГЕРБ, например, в качестве партнера по правящей коалиции на оставленное Реформаторским блоком место взял «Объединенных патриотов», – что в данных условиях представляется почти что символом происходящих перемен. В лице «Объединенных патриотов» националистические партии в первый раз в новейшей болгарской истории получили места в правительстве. БСП, популярность которой является результатом победы Радева, старается не потерять свою волну и продолжает начатый Радевым курс на патриотизм и прагматичную политику. ДПС после событий декабря 2015 г., когда от нее откололась ДОСТ, решительно отказалась от роли проводника интересов Турции и объявила своим главным приоритетом безопасность и процветание Болгарии; с этого момента ее политическая риторика зачастую кажется даже более патриотической, чем у националистических партий.

Таким образом, болгарский парламент очень быстро перестроился под новую парадигму политической риторики, при этом практически не изменив своей структуры (ГЕРБ все также возглавляет правительственную коалицию, БСП и ДПС по-прежнему в оппозиции, националисты, как и раньше, поддерживают ГЕРБ). «Проевроатлантические» партии (Реформаторский блок, ДОСТ) оказались не представленными в Народном собрании, а остальные (ГЕРБ, БСП, ДПС) достаточно безболезненно переориентировались на «патриотическую» или «государственническую» риторику. Наиболее соответствующие новому веянию националистические партии сумели вовремя разобраться в ситуации: они объединились и в новом виде сумели получить места в правительстве. Тем самым они сделали заявку на то, чтобы распрощаться с ролью «enfant terrible» болгарской политики и войти в состав уважаемых участников политического процесса.

* * *

Меньше всего этого можно было ожидать от «Атаки». К концу 2015 г. накал страстей вокруг партии и ее лидера достиг максимальной отметки. В октябре 2015 г. проходили местные выборы. В самый день голосования (25 октября) «Атака» вдруг оказалась в центре внимания: даже предварительные результаты отошли на второй план. Дело в том, что лидер партии Волен Сидеров

выбрал этот день для того, чтобы вломиться с группой воинственных сторонников в здание столичного театрального училища и потребовать для сведения счетов какого-то студента [Христова... 2015]. Эта новость вызвала взрыв возмущения. Интернет облетела видеозапись, в которой видно, как спортивного вида мужчина прорывается сквозь полицию и очень профессионально наносит удар с правой руки в белую голову лидера «Атаки» [Мъжът, който удари... 2015]. Имя мужчины (им оказался бизнесмен Камен Попов) тут же становится достоянием прессы, и уже в 2016 г. он будет баллотироваться в президенты (правда, без большого успеха). Волена Сидерова обсуждают и осуждают; суд выносит ему обвинение в хулиганстве и приговаривает к исправительным работам [Съдът реши... 2016]. От всей этой суматохи у аналитиков остается впечатление хорошо продуманной пиар-кампании.

Однако проходит несколько месяцев, начинается 2016 г., а Волен Сидеров, отработав положенный срок на чистке городских памятников, никак не проявляет себя в публичной сфере. Наконец он появляется перед прессой и делает шокирующее заявление: он протягивает руку своим конкурентам из Патриотического фронта, своим личным врагам, если верить газетам [Сидеров... 2016]. Представители Патриотического фронта выражают настороженное недоумение, однако же и не отказываются: пусть Сидеров докажет, что он говорит всерьез.

Проходит некоторое время, и вот летом 2016 г. появляется предвыборная коалиция «Объединенные патриоты». Пока говорится лишь о сотрудничестве в преддверии президентских выборов. Продолжая изумлять наблюдателей, Сидеров соглашается поддержать кандидата, которого предлагают его бывшие соперники, а теперь союзники по коалиции. Общим кандидатом националистов становится лидер одной из партий Патриотического фронта Красимир Каракачанов. Эффект от объединения дает себя знать: Каракачанов занимает на выборах третье место, едва не догнав кандидата от ГЕРБ.

Всё время до выборов Сидеров ведет себя непривычно тихо. Он выступает с заявлениями только для того, чтобы поддержать общую линию, и делает это максимально сдержанно.

Предвыборная коалиция националистов сохраняется и на парламентских выборах 2017 г. «Объединенные патриоты» выступают единым фронтом, становятся третьей по величине фракцией в Народном собрании. Они входят в правящую коалицию с ГЕРБ.

В этом правильно будет увидеть крупное достижение: националисты не только впервые вошли в правительство, но и сделали это накануне председательства Болгарии в Совете Европейского союза, которое начнется с января 2018 г. Если они сумеют до этого времени не потерять своих портфелей из-за какой-нибудь необдуманной выходки, то их вес в болгарской политике существенно возрастет. Скандалы, кстати, продолжают сопутствовать националистам даже после вхождения в правительство; однако, что характерно, имя Сидерова в них до сих пор не звучало.

В своем новом правительстве (это уже третье правительство под его руководством) Борисов выделил «Объединенным патриотам» два вице-премьерских и три министерских поста. Вице-преьерами в итоге стали председатели двух партий-союзников «Атаки» [Борисов 3... 2017]. Сидеров же снова удивил наблюдателей тем, что удовольствовался ролью руководителя парламентской фракции.

Другими словами, с начала 2016 г. председатель «Атаки» изменился до неузнаваемости. Он полностью отказался от эпатажа; пожертвовал самостоятельной ролью ради объединения с бывшими соперниками, поддержал их кандидата в президенты и не потребовал взамен даже поста в новом правительстве.

Не выдвигая никаких гипотез, можно лишь констатировать, что Сидеров очень удачно выбрал момент для политической трансформации. Его отказ от личных амбиций придал новый импульс националистическому движению как раз в тот момент, когда патриотическая риторика вошла в моду, а национальные интересы оттеснили на задний план те самые «евроатлантические ценности», против которых в последние 12 лет он вел свою «битву за Болгарию».

Список литературы

- Бойчева Милена. Конкуренция по родолюбие в имената на партиите. – 2017. – 21 февраля. – Режим доступа: <https://trud.bg/конкуренция-по-родолюбие-в-имената-на/> (Дата обращения: 11.08.2017.)
- Борисов 3: Кой кой е в новия Министерски съвет. – 2017. – 3 май. – Режим доступа: <http://www.dnes.bg/politika/2017/05/03/borisov-3-koi-koi-e-v-noviia-ministerski-syvet.339830> (Дата обращения: 11.08.2017.)

- Георгиев Валентин. Заявка за програмиран провал. – 2014. – 5 ноември. – Режим достъпа: <http://pogled.info/avtorski/Valentin-Georgiev/zayavka-za-programiran-proval.59572> (Дата обращения: 11.08.2017.)
- Да наричаме ли турското робство – «5 века чуждо управление», както премиера? – 2015. – 4 март. – Режим достъпа: http://www.lentata.com/page_6750.html?item_from=25 (Дата обращения: 11.08.2017.)
- Мъжът, който удари Волен Сидеров // Новините на Нова (27.10.2015). – 2015. – 27 октомври. – Режим достъпа: https://www.youtube.com/watch?v=BoU_-wHT5Cc (Дата обращения: 11.08.2017.)
- Първан Симеонов, политолог: ГЕРБ и Обединените патриоти по-скоро имат условия в 44-ото Народно събрание да изпълнят заявените политики. – 2017. – 18 април. – Режим достъпа: <http://www.focus-news.net/opinion/2017/04/18/42635/pargvan-simeonov-politolog-gerb-i-obedinenite-patrioti-po-skoro-imat-usloviya-v-44-oto-narodno-sabranie-da-izpalnyat-zayavenite-politiki.html> (Дата обращения: 11.08.2017.)
- Сидеров с оферта за коалиция към ПФ: Стига сме си мерили... химикалките. – 2016. – 1 юни. – Режим достъпа: <http://www.mediapool.bg/siderov-s-oferta-za-koalitsiya-kam-pf-stiga-sme-si-merilihimikalkite-news249914.html> (Дата обращения: 11.08.2017.)
- Съдът реши: Волен Сидеров ще чисти паметници. – 2016. – 23 март. – Режим достъпа: <http://epicenter.bg/article/Sadat-reshi-Volen-Siderov-shte-chisti-pametnitsi-/96354/3/74> (Дата обращения: 11.08.2017.)
- Христова Анна. Изборната нощ: ГЕРБ печели, ДПС обяви нови политически реалности, Сидеров в поредно медийно шоу. – 2015. – 25 октомври. – Режим достъпа: http://www.dnevnik.bg/bulgaria/2015/10/25/2636049_izbornata_nosht_na_jivo_gerb_pecheli_dps_obiavi_novi/?ref=exclusivenews (Дата обращения: 11.08.2017.)

Ю.А. Щербакова

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, влияющие на распространение в Словакии праворадикальной идеологии, отношение словацкого общества к правому экстремизму. Анализируются программы, электоральные результаты словацких националистических и праворадикальных партий. Отмечается, что праворадикальные субъекты политики в отдельных случаях являются составной частью партийной системы Словацкой Республики.

Ключевые слова: Словацкая Республика; «Народная партия – Наша Словакия»; Словацкая национальная партия; Словацкая народная партия; Словацкое движение возрождения; «Словацкое единство»; национальные меньшинства; «цыганский вопрос».

J.A. Scherbakova Nationalist parties and radical right movements in the Slovak Republic

Annotation. The article examines the factors that influence the spread of right-wing radical ideology in Slovakia, the attitude of Slovak society to right-wing extremism. Programs, electoral results of Slovak nationalist and right-wing radical parties are analyzed. It is noted that right-wing political subjects in some cases are an integral part of the party system of the Slovak Republic.

Keywords: Slovak Republic; People's Party-Our Slovakia; the Slovak national party; the Slovak people's Party; the Slovak Renaissance movement; «Slovak community» national minorities; «Gypsy question».

Современная Словацкая Республика – небольшое центральноевропейское государство, появившееся на политической карте Европы в 1992 г. Она представляет собой мультикультурное со-

общество, гетерогенное в национальном отношении. По переписи населения (2001), в ней постоянно проживают представители более 10 национальностей. И хотя в словацком обществе этнические словаки составляют более 85%, национальные меньшинства рассматриваются представителями словацкой политической элиты как группы риска, создающие проблемы как внутри страны, так и за рубежом. Прежде всего, речь идет о венгерском и цыганском национальных меньшинствах. Современное состояние цыганского меньшинства вносит дополнительные проблемы в социальную жизнь Словакии, а венгерское национальное меньшинство проявляет себя как фактор дестабилизации внешней политики СР.

Венгерское национальное меньшинство, проживающее в южных районах Словакии (9,7% населения страны), занимает особое место. Его значение обусловлено компактностью проживания, ярко выраженной лингвистической обособленностью, интенсивностью этнической самоидентификации.

Определенная часть словацкой общественности воспринимает компактное проживание венгерского меньшинства на юге Словакии как потенциальную угрозу существованию своего государства. В связи с этим следует напомнить, что словацкие земли с X в. и до 1918 г. относились к землям «венгерской короны». В венгерском политическом сознании они традиционно воспринимались как свои, слово «Словакия» вообще не было в венгерском политическом лексиконе, а было слово «Felvidék» (буквально: «верхняя провинция»). После 1990 г. ирредентистские настроения в Венгрии вышли на поверхность, активизировались крайне правые силы, муссирующие тему угнетаемых в соседних странах венгров, что только усилило напряженность в венгеро-словацких межгосударственных отношениях.

По результатам опроса, проведенного социологической службой «Фокус» в 1995–1996 гг., 34% респондентов словацкой национальности предполагали, что «тайной целью большинства венгров, живущих в Словакии, является изменение границ и присоединение южных областей Словакии к Венгрии» [Aktualne, s. 125].

На протяжении практически всего периода после Бархатной революции 1989 г. устойчивым элементом словацкой партийно-политической системы является **Словацкая национальная партия (СНП)** – националистическая организация, пользующаяся поддержкой словацкого общества, многократно входившая в пар-

ламент и в правительственные коалиции. Эта партия провозглашает себя защитницей словацких национальных интересов и выступает с антимадьярских позиций. А с недавнего времени в словацком парламенте заседают представители крайне правой **«Народной партии – Наша Словакия» (НПНС)** во главе с Марианом Котлебой (Marian Kotleba), который в недалеком прошлом носил форму, напоминающую форму организации «Глинкова гвардия», устраивавшей облавы на евреев в годы существования в Словакии клерофашистского марионеточного государства 1939–1945 гг. Партия набрала 8% голосов и впервые в 2016 г. получила представительство в парламенте.

Тот факт, что такая партия стала реальной частью политической системы Словакии, является результатом влияния различных факторов. Одни из них имеют длительную историю и связаны с глубинными тенденциями в общественном развитии, другие – актуальные – обусловлены нынешним развитием страны и мира в целом.

К первой группе словацкие авторы Г. Месежников и О. Гярфаšова относят «проблемы, связанные с общим развитием словацкого общества в последние десятилетия, с тем, каким образом население Словакии воспринимает социально-экономические последствия реформ, осуществленных в стране в последние годы как в целом, так и в отдельных регионах, как оценивает эффективность исполнительной власти и способность руководящей политической элиты решать общественные проблемы, преобладающие образцы ценностной ориентации и типы политической культуры населения (авторитаризм, патернализм, ксенофобия)» [Mesežnikov G., Gyárfašová O., s. 9]. У индивидов, которые по различным причинам не сумели приспособиться к новым социальным условиям после падения коммунистического режима и введения рыночной экономики, предлагаемые экстремистскими и праворадикальными политиками простые и быстрые решения проблем вызывают симпатию и поддержку. «Свою роль играют и такие факторы, как мобилизующая сила этнического национализма и антицыганского расизма, идеологическое наследие коллаборационистского фашистского словацкого государства периода Второй мировой войны, склонность определенных общественных групп к изоляционизму во внешней политике, антиамериканизм, неприятие европейской интеграции и ЕС, антизападные настроения». [Mesežnikov G., Gyárfašová O., s. 10].

Реакция населения Словакии на волну мигрантов, которая, как следует отметить, обошла стороной Словакию, относится авторами к числу актуальных факторов. В эту же группу авторы включают общение в социальных сетях, использование Интернета для получения и распространения информации.

Согласно официальным источникам, число симпатизирующих словацким экстремистам оценивается примерно в 2000 человек, десятки и сотни оцениваются как радикальные и склонные к агрессии (Консерсія, 2011, s. 7). Однако если рассматривать базу экстремизма в Словакии с точки зрения выборов, она представляется гораздо более многочисленной. Новая политическая организация «Народная партия – Наша Словакия», которая составляет ядро экстремистских сил, получала на выборах в Национальный совет (2010, 2012) каждый раз голоса около 40 тыс. избирателей. Однако поддержка экстремистских сил не ограничивается лишь электоральным поведением. Она находит свое отражение в участии граждан в митингах и демонстрациях, организуемых представителями этого направления, в распространении листовок.

С целью изучения отношения словацкого общества к правому экстремизму словацкие социологи в рамках национального проекта KomPrax, который обеспечивает IUVENTA – Словацкий институт молодежи совместно с Европейским социальным фондом, поставили перед собой задачу подтвердить или опровергнуть гипотезу о растущей поддержке идей праворадикальных политических сил и активизации экстремистской деятельности [Macháček].

Результаты исследования свидетельствуют о том, что значительная часть словацкого общества равнодушна или проявляет сочувствие к радикальным течениям. В документе, подготовленном словацким правительством, последствия этой тенденции сформулированы следующим образом: «В данном случае, это опасное антиобщественное явление, которое может привести к социальным конфликтам и даже политической дестабилизации» (Консерсія, 2011, s. 3). Граждане считают, что демократические политические партии не в состоянии найти способы интеграции маргинализированных групп в социальную систему страны, не в состоянии предотвратить разрушение окружающей среды, обеспечить безопасность граждан и правопорядок, особенно в отношении граждан цыганской национальности.

Для целей своего исследования словацкие социологи выделили следующие базовые определения правого радикализма.

Антисемитизм. Евреи представляют собой особую группу. Они не подходят словакам. Евреи имеют слишком большое влияние на экономическое развитие и на функционирование словацкого государства.

Наличие враждебности к иностранцам. Иностранцы являются лишь источником преступности и разных проблем.

Расизм. Жизнь некоторых народов и представителей этнических групп в силу их отсталости и нецивилизованности представляет собой меньшую ценность, чем жизнь европейцев. Так же, как и в природе, в человеческом обществе наиболее способные представители народа и этноса должны господствовать над менее способными.

Гомофобия. Гомосексуалисты представляют опасность для будущего народа, и в словацком обществе им нет места. Люди с гомосексуальной ориентацией не должны занимать публичные должности или работать с молодежью, например учителями.

Антицыганские взгляды. Полиция и суды должны строже, чем к остальным гражданам, относиться к цыганам. Цыгане, которые длительное время не работают или уклоняются от посещения курсов по переквалификации, должны быть лишены социальных дотаций. На граждан других национальностей это положение не должно распространяться.

Национализм. Руководящие государственные должности должны занимать только этнические словаки.

Результаты проведенного социологического исследования свидетельствуют о том, что в Словацкой Республике 4% населения разделяют идеи правого экстремизма и готовы поддерживать экстремистские партии своими голосами на выборах, 7% населения разделяют праворадикальную идеологию и готовы участвовать в демонстрациях и митингах, организуемых этими партиями. Наиболее подвержена праворадикальным воззрениям молодежь, которая использует даже силовые методы для решения проблем, возникающих в процессе сосуществования представителей различных национальных групп [Macháček, s. 31].

Используя шкалу социальной дистанции¹, словацкие исследователи установили, что из всех изученных ими групп словакам наиболее близки чехи и инвалиды (в такой формулировке авто-

¹ В 1920-х годах американский социолог Эмори Богардус разработал шкалу для измерения социальной дистанции, рассматриваемой им как степень близости или отчужденности между двумя группами людей [Macháček, s. 28].

ров): большинство опрошенных готовы считать их членами своей семьи или друзьями. Достаточно благожелательно словаки относятся к немцам и венграм. Больше социальную отчужденность словаки испытывают по отношению к евреям, украинцам, приезжим, иностранным рабочим и гомосексуалистам. Однако и представителей этих групп населения они считают равными себе. Такое отношение социологи определили как готовность жить в одном государстве.

Большинство словаков негативно относятся к вьетнамцам, бездомным, проституткам, неграм, скинхедам, анархистам, мусульманам (классификация Махачека. – Ю. Ш.) Они высказывают нежелание жить с представителями этих групп на одной территории. Отрицательно относятся словаки к наркоманам и цыганам и выдвигают требование выселить их из страны. В целом 22% опрошенных словаков испытывают негативные чувства по отношению к представителям других групп населения. В основе подобного отношения лежит личный опыт. Чаще всего респонденты негативно воспринимают цыган и характеризуют эту группу населения как источник воровства, безработицы и шума [Machaček, s. 28].

В ситуации с цыганами опрошенные обвиняют государство и проводимую им социальную политику, которая косвенно способствует девиантному поведению цыган. Препятствием в решении цыганской проблемы опрошенные считают боязнь представителей правоохранительных органов вмешиваться в эти проблемы. Именно эти обстоятельства, по мнению авторов проекта, толкают общественность к предпочтению решения вышеобозначенных проблем в форме поддержки праворадикальных партий. Словацкие социологи на основании результатов своих исследований об открытости граждан Словакии идеям правого экстремизма пришли к выводу, что организованные экстремистские группы являются реальной угрозой для демократического развития словацкого общества [Machaček, s. 29].

С начала 90-х годов XX в. на словацкой праворадикальной политической сцене выступали несколько маргинальных ультранационалистических акторов. Речь идет о Словацкой народной партии (СНАП) и о партии «Словацкое народное единство» (СНЕ). Их результаты на парламентских выборах колебались в рамках десятых долей процента. В последнее время их активность значительно снизилась.

В настоящее время главным игроком на праворадикальном фланге словацкой политической сцены является **«Народная партия – Наша Словакия»**. В ее возникновении важную роль сыграли представители другой организации – правоэкстремистского гражданского объединения «Словацкое единство» (СЕ). На протяжении более чем двух десятилетий оно являлось символом словацкого правого экстремизма и во многом способствовало формированию его нынешнего образа. В этом оно преуспело благодаря своей деятельности, риторике, программе и, в определенной степени, внешнему виду своих сторонников, напоминающему форму словацких фашистов в годы Второй мировой войны. СЕ возникло в мае 1995 г. и объявило себя гражданской организацией, придерживающейся тысячелетних словацких и славянских традиций и являющейся носителем духа Людовита Штура, бескомпромиссной защитницей словацких национальных интересов.

Позиции СЕ характеризовали открытое неприятие парламентской демократии как формы политической организации общества, радикальный национализм, сильная антимадьярская риторика и открытый антисемитизм. Основным организационным принципом движения был «вождизм» с присущими ему централизмом и иерархичностью. В 2003 г. в СЕ вступил Мариан Котлеба, у которого были сильные политические амбиции, позволившие ему довольно скоро стать «вождем» этой организации. С его вступлением СЕ стало активнее позиционировать себя как политическую партию и в конце 2004 г. обратилось в Министерство внутренних дел с просьбой о регистрации политической партии, которая была удовлетворена в январе 2005 г. Она была зарегистрирована под названием «Словацкая общность – Народная партия». Представители нового политического субъекта заявили, что организация возникла как реакция на политику Словацкой национальной партии, деятельность которой длительное время способствовала усилению влияния в Словакии зарубежных организаций и наднациональных институтов. На протяжении 2005 г. сторонники этой партии организовывали в различных населенных пунктах массовые выступления, заканчивавшиеся стычками с полицией. Исходя из сложившейся ситуации, Генеральный прокурор СР потребовал запретить эту партию. В марте 2006 г. по решению суда она была распущена. В решении суда указывалось, что деятельность партии противоречит действующей Конституции, а в ее программе содержатся положения, ограничивающие избирательные

права некоторых групп населения, что противоречит принципам демократии. Решение суда о роспуске партия сочла неправомерным и продолжила свою деятельность в качестве гражданского движения. Через два года Министерство внутренних дел Словакии предприняло попытку запретить и его деятельность. В принятом им документе приводились те же, что и ранее, аргументы об угрозе демократии со стороны данного движения. Однако СЕ обжаловало в Конституционном суде это решение Министерства внутренних дел и сумело добиться его отмены. С июля 2009 г. СЕ снова стало действовать как официально зарегистрированное гражданское движение. Но отдельные его представители не расстались с мыслью о создании нового правозкстремистского политического субъекта под другим, нежели распущенная партия, названием, но с такими же идеологическими, программными и ценностными характеристиками.

Летом 2009 г. в Восточной Словакии наблюдалась активизация правозкстремистских сил как реакция на так называемый «цыганский террор». Мариан Котлеба, оставивший в 2007 г. пост «вождя» СЕ, объявил, что намеревается создать новую партию «Наша Словакия». На странице СЕ в Интернете были опубликованы программные установки создаваемой партии. В них выдвигались требования заменить парламентскую систему «системой прямой демократии», ликвидировать пост президента, прекратить оказывать гуманитарную помощь странам «третьего мира», выйти из НАТО и «остальных организаций, которые ограничивают свободу и развитие словацкого народа», создать отряды самообороны, в области образования, культуры, внешней и миграционной политики препятствовать процессу утраты словацким народом своей идентичности.

С момента возникновения и до 2012 г. партия прошла путь от сотрудничества с другими словацкими праворадикальными силами до конфликтов, в результате которых в 2012 г. окончательно порвала с объединением «Словацкое единство».

«Словацкое движение возрождения» (СДВ) является одной из ведущих современных праворадикальных сил Словакии. Существует с 2004 г. Является гражданским движением с ярко выраженными, как отмечают Месежников и Гярфашова, политическими амбициями.

В своих программных документах СДВ отмечало, что «оно стремится пробудить и углубить национальное сознание и патриотизм словаков», что хочет «способствовать защите государствен-

ности и суверенитета Словацкой Республики», «в своей программе опирается на наследие Людовита Штура». Она позиционирует себя как «наиболее активная после Матицы словацкой организация, своей деятельностью охватывающая всю территорию республики, известная за рубежом и по числу своих членов принадлежащая к крупнейшим словацким организациям».

Для того чтобы пройти регистрацию в качестве политической партии, в ее программу были внесены положения, которые должны были бы свидетельствовать о том, что деятельность организации не противоречит словацкому законодательству. В частности, в программе указывалось, что «организация поддерживает демократические принципы и правовое государство, управляемое выбранными представителями народа. Уважает Конституцию и законы Словацкой Республики. Признает право каждого народа на существование и самоопределение. Верит в свободу слова, выступлений, организаций. Признает право частной собственности» [Mesežnikov G., Gyárfášová O., s. 19].

Однако, как указывают словацкие авторы, практическая деятельность СДВ и публичные выступления ее представителей в предшествующий период свидетельствовали, что ценностная ориентация СДВ противоречит принципам либеральной демократии. А по отношению к национальной истории XX в. организация выступает, как отмечают авторы, с ревизионистских позиций, открыто поддерживая режим Й. Тисо и Словацкое государство 1939–1945 гг. Оправдывая политику Словацкого государства в период Второй мировой войны по отношению к евреям, сторонники СДВ объясняют ее «историческими обстоятельствами». Политику и идеологию движения характеризуют открытые антисемитизм и мадярофобия. Выступая на словах за равноправие всех граждан независимо от их национальности, организация выдвигала требование руководствоваться в словацко-венгерских межгосударственных отношениях «принципом взаимности», требовала запретить Партию венгерской коалиции. Выступала против членства Словакии в ЕС и НАТО. Проявляла симпатии к политике современной России и подчеркивала, что она имеет собственные и вполне оправданные интересы в Центральной Европе. На своей странице в Интернете СДВ указывает, что «сообщество славянских народов всегда было и будет ему наиболее близким в языковом, культурном и духовном отношениях». СДВ сотрудничает с польскими, сербскими, российскими и чешскими партнерами. По его заявле-

ниям, на Западе у него нет союзников [Mesežnikov G., Gyárfášová O., s. 25].

СДВ подчеркивает, что «поддерживает традиционные ценности (семья, культура, честь, вера), «здоровое отношение к миру и патриотизм», выступает против «морального разложения общества». В прошлом представители движения открыто поддерживали антицыганские выступления правоэкстремистских организаций и критиковали полицию за вмешательство в них. По мнению сторонников СДВ, протесты против «цыганской криминальности» не являются проявлениями экстремизма.

Г. Месежников и О. Гярфашова предполагают, что в случае регистрации движения в качестве политической партии, в среде правоэкстремистских политических сил появится новый влиятельный субъект, который сможет стать объединяющим фактором в этой части политического спектра. Авторы не исключают также возможности обострения конкуренции среди правоэкстремистских партий [Mesežnikov G., Gyárfášová O., s. 25].

Представляют интерес рассуждения о причинах успеха одной из таких организаций – партии М. Котлебы на выборах в словацкий парламент в 2016 г. Многие обвиняют в этом словацкого премьер-министра Роберта Фицо, который в предвыборной кампании делал акцент на миграционной тематике и тем самым актуализировал эти проблемы и привлек к ним внимание словацких правых радикалов.

Однако эта теория, по мнению некоторых словацких ученых, не подтверждается результатами социологических исследований. Проведенные агентством «Фокус» данные экзит-полов свидетельствовали о том, что миграционная проблематика интересовала избирателей Банско-Быстрицкого края незначительно. Из них только 8% указали, что в основе их выбора лежит страх перед «беженцами и террористами», 5% привлекла антикоррупционная программа партии Котлебы, 25% сослались на то, что партия Котлебы защищает «словацкие национальные интересы», 14% отметили ее «социальную программу». Приведенные данные позволяют предположить, что успех партии М. Котлебы кроется в недовольстве словацкого общества традиционными партиями и основывается на широкомасштабном протесте против существующих порядков [Čaban M.].

Как уже отмечалось выше, «Народная партия – Наша Словакия» (НПНС) возникла на платформе другой словацкой праворадикальной партии – «Словацкое единство». Для того чтобы ус-

пешно пройти регистрацию в качестве политической партии в Министерстве внутренних дел, партия использовала фиктивное объединение с Партией любителей вина и, утвердившись в качестве политической организации, приняла участие в словацких парламентских выборах 2010, 2012 и 2016 гг.

Хотя в первых двух выборных кампаниях партия показала результаты, намного превосходившие достижения других ультранационалистических субъектов, однако они не были достаточными для ее закрепления в парламенте: 2010 г. – 1,33%; 2012 – 1,58%. И только полученные ею в 2016 г. 8,04% позволили партии, преодолев 5%-ный барьер, войти в словацкий парламент.

Важную роль с точки зрения реализации амбиций этого политического субъекта сыграло избрание его руководителя М. Котлебы в 2013 г. губернатором Банско-Быстрицкого края. Во втором круге региональных выборов он обошел представителя правящей партии «Направление – социал-демократия», евродепутата Владимира Манько, набрав на 45 тыс. голосов больше, чем в первом туре.

«Народная партия – Наша Словакия» представляет себя как «народную, социальную, христианскую». В этом она не оригинальна. Наоборот, многие политические партии и политики в Словакии утверждают, что их программа основывается на этих трех принципах.

В случае с НПНС речь идет, как указывают Г. Месежников и О. Гярфашова, о радикальном этническом национализме, экономическом протекционизме, социальном шовинизме и неолюдской¹ версии политического католицизма, опирающейся на наследие словацкого государства периода Второй мировой войны [Mesežnikov G., Gyárfášová O., s 22].

Неотъемлемой частью взглядов представителей словацких правых является конспирологическое восприятие реальности. Их пропагандистские и публицистические публикации полны рассуждений о тайных механизмах, с помощью которых различные группы пытаются установить свое господство в мире и в Словакии, поработить или ликвидировать народы, в том числе и словаков. Прежде всего это «евробюрократы» и ЕС в целом, евреи, сионисты, масоны, американцы, Государство Израиль, агенты «либе-

¹ Людцкое – от слова люди, народ. Традиционное течение внутри Словацкой народной партии, изначально созданной словацкими католическими священниками в начале XX в.

рального Запада», которые вредят Словакии и словакам. Общим для всех этих рассуждений является представление, что развитие Словакии после 1989 г. определяется тайными механизмами чуждого влияния [Mesežnikov G., Gyárfášová O., s. 23].

Как показывают результаты социологических опросов, словаки ориентированы на материальные аспекты членства в ЕС и не хотят принимать во внимание другие ценностные аспекты этого членства. Содержащаяся в программе партии Котлебы критика направлена как раз против них. Программа партии составлена в доступной для понимания форме и предлагает простые и привлекательные для широких слоев населения способы решения волнующих общество проблем.

Ключевыми вопросами, поднимаемыми в программе партии, являются: Европейский союз, США, НАТО, евреи, Израиль и сионизм, миграция.

Позиции партии во внешней политике отличают ЕС-фобия, антиамериканизм, пророссийская ориентация. Представители этой политической организации используют любой повод, чтобы выступить с критикой Европейского союза и НАТО и с осуждением словацкого членства в этих организациях. Однако в 2014 г. НПС приняла участие в выборах в Европейский парламент, обозначив в качестве своей главной цели «освобождение Словакии от брюссельского диктата и возрождение независимости и суверенитета Словацкой Республики» [Mesežnikov G., Gyárfášová O., s. 24].

«Народная партия – Наша Словакия» использует антицыганские настроения, существующие в обществе, и возникающие на их почве конфликты для того, чтобы подчеркнуть, что партия имеет простые решения «цыганского вопроса». М. Котлеба заявил, что деньги, которые получит партия за участие в выборах, она потратит на организацию и обучение отрядов самообороны, создаваемых в местах компактного проживания цыган и призванных бороться с «цыганским беспределом». Партия обвиняет государство в том, что проводимая им социальная политика позволяет цыганским семьям использовать рождение детей в качестве средства для повышения собственного благосостояния. «Цыганский вопрос» используется партией в качестве инструмента привлечения на свою сторону избирателей.

Секрет притягательности праворадикальной националистической партии кроется еще и в том, что она положительно оценивает Словацкое государство 1939–1945 гг. и считает его образцом

независимой словацкой государственности, отрицая при этом его марионеточный, фашистский характер, однако, указывая на то, что это был авторитарный режим. Пропагандируемые ею антисемитские взгляды опираются на людацкую идеологию межвоенной Словакии.

Важное место в программных внешнеполитических установках партии занимает критика сионизма и Израиля. В них сионизм приравнивается к тоталитарным идеологиям.

Для «Народной партии – Наша Словакия» характерна антииммигрантская и антиисламская риторика. Свое отрицательное отношение к мигрантам она объясняет стремлением «сохранить Европу европейской и христианской». В период обострения миграционного кризиса в 2015–2016 гг. она обвиняла ЕС в стремлении изменить традиционный характер Европы и нанести вред малым европейским народам.

«Содержание программы партии “Народная партия – Наша Словакия”, персональный состав ее руководства, уровень профессионализма, послевыборная активность подтверждают тот факт, что этот политический субъект не намерен следовать стандартным способам реализации политических решений, а является силой, ориентированной на упразднение существующей политической системы... Не существует предпосылок, чтобы современная НПНС интегрировалась в существующую демократическую систему и стала ее частью» [Mesežnikov G., Gyárfášová O., s. 29]. Ее дальнейшее существование представляется авторам возможным в качестве внесистемного субъекта.

Ведущей крайне правой силой в Словакии после падения коммунистического режима в 1989 г. стала Словацкая национальная партия (СНП). В 1992–1998 гг. она была успешным игроком на парламентском поле и партнером по правительственной коалиции Движения за демократическую Словакию (ДЗДС) Владимира Мечиара. В 1998–2006 гг. партия утратила позиции члена правительственной коалиции.

СНП была официально зарегистрирована Министерством внутренних дел Словакии 7 марта 1990 г. Она провозгласила себя наследницей Словацкой национальной партии, созданной в 1871 г. Главной своей целью считала защиту национальной идентичности, интересов и самого существования словацкого народа. В начале 1990-х годов активно выступала за образование независимого словацкого государства, за выход Словакии из состава Чехословацкой

федерации. Затем она сосредоточила свои усилия на борьбе с потенциальной угрозой ирредентизма со стороны венгерского национального меньшинства, проживающего в Южной Словакии.

По результатам выборов в чехословацкий парламент в 1990 г. партия получила 13,9% голосов избирателей и 22 места в Словацком национальном совете. После выборов в 1992 г. она вошла в парламент и стала вместе с ДЗДС членом правительственной коалиции, получив посты двух вице-премьеров и министра образования. В 1994 г. председателем партии стал представитель ее националистического крыла Ян Слота.

Досрочные выборы 1994 г. принесли партии только 5,4% голосов и девять депутатских мандатов. СНП опять заключила с ДЗДС коалиционное соглашение, и ее представители возглавили министерства образования и обороны.

В 1994–1998 гг. партия выдвигала требования ограничить права национальных меньшинств в Словакии, выступала против вступления страны в НАТО и требовала отменить запрет на смертную казнь.

В выборах 1998 г. СНП получила 9,1% голосов избирателей и 14 мест в парламенте. В связи с ее антивенгерской политикой ей не было предложено участвовать в правительственной коалиции. Перейдя в ряды оппозиции, партия резко критиковала действия правительства.

К этому времени также относится углубление внутрипартийных разногласий, приведших в 2001 г. к расколу и образованию новой партии – «Настоящей Словацкой национальной партии» под руководством Яна Слоты. СНП возглавила Анна Маликова.

До выборов 2002 г., несмотря на стремление к объединению, партиям не удалось договориться, и они баллотировались в парламент каждая по своему списку.

Впервые после Бархатной революции 1989 г. словацким националистам не удалось преодолеть 5%-ный барьер, и они не вошли в парламент. Это поражение отрезвляюще подействовало на руководство партий, и в 2003 г. им все же удалось договориться о слиянии. Это объединение положительно отразилось на популярности партии, и в результате парламентских выборов 2006 г. словацкие националистические силы вернулись в парламент.

В случае СНП мы наблюдаем два всплеска ее популярности. Как нам представляется, речь идет о двухвершинной, или бимодальной, кривой.

Структура электората СНП с 1992 г. изменилась. Среди ее сегодняшних избирателей преобладают мужчины без высшего образования, впервые принимающие участие в голосовании. Симпатии к СНП уменьшаются с взрослением ее сторонников и получением ими высшего образования. Те, кто голосует на выборах за СНП, проживают в небольших населенных пунктах. Избиратель СНП 1990-х годов был более образованным, чем нынешний, и проживал в городах (Bútorová, Gyarfášová, s. 6).

Таблица

**Результаты СНП на выборах в Национальный совет
(словацкий парламент) [Slovenská]**

<i>Выборы</i>	<i>Число голосов</i>	<i>Голоса в %</i>	<i>Число мандатов</i>	<i>Положение в парламенте</i>
1990	470 984	13,94%	22	Оппозиция
1992	244 527	7,93%	15	Коалиция с ДЗДС
1994	155 359	5,40%	9	Коалиция с ДЗДС, Крестьянской партией Словакии, Объединением рабочих Словакии
1998	304 839	9,07%	14	Оппозиция
2002	95 633	3,32%	0	Вне парламента
2006	270 230	11,73%	20	Коалиция с «Направление – СД» и с ДЗДС
2010	128 490	5,07%	9	Оппозиция
2012	116 420	4,55%	0	Вне парламента
2016	225 386	8,64%	15	Коалиция с «Направление – СД», «Сеть», «Мост – Híd»

С точки зрения успехов на выборах, представительства в словацком парламенте, участия в органах исполнительной власти Словацкая национальная партия является самым значимым субъектом в секторе праворадикальных словацких политических сил. С момента своего возникновения в 1990 г. первоначально на политической сцене Чехословакии, а затем и в рамках независимого словацкого государства СНП играла значительную роль. Она всегда выступала в качестве защитницы словацких национальных интересов. Радикальный национализм в словацких условиях «запоздлого» строительства государственности рассматривается многими политическими акторами как естественная составная часть политической идентичности [Hloušek, Korescu, s. 224].

В 2006 г. СНП с триумфом вернулась в ряды парламентских партий, получив на выборах в парламент самое большое за всю свою историю количество голосов. В предвыборной программе СНП содержалась критика национальной политики правительства М. Дзуринды, и особенно одного из членов правительственной коалиции – Партии венгерской коалиции (ПВК), и утверждалось, что правительство проводило мадьярофильскую политику, которая формулировалась исключительно представителями ПВК. «СНП обращает внимание на то, что при посредничестве своей партии и заместителя председателя правительства по правам человека и национальным меньшинствам П. Чаки представители ПВК – этнические венгры – заняли все места в отделе национальных культур Министерства культуры СР и отделе национальных школ Министерства образования СР. Таким образом в Словакии на протяжении восьми лет осуществлялась политика дискриминации потребностей остальных национальных меньшинств, проживающих на ее территории» [Volebny, s. 45].

СНП также утверждала, что Партия венгерской коалиции и правительство Венгрии, выступая за признание недействительными послевоенных декретов Бенеша о выселении венгров, используют вопрос о правах национальных меньшинств для пересмотра результатов Второй мировой войны¹.

Помимо выраженной антимадьярской позиции СНП обращалась к национально ориентированному словацкому избирателю, опасаясь ирредентистских настроений словацких венгров, с критикой «аморальных» явлений в обществе, таких как гомосексуализм, педофилия или проституция.

СНП также выдвигала требования создания «словацкого правительства», без представителей венгерского национального меньшинства, и запрета Партии венгерской коалиции.

Участие СНП в правительственной коалиции вызывало определенные опасения в сохранении в Словакии демократического курса в развитии общества. Отвечая на подобные критические высказывания и выступая в защиту СНП, премьер-министр СР Р. Фицо заявил, что «СНП ведет постоянную борьбу против дискримина-

¹ См. в связи с этим книгу: Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений: Документы и материалы. 1944–1951 гг. / Отв. редактор Г.П. Мурашко. – М.: РОССПЭН, 2017. – 464 с.

ции, ксенофобии, экстремистского национализма и шовинизма и пропагандирует правду о холокосте [Programové].

На протяжении всей своей истории СНП являлась устойчивым элементом политической системы современной Словакии и, вернувшись в 2006 г. в парламент и в правительство, она и в настоящее время продолжает занимать эти позиции. Сохраняет поддержку своего электората (около 11%), является лояльным партнером в правительственной коалиции.

Опасения, что участие партии в правительственной коалиции может негативно повлиять на политику по отношению к национальным меньшинствам и на ухудшение словацко-венгерских межгосударственных отношений, пока не находят подтверждения.

Как уже отмечалось выше, СНП являлась членом многих правительственных коалиций. В 1990–2007 гг. в Словакии сменилось пять правительств, и ее представители трижды становились их членами.

Программа СНП в настоящее время по сравнению с началом 90-х годов XX в. изменилась. Весной 1990 г. партия провозгласила своей основной целью «объединить всех словаков на основе национальной идентичности, и общенародных интересов». В этот период главную свою цель она видела в образовании независимого словацкого государства. По ее достижении, в котором она не играла главенствующей роли, СНП стала выступать за развитие словацкой идентичности, укрепление внутреннего единства Словацкой Республики и в защиту национальных словацких интересов. По ее мнению, основную опасность для них представляли Венгрия, Чешская Республика, США, а также венгерское и цыганское национальные меньшинства.

Анализ программных документов СНП свидетельствует об усилении в них антимадьярских положений. СНП, как ни одна партия в Словакии, выступает с резкой критикой национальных меньшинств, и прежде всего венгерского.

Значительные изменения претерпела также экономическая программа партии. От праволиберального понимания экономики и поддержки принципов свободного рынка, масштабной приватизации СНП перешла на позиции поддержки социально-рыночных экономических принципов. Относительно приватизации СНП выступала за ее полную прозрачность и за запрет иностранным компаниям участвовать в приватизации словацких государственных предприятий.

В отличие от большинства праворадикальных партий, выступающих с критикой членства их стран в НАТО, СНП не против участия Словакии в этой организации. Она также поддерживает членство СР в ЕС и европейскую интеграцию на базе национальных государств.

СНП предостерегала Словацкую Республику от роста числа мигрантов в ЕС, которые, по мнению ее лидера Я. Слоты, являются источником терроризма и представляют угрозу безопасности в Европе, в том числе и в Словакии.

СНП выступает за сильное социальное государство, социально ориентированную рыночную экономику с акцентом на поддержку молодых семей. В области социальной политики программа партии содержит противоречия. С одной стороны, в ней провозглашается принцип личной ответственности гражданина, а с другой – принцип солидарности. В сфере социальной политики программа партии предусматривает социальные выплаты детям, родителям, опекунам, студентам, инвалидам. Особое внимание, как уже отмечалось, в ней уделено молодым семьям, вплоть до обещания предоставить каждой молодой семье, которая ожидает рождения ребенка, квартиру. СНП также предлагает увеличить отпуск по уходу за ребенком до шести лет.

Значительное место в программе партии уделяется решению так называемого «цыганского вопроса». В ней различаются две группы цыган: те, которые «способны адаптироваться», и те, кто «не способен к социальной адаптации»; на основе этих различий в программе предлагаются соответствующие способы решения проблем. По отношению к группе цыган, не способных к социальной адаптации, предлагается ограничить рождаемость путем распространения среди них контрацептивов или добровольной стерилизации. Ограничение рождаемости у цыганского населения должно воспрепятствовать использованию детей в качестве источника социальных выплат.

В целом следует отметить, что в настоящее время в Словакии размываются границы между традиционной и экстремистской политикой.

Список литературы

Aktualne problemy Slovenska na prelome rokov 1995–96. – Bratislava, 1996. – 368 s.

- Bútorová Z., Gyárfášová O.* Slovensko a voliči pred voľbami: pohľad za oponu volebných preferencií. – 2006. – Mode of access: http://www.ivo.sk/buxus/docs/vyskum/subor/Slovensko_a_volici.pdf. (Дата обращения: 10.11.2017.)
- Čaban M.* Hledání českého Kotleby. – Mode of access: <http://nazory.e15.cz/komentare/martin-caban-hledani-ceskeho-kotleby-1277525> 8/03/2016 (Дата обращения: 10.10.2017.)
- Hloušek V., Kopeček L.* Politické strany – Původ, ideologie a transformace politických stran v západní a centrální Evropě. – Bratislava, 2010. – 428 s.
- Koncepcia boja proti extrémizmu na roky 2011–2014. číslo: KM-OPVA1–2011/002687 Ministerstvo vnútra Slovenskej republiky. 2011. Materiál na rokovanie vlády Slovenskej republiky. Uznesenie vlády slovenskej republiky 379. – Mode of access: <http://www.rokovania.sk/Rokovanie.aspx/BodRokovaniaDetail?idMaterial=19762>. (Дата обращения: 13.10.2017.)
- Macháček L.* Vztah slovenských občanů k pravicovému extrémizmu. – Mode of access: http://www.rexter.cz/wp-content/uploads/rexter_01_2013_01.pdf. (Дата обращения: 19.10.2017.)
- Mesežnikov G., Gyárfášová O.* Súčasný pravicový extrémizmus a ultranacionalizmus na Slovensku: Stav, trendy, podpora. – Bratislava, 2016. – 52 s. – Mode of access: http://www.ivo.sk/buxus/docs/publikacie/subory/Sucasny_pravicovy_extremizmus_I_VO.pdf. (Дата обращения: 18.10.2017.)
- Programové vyhlásenie vlády SR na roky 2016–2020. – Mode of access: <http://www.vlada.gov.sk/programove-vyhlasenie-vlady-sr-na-roky-2016-2020/> (Дата обращения: 18.10.2017.)
- Slovenská národná strana. – Mode of access: https://cs.wikipedia.org/wiki/Slovensk%C3%A1_n%C3%A1rodn%C3%A1_strana (Дата обращения: 18.10.2017.)
- Stejskalová P.* Analýza vybraných krajně pravicových stran Visegrádských zemí. – Brno. – 2009. – Mode of access: https://is.muni.cz/th/143892/fss_m/Text_prace.doc.txt (Дата обращения: 18.10.2017.)
- Voľebny program SNS pro voľbu. – 2006. – Mode of access: <http://www.sns.sk/dokumenty/program-strany/> (Дата обращения: 18.10.2017.)

В.Н. Бабенко

ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

Аннотация. Рассматриваются истоки правого радикализма и национализма на Украине, деятельность праворадикальных партий и объединений в декабре 1991 г. – феврале 2014 г., влияние правого радикализма на государственную политику Украины в 2014–2017 гг.

Ключевые слова: Украина; правый радикализм; националистические партии и объединения; государственная политика; УНА-УНСО; «Правый сектор».

V.N. Babenko

Radical right in state politics of modern Ukraine

Annotation. Considers the roots of right radicalism and nationalism in the Ukraine, rightradical parties and associations activities in December 1991 – February 2014, the influence of right radicalism on the state politics of the Ukraine in 2014–2017.

Keywords: Ukraine; radical right; nationalistic parties and associations; state politics; UNA-UNSO; «Right sector».

Рассматривая правый радикализм как систему идей и действий в социально-политической сфере, следует обратить внимание на то, что их главной целью является кардинальное изменение общественных отношений и государственных институтов. Получив возможность сформировать политические партии, лидеры праворадикальных движений неизбежно стремятся к захвату политической власти и принципиальному изменению государственной политики. Так произошло в 1933 г., когда Национал-социалистическая рабочая партия Германии во главе с Гитлером легитимно пришла к власти и вскоре провозгласила фашистскую диктатуру. На Украи-

не же праворадикальные и националистические партии сыграли определяющую роль в подготовке и совершении в феврале 2014 г. государственного переворота, в результате которого их лидеры получили высокие государственные должности и оказывают большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. Характерной особенностью деятельности этих политиков стала русофобия, основанная на полном отрицании многовековой совместной с Россией истории, культурных традиций и ценностей. Основы формирования нынешних праворадикальных и националистических организаций на Украине были заложены в период становления украинской государственности (1917–1920). Созданные в эмиграции, они пытались реализовать свои идеи в межвоенный период и в годы Второй мировой войны. Однако после завершения Великой Отечественной войны, когда на территории западных областей Украины были ликвидированы последние очаги националистического сопротивления и установлена советская государственность, праворадикальные идеи и концепции были в основном поглощены коммунистической идеологией.

Истоки правого радикализма и национализма в Украине

После установления советской власти на большей части территории Украины «в отличие от Кавказа, большевикам удалось, – как отмечает английский политолог У. Аллен, – привлечь в свои ряды гораздо больше сепаратистов, которые входили когда-то в состав Рады и Директории». Такая политика советского государства позволила наладить отношения с украинскими крестьянами не потому, что они «симпатизировали националистической идеологии Рады или Директории, просто лидеры украинских националистов, благодаря своему социальному происхождению, оказались ближе к хлеборобам, чем люди, возглавлявшие различные комитеты коммунистической партии и советской администрации» [Аллен, 2017, с. 373]. Тем не менее в 1930-е годы начались политические процессы, в ходе которых активные сторонники украинизации и противники коллективизации «были обвинены в поддержке связей с националистическими политическими организациями в Галиции», входившей в тот период в состав Польши [Аллен, 2017, с. 377]. В то же время за рубежом начали создаваться националистические организации, главной целью которых являлась борьба за

«самостийную Украину». Так, в 1920 г. в Праге была образована Украинская военная организация (УВО), которую возглавил Е. Коновалец. Затем стали возникать другие праворадикальные организации: в Чехословакии – «Группа украинской национальной молодежи» и «Легион украинских националистов»; во Львове, принадлежавшем тогда Польше, был образован «Союз украинской националистической молодежи».

В конце 1920-х годов в Вене в результате объединения отдельных националистических организаций и групп была учреждена Организация украинских националистов (ОУН) во главе все с тем же Е. Коновальцем. Причем руководящие органы ОУН были расположены в таких городах Европы, как Берлин, Брюссель, Женева, Париж и Прага. При ОУН формировались также вооруженные отряды, которые осуществляли нападения на государственные учреждения и покушения на представителей польской власти.

После начала Второй мировой войны ОУН получила широкие возможности для активизации своей борьбы. Так, в сентябре 1939 г. немецкое командование освободило из польских тюрем руководителей и активных деятелей ОУН. Противоборство, возникшее тогда между двумя из них – С. Бандерой и А. Мельником, привело в апреле 1941 г. к расколу ОУН на две организации. Тем не менее фашистская Германия оказала большую поддержку украинским националистическим организациям. В марте-апреле 1941 г. с ее одобрения были сформированы два батальона: «Рональд» и «Нахтигаль», которые затем принимали активное участие в борьбе с партизанским движением и частями Красной армии в ходе Великой Отечественной войны. Уже 23 июня 1941 г. по поручению руководителя ОУН С. Бандеры был направлен А. Гитлеру Меморандум, в котором указывалось: «ОУН, которая ведет украинский народ в его революционной борьбе за создание украинского государства, исполнена глубокой веры, что нынешний военный поход на Москву уничтожит разлагающее еврейско-большевистское влияние в Европе и окончательно разобьет русский империализм» [Украинские... 2012, с. 320].

Весной 1943 г. была образована Украинская повстанческая армия (УПА), отряды которой на территории Волыни и Полесья вели борьбу против партизан, а затем и против наступавших подразделений Красной армии. В ходе так называемой Волынской резни, пик которой был достигнут в июле 1943 г., отряды УПА изуверским образом уничтожили, по различным оценкам, от 50 до

80 тыс. поляков, не пощадив при этом детей, женщин и стариков. Л.С. Лыкошина приводит еще большую численность жертв. Она отмечает, что поляки «имеют свои исторические претензии к украинцам за Волынскую резню 1943–1944 гг., когда украинцы вырезали до 100 тысяч поляков на Волыни» [Лыкошина, 2016, с. 90].

Даже после завершения войны отряды УПА предпринимали активные военные действия. В 1945–1946 гг. такие операции проводились на территории Польши, Закарпатья и Словакии, а в 1947–1949 гг. – в Закарпатье, Румынии и Восточной Пруссии. Однако, понеся ощутимые потери, они вынуждены были уйти через Чехословакию на территорию Германии и Австрии. А после гибели 5 марта 1950 г. командира УПА Р. Шухевича вооруженные вылазки украинских националистов стали постепенно прекращаться.

В послевоенный период в западных областях Украины борьба за «самостийную Украину», казалось, сошла на нет. Однако распад СССР и провозглашение независимости Украины способствовали возрождению прежних националистических идей.

Праворадикальные и националистические партии и объединения в постсоветской Украине (декабрь 1991 г. – февраль 2014 г.)

Идеи правого радикализма и национализма всегда возникали на переходных этапах развития отдельных государств. Нередко это было связано с периодом становления национальной государственности. Такая ситуация возникла и на Украине, которая до этого практически не имела опыта самостоятельного государственного развития. В сознании отдельных категорий населения Западной Украины сохранилась память о борьбе против советской власти вооруженных отрядов ОУН, УПА и других националистических организаций. Это, несомненно, способствовало возрождению на Украине праворадикальных и националистических партий и объединений. 30 июня 1990 г. была образована Украинская межпартийная ассамблея (УМА), объединившая несколько националистических партий и общественных организаций. 8 сентября 1991 г. УМА была переименована в Украинскую национальную ассамблею (УНА). После провала «августовского путча» в Москве она начала создавать военные формирования, которые получили название «Украинская национальная самооборона» (УНСО). УНА и

УНСО в 2015 г. были официально зарегистрированы Министерством юстиции Украины как единая политическая организация под общим названием УНА-УНСО. К тому же УНСО при этом стали расшифровывать как Украинская националистическая самооборона.

В.Р. Секачев¹ отмечал, что эти партии в своей деятельности широко применяли не только пропагандистские акции, но и «террористические действия: избиения неугодных журналистов, налеты на офисы политических оппонентов, нападения на православные приходы Московской патриархии с целью их передачи “национальным церквям”...» [Секачев, 2005, с. 327]. Он считает, что некоторые члены УНСО участвовали в 1994 г. в военных действиях в Чечне на стороне режима Дудаева. «Своей целью УНСО объявляет повсеместную борьбу с русским империализмом – от Прибалтики до Дальнего Востока (“Зеленого Клина”) – и создание Украинской империи. Большая Украина, по мнению руководителей организации, должна включить в себя все земли бывшего СССР, где украинцы составляли большинство населения: части России, Белоруссии, Казахстана и т.п.» [Секачев, 2005, с. 323–324].

В начале XXI в. партийный блок В. Ющенко «Наша Украина» объединил оба крыла движения «Рух», Конгресс украинских националистов, а также партию «Реформы и порядок» Галичины. Это позволило блоку «Наша Украина» на парламентских выборах в 2002 г. победить в 15 областях (Галичина – 70%, Волянь – 56, Правобережье – от 24 до 35% голосов) и завоевать 118 из 450 мест в Верховной раде Украины [Секачев, 2005, с. 339].

В.Р. Секачев отмечал, что бывший президент Л. Кучма оказывал поддержку праворадикальным партиям и националистическим движениям на Украине. В результате такой политики ухудшилось положение русскоязычного населения и заметно снизился статус русского языка. В 1996–2000 гг. количество учеников, обучавшихся на русском языке, уменьшилось на Украине на 579 тыс. человек, число русскоязычных школ – на 541. Это происходило даже в русскоязычных регионах, за исключением Донбасса. А в восьми областях Западной Украины, где проживало 740 тыс. рус-

¹ Василий Романович Секачев (1967–2016), протоиерей, настоятель Троицкого и Воскресенского храмов при НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского. Имея историческое образование, опубликовал ряд статей по российской истории. – *Прим. ред.*

ских, «осталось, – указывает В.Р. Секачев, – лишь 13 школ с обучением на русском языке» [Секачев, 2005, с. 341].

Он обращает внимание на то, что в Украине «интегральный национализм выходит за рамки политического движения, превращаясь в инструмент государственной политики». Дальнейшее насаждение национализма «с помощью рычагов, которыми располагает украинское государство, может иметь самые катастрофические последствия для русско-украинских отношений, для будущего как Украины, так и России» [Секачев, 2005, с. 342–343]. Как показали последующие события, этот прогноз полностью подтвердился.

В 1991 г. была учреждена Социал-национальная партия Украины (СНПУ), которая стала выступать с крайне радикальными националистическими лозунгами. В феврале 2004 г. она получила название Всеукраинского объединения «Свобода», лидером которого стал Олег Тягнибок.

В конце 2000 г. в Киеве по инициативе националистических партий и организаций начались массовые выступления под лозунгом «Украина без Кучмы». Это была, по мнению бывшего премьер-министра Украины Н.Я. Азарова, «первая попытка государственного переворота». Именно тогда возникли «первые проявления того майданного движения, в котором главную скрипку играли радикалы типа УНА-УНСО, национал-фашисты и прочее отребье, которое сделало все, чтобы разрушить украинскую экономику, развалить страну» [Азаров, 2017, с. 54]¹.

В распространении национализма и популизма на Украине сыграла свою роль и книга бывшего президента Л. Кучмы «Украина – не Россия» [Кучма, 2004]. В ней он упрекает россиян в непонимании и неприятии тех изменений, которые произошли в политической и социально-экономической сферах украинского общества. В то же время он явно лукавит, утверждая, что у двух государств разные исторические судьбы, у народов различные самоощущения и совершенно не схожие культурно-языковые ситуации.

Выделив различия между Украиной и Россией, политик пытается обосновать свою позицию следующим образом: «В России отсутствуют параллели к целому ряду специфически украинских проблем – таких как не преодоленный постокраинный синдром,

¹ 12 января 2015 г. специальная комиссия Международной полицейской организации по запросу украинской стороны объявила Азарова в международный розыск Интерпола. – *Прим. ред.*

незавершенность формирования национального сознания, борьба вокруг государственного языка, последствия Чернобыля, напряженность между греко-католиками и православными, раскол в православии, резкое несходство западных и восточных регионов, продолжающееся выяснение отношений с прошлым (включая далекое прошлое), проблема ветеранов УПА, энергозависимость, поддержание необходимой частоты в электрических сетях» [Кучма, 2004, с. 507].

Л. Кучма вынужден был также признать, что среди его соотечественников имеются «люди, для которых национальная самоидентификация Украины сводится к лозунгу: «Чтобы все было не как у москалей» [Кучма, 2004, с. 23–24].

Вскоре на Майдане представители националистических партий и организаций заявили о своих политических амбициях и готовности любыми средствами бороться против «москалей» и против всего, что связано с Россией. К сожалению, руководство Украины во главе с Л. Кучмой (1994–2004) ничего не сделало для предотвращения широкого распространения в стране националистических идей и русофобии.

Во время президентских выборов 2004 г. В. Ющенко широко пользовался поддержкой праворадикальных националистических партий и организаций. В период его президентства «националисты почувствовали вкус власти и ощутили, – как отмечал С. Лунев, – свою безнаказанность, когда заполняли своими флагами митинги в честь государственных мероприятий» [Лунев]. 12 октября 2007 г. президент Украины В. Ющенко присвоил С. Бандере и Р. Шухевичу, сотрудничавшим с гитлеровской Германией, звания героев Украины, их именами стали называть площади и улицы.

Став в 2010 г. президентом Украины, В. Янукович фактически не реагировал на провокации националистов из партии «Свобода» 9 мая 2011 г. во Львове, где они не позволили пожилым людям почтить память погибших советских солдат и офицеров в годы Великой Отечественной войны. Политика попустительства и заигрывания с националистами привела к тому, что на парламентских выборах 2012 г. националистическая партия «Свобода» получила более 10% голосов избирателей.

С. Лунев подчеркивает, что в независимой Украине нацизм «взрачивался, культивировался средствами массовой информации», а новая система образования способствовала воспитанию «своими учебными программами всех этих “свободовцев”, “нео-

бандеровцев” и “тризубовцев”, героизировала их предшественников и по умолчанию оправдала поступки потомков». Он приходит к выводу о том, что «независимая Украина фактически собственными руками вырастила убийц своей государственности, поскольку молодые и ничего не желающие знать националисты сегодня готовы к противостоянию с властью, что в конечном итоге может привести к фактическому расколу страны» [Лунев].

После принятого 21 ноября 2013 г. решения правительства Украины о приостановке процесса подготовки к подписанию соглашения с ЕС об ассоциации был организован так называемый Евромайдан. В нем приняли активное участие наряду с представителями партий «Наша Украина» и «Удар» праворадикальные националистические партии и движения. К ним относятся, прежде всего, УНА-УНСО, партия «Свобода» и националистическая организация «Братство», представители которых организовали попытку захвата здания Администрации президента и Кабинета министров, что привело к ожесточенным столкновениям с силами правопорядка. Они участвовали также в захвате здания городской администрации г. Киева и Дома профсоюзов.

Лидер партии «Свобода» О. Тягнибок, выступая 1 декабря 2013 г. на Майдане, призывал своих сторонников к захвату власти, к государственному перевороту. 30 сентября 2016 г. на конференции, посвященной 25-летию юбилею партии «Свобода», он заявил: «Наша антикоммунистическая и антимоскальская идеология неизменна 25 лет. Мы, социал-националисты, предрекали потерю Крыма, предвосхитили войну. Мы боролись против красной чумы 25 лет!» [Тягнибок...].

Ситуацию с безнаказанностью националистов политолог С. Черняховский объяснил слабостью и снисходительностью президента Украины В. Януковича. Он отметил, что на Майдане «в силовых действиях европутчистов наиболее активное и агрессивное участие принимали боевики Тягнибока и его “Свободы”». Кроме того, по его мнению, «предвыборная кампания этой, многими считающейся профашистской, организации проводилась при почти нескрываемой поддержке Партии регионов и администрации Януковича» [Черняховский...].

В декабре 2013 – феврале 2014 г. в Киеве возник «Правый сектор», в который вошли активисты нескольких националистических партий и организаций. К ним следует отнести «Тризуб», УНА-УНСО, партию «Свобода», «Патриот Украины», «Самообо-

рону Майдана» и др. 21 июля 2015 г. на всеукраинском съезде он был преобразован в Национально-освободительное движение «Правый сектор», которое возглавил Д. Ярош.

Лидеров этих партий поддержали известные в то время западные политики, такие как Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон, заместитель госсекретаря США В. Нуланд, сенатор США Дж. Маккейн, министр иностранных дел Польши Р. Сикорский и др. США и западноевропейские страны оказывали большую финансовую и моральную поддержку участникам Евромайдана, напрямую вмешиваясь во внутренние дела суверенного государства. Они упрекали при этом В. Януковича в несоизмеримом применении силы в отношении отдельных лиц, штурмовавших здания Администрации президента и Кабинета министров Украины. Вместе с тем в СМИ впоследствии приводились доказательства того, что расстрел правоохранительных сил и участников выступлений был организован руководителями Евромайдана, которые до сих пор занимают высокие государственные посты. Немецкий политолог, работающий в Киево-Могилянской академии, А. Умланд, и украинский политолог А. Шеховцов в событиях, происходивших на Евромайдане, выделяют два ультраправых движения: 1) всеукраинское объединение «Свобода», сотрудничавшее с «еще более радикальными маргинальными внепарламентскими группами, с такими как «С 14» и Украинская повстанческая армия (УПА), – явная ссылка на историческую УПА 1940–1950 гг.»; 2) «Правый сектор» в конце января 2014 г. насчитывал лишь около 300 членов, но постепенно стал «ядром насильственного сопротивления внутри всего антиправительственного движения» [Умланд А., Шеховцов А., 2014]. В марте 2014 г. «Правый сектор» был зарегистрирован в качестве политической партии. Активная деятельность праворадикальных партий на Евромайдане способствовала тому, что «удалось в значительной степени сформировать международный имидж проевропейских акций, несмотря на то что совокупный президентский рейтинг лидеров “Свободы” и “Правого сектора” – Олега Тягнибока и Дмитрия Яроша соответственно – составляет менее 4%» [там же].

Как отмечается в газете «Вашингтон Пост», «существование “Правого сектора” подрывает авторитет официального Киева в Европе: если мирный процесс когда-нибудь придет в движение, эти группировки, скорее всего, отвергнут любые компромиссы и

ввергнут нестабильный регион в еще более глубокий конфликт». По мнению авторов публикации, «противостояние “Правого сектора” и украинской элиты, а также стремление к протесту – подарок Кремлю» [The Washington Post...].

Французский политолог К. Моро считает, что В. Янукович попытался использовать слабость украинской оппозиции, дискредитировавшей себя союзом с неонацистской «Свободой», и решил отказаться «от своей предвыборной программы по сближению с Россией и приданию русскому языку официального статуса, начав подготовку соглашения об ассоциации с Евросоюзом». Видимо, он полагал, что на президентских выборах 2015 г. «юго-восток все равно проголосует за него, даже если будет чувствовать себя обманутым» [Моро, 2016, с. 63]. Но, осознав свои просчеты, отказался подписать Соглашение об ассоциации с Евросоюзом. В декабре 2013 г. «буквально загнанный в угол Евросоюзом он обращается к России, так и не вступив в Таможенный союз» [там же, с. 67–68]. Однако к тому времени В. Янукович уже полностью потерял поддержку политических элит Украины, на которых оказывали большое влияние их западные покровители во главе с США. Надвигавшийся новый Майдан он уже не смог остановить. «Государственный переворот, который 21 февраля 2014 года осуществили самые радикальные участники Майдана, – указывает К. Моро, – положил конец преемственности украинской Конституции, худо-бедно пережившей “оранжевую революцию” и 23 года общей неразберихи» [Моро, 2016, с. 91].

Бывший премьер-министр Украины Н.Я. Азаров подчеркивает, что «Майдан был прямой диверсией против народа Украины организаторов переворота, олигархов и их зарубежных покровителей» [Азаров, 2015, с. 478]. Он резко критикует нынешнюю киевскую власть: «Мало того, что почти полгода на Украине действовал не предусмотренный никаким законодательством исполняющий обязанности Президента, но этот деятель взял еще на себя ответственность подписать Указ о проведении антитеррористической операции (АТО), в результате которой погибли десятки тысяч граждан Украины, причинен колоссальный ущерб народному хозяйству, разрушены города и села, заводы и фабрики, угольные шахты и теплоэлектростанции» [Азаров, 2015, с. 486].

Бывший министр внутренних дел Украины В. Захарченко указывает, что «после вооруженного государственного переворота ни о каком правовом государстве на Украине не может быть и ре-

чи», так как всю страну захлестнула «волна преступности, а создателями, вдохновителями и проводниками этого правового беспредела являются нынешние правители». Он справедливо полагает, что нельзя «закрывать глаза на убийства журналистов и политиков, на исчезновение людей, на преследование любого инакомыслия, на вооруженные разбойные нападения, ставшие обычным делом, и прочие преступления, совершенные под “патриотическими” лозунгами» [Захарченко, 2016].

Правый радикализм в «постмайданной» Украине (2014–2017)

«Наиболее очевидным объяснением активного участия украинских крайне правых в Евромайдане является, – считают А. Умланд и А. Шеховцов, – его первоочередная цель, а именно: выход Украины из сферы влияния Москвы – главное требование всех украинских националистов, будь то умеренных или радикальных» [Умланд А., Шеховцов А., 2014].

Нынешнее руководство Украины, легитимность которого многие эксперты оспаривают, не является самостоятельным. Поэтому решить острые внутривластные и социально-экономические вопросы даже в условиях массированного распространения русофобии в стране и добиться обещанной США и Евросоюзом необходимой помощи оно не в состоянии [Бабенко, 2016, с. 127]. Кроме того, на президента и правительство оказывают большое влияние лидеры праворадикальных националистических партий и объединений. Говорить в такой ситуации о продуманной государственной политике Украины нет оснований.

К сожалению, осуществлявшаяся в 2014–2017 гг. правовая и социально-экономическая политика украинского руководства неизбежно вела страну к катастрофе. Под различными предлогами не выполняются Минские соглашения по урегулированию ситуации в Донбассе, подготовленные при активном участии лидеров Германии, Франции и России. Дошло до того, что на Украине фактически с согласия главы государства необандеровские организации агрессивно препятствовали участию более 80 тыс. российских граждан в выборах в Государственную думу РФ 18 сентября 2016 г. в посольстве и консульствах России, грубо нарушая при этом нормы международного права. В результате организованных

провокаций проголосовать удалось только нескольким сотням российских граждан, проживавших или работавших на территории Украины. Кроме того, 20 сентября 2016 г. Верховная рада Украины не признала легитимность нового состава Государственной думы РФ. В то же время ведущие международные организации, участвовавшие в парламентских выборах в России в качестве официальных наблюдателей, не выявили серьезных нарушений. Тем не менее такая недалководидная позиция украинских законодателей привела к свертыванию межпарламентского сотрудничества между двумя странами и негативно сказывается на развитии российско-украинских отношений.

Президент П. Порошенко в своих выступлениях часто на фоне безудержной русофобии декларирует приверженность Украины европейским ценностям и нормам международного права. Однако на практике такие тяжкие преступления, как расстрел участников Майдана, сожжение 48 жителей Одессы, убийство О. Бузины, других государственных и общественных деятелей, совершенные боевиками праворадикальных националистических партий, расследуются формально, а преступники, как правило, остаются на свободе. Это свидетельствует о том, что правоохранительные органы с молчаливого согласия руководства Украины при их расследовании руководствуются целесообразностью так называемой «революции достоинства», а точнее, неписаными принципами «майданного» права. Этого не скрывают и лидеры праворадикальных партий. Так, руководитель партии «Братство» Д. Корчинский в интервью украинскому интернет-порталу «Апостроф» на вопрос корреспондента, что бы он сделал с главой ДНР А. Захарченко, если бы он попал в плен, не задумываясь, ответил: «Застрелил бы» [Украина... 2016]. Кроме того, он выразил надежду, что «в ближайшее время снова будет политический кризис или национальная катастрофа в Российской Федерации» и это необходимо использовать, по его мнению, чтобы «отбить все наши земли: и Крым, и Донбасс, и Ростов, и Кубань...» [Украина... 2016].

Характеризуя деятельность политических сил, пришедших к власти в результате государственного переворота 2014 г., Н.Я. Азаров приходит к выводу, что «исполняя Гимн Украины, обвязываясь государственным флагом и везде рассуждая о своей якобы любви к Украине и ненависти к России, эти люди разрушили потенциально богатую и цветущую страну, привили добродушным украинцам ненависть и злобу». В результате такой политики Украина

получила, считает он, «полную зависимость от США, готовность на любых условиях выклянчивать кредиты у МВФ, невиданный разгул преступности, нищенский уровень заработных плат и пенсий» [Азаров, 2017, с. 93].

Невольно возникает вопрос: как могло случиться, что после провозглашения независимости украинского государства несколькими десятками тысяч радикально настроенных граждан Западной Украины в течение 25 лет удалось сформировать праворадикальные организации и группы на основе бандеровской, по существу, неонацистской идеологии? Они последовательно укрепляли свои организации, преобразовав многие из них в политические партии, которые были официально зарегистрированы Министерством юстиции Украины. Руководство страны широко использовало их ресурс в своих интересах в ходе парламентских и президентских выборов. Активное участие праворадикальных и националистических партий и организаций в 2004 г. в выступлениях на Майдане не смогло остудить горячие головы некоторых представителей политической элиты Украины. Лидеры этих партий и движений смогли в феврале 2014 г. совершить государственный переворот, в результате которого одни олигархические элиты были заменены другими.

За ситуацией в Украине с особым вниманием следят в Польше. По мнению российского политолога С. Жильцова, «амбициозные задачи польской политики ставят вопрос об усилении влияния на Киев, в том числе по такой острой для двух сторон проблеме, как оценка деятельности Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА)». В то же время он указывает, что «героизация УПА, Степана Бандеры, приверженность идеологии украинского национализма стала частью украинской политики» [Жильцов, 2017]. Однако критические заявления со стороны Я. Качиньского и других официальных лиц Польши относительно такой политики игнорируются руководством Украины. Тем не менее «в Польше видят угрозу в агрессивном украинском национализме, который официальный Киев возвел в ранг государственной политики» [Жильцов, 2017].

Известно, что Польша оказала Украине большую поддержку и в период подготовки государственного переворота 2014 г., и в стремлении вступить в Евросоюз и НАТО. Однако в последнее время польское руководство все чаще обращает внимание киевской власти на то, что националистические тенденции в украинской политике являются нежелательными для дальнейшего сбли-

жения Украины с ЕС. Так, 4 июля 2017 г. министр иностранных дел Польши В. Вашиковский заявил: «Хуже всего, конечно, исторические вопросы. Наше послание очень четкое: с Бандерой вы в Европу не войдете». Кроме того, он указал на наивную веру украинского руководства в то, что «европейцы, немцы, французы победят за них в конфликте с Россией» [Невъездная история, 2017].

27 сентября 2016 г. в Верховной раде президент Израиля Р. Ривлин, выступая на парламентских слушаниях, посвященных 75-й годовщине трагедии в Бабьем Яре, напомнил украинским депутатам о кровавых преступлениях ОУН-УПА в отношении евреев, 1,5 миллиона которых были жестоко убиты в период Великой Отечественной войны на территории Украины. На это резко отреагировал О. Тягнибок. Он сказал, что президент Израиля в своем выступлении «оскорбил весь украинский народ под смехи депутатов Рады» [Тягнибок...]. Касаясь проблемы уничтожения памятников и переписывания истории Второй мировой войны на Украине, израильский политолог А. Эскин задает украинскому руководству вопрос: «Как можно строить государственность на фундаменте безнравственности и неблагодарности?» [Эскин, 2017].

Современные праворадикальные и националистические партии принимали активное участие в формировании так называемых добровольческих батальонов, которые затем были включены в состав Национальной гвардии Украины и стали называться территориальными батальонами. Они активно участвовали в боевых действиях в Донбассе, широко применяя методы ведения карательных операций, использовавшиеся в период Великой Отечественной войны подразделениями гитлеровского вермахта и УПА. Среди них можно назвать батальоны «Азов», «Донбасс», «Айдар», «Шахтерск», «Днепр», Добровольческий украинский корпус «Правого сектора», Добровольческий батальон УНСО и др. В их состав входят преимущественно лица, имеющие судимости, представители праворадикальных партий и некоторых зарубежных государств.

14 октября 2016 г. на съезде националистической партии «Патриот Украины» она была переименована в «Национальный корпус», а ее лидером был избран депутат Верховной рады, бывший командир батальона «Азов» Андрей Билецкий. В своей программе эта партия ставит задачу восстановления ядерного статуса Украины и выступает за разрыв дипломатических, торгово-экономических и культурных связей с Россией.

Следует отметить, что представители УНА-УНСО и других националистических партий принимали активное участие в следующих вооруженных конфликтах: 1) в Нагорном Карабахе – на стороне Азербайджана; 2) в приднестровском конфликте – на стороне Приднестровской Молдавской Республики; 3) в грузино-абхазской войне – на стороне Грузии; 4) в первой чеченской войне – на стороне Чеченской Республики Ичкерия; 5) в войне за независимость Хорватии – на стороне Хорватии; 6) в военных действиях в Боснии – на стороне Республики Сербской; 7) в сражениях в Косове – на стороне Югославии; 8) в войне в Южной Осетии – на стороне Грузии; 9) в вооруженном конфликте в Донбассе – на стороне Украины.

А. Умланд и А. Шеховцов считают, что «антиимпериалистическая, национально-освободительная направленность украинских крайне правых групп приближает их к большинству других украинских партий, которые намного более однозначно проевропейски ориентированы, нежели “Свобода” и “Правый сектор”» [Умланд А., Шеховцов А., 2014].

* * *

Таким образом, в основу внутренней и внешней политики современной Украины положена безудержная русофобия, инициированная праворадикальными и националистическими партиями и объединениями. В последние годы парламентом и правительством Украины были приняты соответствующие законы и постановления, за нарушение которых устанавливаются достаточно высокие штрафы и суровые санкции (вплоть до пяти лет тюремного заключения). К ним следует отнести принятый в мае 2015 г. так называемый закон о декоммунизации («Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрете пропаганды их символики»). В соответствии с данным законом запрещаются гербы, флаги и гимны СССР, советских республик, изображения серпа и молота, памятники и портреты работников советских органов, цитаты советских руководителей, названия городов и улиц, связанные с коммунистическими деятелями и советской властью. Необходимо заметить, что при применении этого закона используются двойные стандарты. Так, например, проспект Ватутина в Киеве был недавно переиме-

нован в проспект Шухевича, который находился на службе у нацистской Германии и совершил тяжкие преступления против человечества.

В сентябре 2015 г. было принято решение о запрете прямых авиаперевозок из России в Украину, в результате чего больше всего пострадали украинские граждане.

В марте 2016 г. в Украине был введен запрет на трансляцию российских фильмов, произведенных или впервые показанных после 1 января 2014 г. В октябре 2016 г. было запрещено использование российских платежных систем, к которым обращались в основном украинские граждане, выезжавшие на заработки в Россию и переводившие значительные средства своим родственникам.

16 марта 2017 г. праворадикальными партиями «Свобода», «Национальный корпус» и «Правый сектор» был принят «Национальный манифест», в котором провозглашалась своя программа, включающая такие меры, как изгнание российского бизнеса и социальных сетей из Украины, введение процедуры импичмента, запрета на продажу сельскохозяйственных земель и др. Значительная часть положений данного манифеста руководством Украины уже выполнена.

В апреле 2017 г. правительство Украины приняло постановление «Об ограничении доступа на рынок страны иностранной печатной продукции антиукраинского характера», в результате которого практически полностью прекратились поставки книжной продукции из России, от чего пострадали прежде всего русскоязычные граждане Украины.

12 июня 2017 г. введен в действие закон о георгиевской ленточке, в котором запрещается ее производство и ношение. Нарушившие его будут подвергаться достаточно высокому штрафу или аресту до 15 суток. Этим законом украинское руководство стремится уничтожить память о ветеранах Великой Отечественной войны, их героическом подвиге в борьбе с гитлеровской Германией.

Выступая в Гамбурге на пресс-конференции, посвященной результатам саммита G 20, президент РФ В. Путин подчеркнул, что интересы народов России и Украины совпадают, а «не совпадают, может быть, интересы сегодняшнего руководства Украины и некоторых политических кругов сегодняшней Украины», которые широко применяют русофобию и «политику разделения России и Украины, растаскивания двух народов и двух государств» [Двадцать и два, 2017, с. 2].

В целом в государственной политике современной Украины русофобские идеи праворадикальных и националистических партий и объединений нашли свое реальное воплощение. Так, во внешней политике Украины правый радикализм проявляется следующим образом: во-первых, украинское руководство, провозгласив главной задачей вступление Украины в Евросоюз и НАТО, опирается в достижении данных целей на праворадикальные и националистические партии с их идеями, противоречащими декларируемым европейским ценностям; во-вторых, для реализации этой задачи и массового зомбирования населения была поставлена цель полностью разорвать политические, экономические и культурные связи с Россией, широко используя при этом фальсификацию совместной многовековой истории двух народов. Проявление правого радикализма во внутренней политике Украины находит отражение в жестком преследовании инакомыслия, в насаждении псевдопатриотических настроений, в искаженной интерпретации исторического прошлого, в борьбе против отдельных категорий граждан своей страны. Жаль, что страдает от этого народ Украины, принесший в XX в. в жертву миллионы своих соотечественников ради счастливого будущего страны.

Список литературы

- Азаров Н.Я.* Украина на перепутье. Записки премьер-министра. – М.: Вече, 2015. – 512 с.
- Азаров Н.Я.* Уроки Майдана. Украина после переворота. – М.: Вече, 2017. – 320 с.
- Аллен У.* История Украины. Южнорусские земли от первых киевских князей до Иосифа Сталина / Пер. с англ. яз. Е.В. Ламановой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2017. – 415 с.
- Бабенко В.Н.* «Майданная» Украина (2005–2014): Между Россией и Евросоюзом // Россия и современный мир. – М., 2016. – № 3. – С. 115–128.
- Двадцать и два // Российская газета. – М., 2017. – № 149, 10 июля. – С. 1, 2.
- Жильцов С.* Польша выступает против украинского национализма: Варшава поставила Киеву жесткое условие для вхождения в Европу // Независимая газета. – М., 2017. – № 30, 13 февраля. – С. 11.
- Захарченко В.* Беспредел на страже власти // Известия. – М., 2016. – № 153, 22 августа. – С. 6.
- Кучма Л.Д.* Украина – не Россия. – М., 2004. – 559 с.
- Лунев С.* Совершеннолетие украинского национализма. – Режим доступа: <https://oko-planet.su/politik/politikday/68721-sergey-lunev-sovershennoletie-ukrainskogo-nacionalizma.html> (Дата обращения: 5.11.2013.)

- Лыкошина Л.С.* Национальные меньшинства в контексте политического развития Республики Польша // Восточная Европа: Межгосударственные и этносоциальные отношения в XXI в.: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; Отв. ред. Игрицкий Ю.И., Шаншиева Л.Н. – М., 2016. – С. 81–106.
- Моро К.* Украина: В чем ошиблась Франция? / Пер. с фр. А.Л. Астаниной, Е.А. Беляевой. – М.: Фонд исторической перспективы, 2016. – 160 с.
- Невзвездная история: Польша определила для Украины рамки возможной «евроинтеграции» // Российская газета. – М., 2017. – № 146, 6 июля. – С. 8.
- Секачев В.Р.* Украинский национализм и украинцы // Социальное согласие против правого экстремизма. – М., 2005. – Вып. 3–4. – С. 313–343.
- Тягнибок призвал однопартийцев захватить власть на Украине. – Режим доступа: <http://ukraina.ru/news/20160930/1017579334.html> (Дата обращения: 10.07.2017.)
- Черняховский С.* Евросоюз готовит Украине такую же участь, как Гитлер – Австрии. – Режим доступа: <http://www.rm.ru/world/2013/12/02/viktor-yanukovich/726622-evrosoyuz-gotovit-ukraine-takuyu-zhe-uchast-kak-gitler-avstrii> (Дата обращения: 12.06.2017.)
- Украина должна быть готова освободить Крым, Донбасс, а также Ростов и Кубань. – Режим доступа: <http://apostrophe.ua/article/politics/2016-08-21/ukrainadoljna-byit-gotova-osvobodit-kryim-donbass-a-takje-rostov-i-kuban/6919> (Дата обращения: 10.07.2017.)
- Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: Документы: В 2 т. / Под ред. А.Н. Артизова. – М.: РОССПЭН, 2012. – Т. 1: 1939–1943. – 878 с.
- Умланд А., Шеховцов А.* Украинские правые радикалы, евроинтеграция и неонацистская угроза. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2014/05/21/ukraine/> (Дата обращения: 10.07.2017.)
- Эскин А.* Фундамент безнравственности // Известия. – М., 2017. – № 122, 6 июля. – С. 5.
- The Washington Post: Украина закрывает глаза на праворадикальные военные группировки. – Режим доступа: http://antimaydan.info/2017/02/the_washington_post_ukraina_zakryvaet_glaza_na_pravoradikalnye_voennye.html (Дата обращения: 29.05.2017.)

Е.Б. Калоева

ПРАВЫЕ В ХОРВАТИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Аннотация. Предмет анализа: история крайне правых партий в Хорватии, их идеология и лидеры. Перспективы развития правого радикализма.

Ключевые слова: Хорватия; правые; радикализм; популизм; национализм; идеологи правого радикализма.

Е.В. Kaloeva

Rightists in Croatia: The past, the present, the future

Annotation. Subject of the analysis is the history of extreme right-wing parties in Croatia, their ideology and their leaders. Prospects for the development of radical right.

Keywords: Croatia; rightists; radicalism; populism; nationalism; ideologists of radical right.

Как отмечают политологи, начиная с 90-х годов прошлого века расхожее деление на левых и правых «было перевернуто с ног на голову» в сознании многих людей в странах Восточной и Юго-Восточной Европы [Барыгин, Декальчук... 2008]. Стоит отметить, что в настоящее время порой трудно провести четкое деление между левыми и правыми и в Центральной Европе. Как считают эксперты, термины «левые» и «правые» мало что объясняют, поскольку, например, левый центр сейчас ближе к правому, чем к радикальным левым, так же как и правый центр ближе к левому центру, чем к радикальным правым. И наоборот, радикально настроенные левые ближе к радикально настроенным правым, чем к центристским партиям [Cvetićanin... 2008].

В начале 2000-х годов партийные системы стран Юго-Восточной Европы, по мнению некоторых экспертов, во многом были ближе моделям стран Латинской Америки, чем Западной Европы [Spasojević... 2010]. Однако процессы европейской интеграции неминуемо оказали влияние на национальные политические партии постсоциалистических стран. Конечно, политические платформы и имиджи правых и левых сил имеют свои отличия в разных государствах. В тех странах, где правое движение получило слишком явное националистическое содержание, складывалась особая ситуация. Так, в Хорватии ведущее правое движение в лице Хорватского демократического содружества (ХДС) с самого начала имело ярко выраженную националистическую составляющую, что вызывало, в том числе, проблемы с интеграцией Хорватии в Европу.

Вообще надо сказать, что на Западных Балканах распространен так называемый периферийный или фронтальный (пограничный) национализм. Обычно он возникает на перифериях, расположенных на стыке с зонами этноконфессиональных конфликтов или государствами, воспринимаемыми как враждебные. Так, в Хорватии правонационалистическое ХДС пользовалось наибольшей поддержкой в районах, расположенных по периметру границ с Сербией, а также Боснией и Герцеговиной, т.е. в Далмации на юге и Славонии на востоке. Другими словами, фактор войны, прошедшей на Балканах в 1990-е годы, непосредственное соседство с Герцеговиной сделали Далмацию опорой ХДС. Кстати, как отмечают эксперты, электоральные географии Сербии и Хорватии схожи, поскольку в обеих странах периферия превратилась в оплот национализма [Туровский... 2008].

Следует подчеркнуть, что раскол по линии «Центр – периферия» в странах ЦВЕ дополнен и усложнен многочисленными этноконфессиональными и субэтническими историко-культурными различиями. По мнению российского исследователя Туровского, наиболее выраженным во многих странах ЦВЕ является раскол по линии «Запад – Восток». Западные регионы этих стран в большей степени склоняются к голосованию за правых, а восточные имеют более выраженную левую ориентацию. Согласно этой гипотезе Туровского, к правым и правоцентристам должны склоняться регионы, географически обращенные к Западной Европе.

Хорошо известно, что в настоящий момент популистские партии правого толка переживают поразительный подъем едва ли не во всех странах Европы. При этом корни явления уходят значи-

тельно глубже в историю, чем можно было бы предположить. Характерно, что почти все так называемые крайне правые подчеркивают свою связь с крайне правой традицией и ее носителями, существовавшими до или во время Второй мировой войны [Тарасенко... 2009]. Так, часть хорватских националистов считает себя последователями политика и писателя Анте Старчевича (1823–1896), чьи труды легли в основу принципов создания национального государства. При этом две крайне правые партии страны – Хорватская партия настоящих правых (ХПНП) и Хорватское либеральное движение (ХЛД) находятся в оппозиции к Хорватской партии права (ХПП), основателем которой и был Старчевич. Праворадикалы считают членов ХПП предателями из-за их умеренной позиции. Для ХПНП, основанной в 1992 г. выходцами из ХПП, характерна антикоммунистическая риторика, в том числе призывы к люстрации, а также противодействие вступлению Хорватии в ЕС и НАТО. Крайне правые, агрессивно настроенные по отношению к хорватским сербам, поддерживают идею аннексии части территории Боснии и Герцеговины, где проживают этнические хорваты. Активисты ХПНП традиционно отмечают годовщину создания нацистского движения усташей, действовавшего во время Второй мировой войны и стоявшего во главе режима, существовавшего в Хорватии. В рамках парламентских выборов 2007 г. лидеры партии не стеснялись публичных антисемитских заявлений. Так, ее лидер Йосип Милжак заявил, что Хорватия служит местом применения еврейского капитала, а взамен получает загрязнение окружающей среды.

Однако среди сторонников крайне правых помимо популистов есть и интеллектуальная оппозиция однополярному миру. Проекты, выдвигаемые ее представителями в Хорватии, по-своему оригинальны и интересны.

И здесь, в первую очередь, хотелось бы сказать о Юре Вуйиче – дипломате, юристе, политологе, хорватско-французском писателе и философе¹. Вуйич также возглавляет отделение политологии Матицы хорватской и является руководителем Института геополитических и стратегических исследований в Загребе. Сфера его интересов: геополитика, геостратегия, международные отношения.

¹ Окончил гимназию и университет в Париже по специальности юриспруденция.

Помимо статей, касающихся вопросов геополитики, социологии и философии, он – автор ряда книг. Наиболее известные из них: «Война миров: Евразийство против Атлантизма» – Загреб, 2012, и «Радикальная мысль: феноменология политического радикализма» – Загреб, 2016.

Ю. Вуйич – геополитик, симпатизирующий евразийству во всех его проявлениях. В нем он видит основу для формирования альтернативной современному миропорядку геополитической концепции многополярного мира. Вуйич против попыток объединения Европы исключительно на рациональных началах, а также современной бюрократической структуры ЕС. Этому он противопоставляет проект Европы как союза, объединяющего различные народы на органичной, а не искусственной основе.

«Задача XXI века, – пишет Вуйич, – осознанно построить пространство, которое будет общим для всех жителей и наций Европы, и создать альтернативные геополитические структуры, которые смогут стать противовесом гегемонии сил талассократии» [Вуйич... 2012].

При этом он подчеркивает, что когда речь заходит о геополитике, то прежде всего возникает вопрос о расстановке сил и диалектике конфликта применительно к определенной территории. Особое место в геополитике Ю. Вуйич отводит мифу. Мифы любого народа органически связаны с его видением мира и его историей. Тот, кто создает и контролирует мифы, обладает властью. Геополитика, по его словам, содержит в себе одновременно динамику, консервацию и континуальность.

«В геополитике стагнация часто приводит к отказу от “власти”, которая является целью геополитики. Эту стагнацию можно наблюдать в современной европейской проатлантической геополитике» [Вуйич... 2016]. Последней он противопоставляет евразийскую геополитику, для которой характерны и континуальность, и движение. Вопрос мобильности в геополитике, по его словам, влечет за собой и вопрос созидания на всех уровнях: пространственно-материальном, психологическом и социальном, политическом и культурном. Геоконструктивистские изменения, проводимые талассократическими государствами, разрушившие плоды тысячелетней деятельности человека, лишь усугубили хаос на завоеванных территориях (имеются в виду Ирак, Ливия и Афганистан) и не смогли создать действующую модель государственных отношений, приспособить инновации к культурным, религиозным

и историческим традициям. «На самом деле мы находимся во всеобъемлющем геополитическом динамизме, в состоянии постоянной войны, при котором покой, мир – лишь видимость» [Вуйич... 2016].

Необходимо, как считает хорватский геополитик, научиться создавать динамические геополитические структуры, позволяющие добиться в Евразии интеграции, дифференциации и плюрализма.

Вуйич также подчеркивает постоянно увеличивающуюся в сфере международных отношений роль стран с развивающейся экономикой – группы БРИКС и государств Восточной Азии, энергетика которой придает новую перспективу евразийскому равновесию. «Если учитывать скорость европейского политического строительства и если не произойдет в ближайшее время его ускорение, есть все шансы для Китая и Азии в течение этого века намного дальше продвинуться по пути модернизации, чем Европе по пути унификации» [Вуйич... 2012].

«Осмысление современной Европы в геофилософских терминах предполагает констатацию того, что духовной сущности Европы больше не существует, что она была “конфискована”, “колонизована” американоцентричным “Дальним Западом”, где царят меркантилизм, финансы и свободный рынок» [Вуйич... 2012]. Сегодняшняя Европа заканчивает эпоху Модерна, которая на пути постмодернизма будет становиться всё более глобализированной.

Заслуживает внимания позиция Вуйича относительно роли миграционного кризиса как важного фактора эскалации терроризма. «Кажется, что всё идет по сценарию развертывания в Европе религиозной и этнической войн, конфликта цивилизаций. Вместе с тем, несмотря на эмоциональные выступления против “варварства исламского государства” и выражения соболезнования типа “Le suis Charlie” или “Le suis Nice”, Запад всё еще желает разобраться с более глубокими причинами этого явления и стремится смягчить последствия полумерами» [Vujić. Paradigma... 2016].

По мнению Вуйича, прежде всего, следует осознать тот факт, что доминирующая так называемая глобальная культура стремится искоренить культурную идентичность, включая как христианство, так и мусульманство. Так, в другой статье он пишет: «Когда говорим об агрессивности ислама, не следует забывать также о постоянной агрессии и гонениях на культуру, которые имеют место в Европе во имя глобализации, вестернизации, аме-

риканизации или, как иногда говорят, макдональдизации» [Vujić. Parad... 2015]. Он считает, что сектантский, несущий с собой волну насилия исламистский фундаментализм представляет собой ответ на доминирование глобальной культуры. Что же касается Европы, то параллельно с потерей культурной идентичности ей грозит потеря исконного населения. Вуйич подчеркивает, что эскалация исламистского терроризма на европейском континенте в первую очередь связана с допущенными США стратегическими ошибками, особенно в Ираке и Сирии. В настоящий момент ни одна западноевропейская страна, особенно если она член ЕС и НАТО, не застрахована от возможности стать жертвой исламистского террористического акта, подобных тем, что были в Париже, Брюсселе или Ницце.

«Запад десятилетиями ссылался на теорию вечного мира Канта, создавая видимость продолжительного мира, наивно требовал ставить вне закона не только войну, но и насилие, забывая при этом, что история сама по себе трагична и имеет диалектику, предполагающую конфликты и насилие» [Vujić. Paradigma... 2016]. К причинам, стоящим за отрицанием реального врага, Вуйич относит пропагандируемые политическую корректность, мультикультурализм, космополитические взгляды леволиберальных политических элит.

Он также критикует проведение во имя борьбы с терроризмом политики, направленной на ограничение свобод коренных жителей европейских стран, установление тотального контроля, что, по его мнению, отвечает интересам, прежде всего, определенных глобальных центров силы.

«Запад из-за своего попустительского отношения к миграционной политике пропагандировал “культуру прощения”, которая постепенно превратилась “в культуру безнаказанности”. Борьба против исламистского радикализма и терроризма предполагает фундаментальное изменение не только концепции безопасности, но и западно-центристского взгляда на Восток, ислам, а также уточнение понятия европейской идентичности» [Vujić. Paradigma... 2016].

В связи с актуальностью проблемы терроризма Хорватия, подчеркивает Вуйич, не должна допустить создания на ее территории исламистских анклавов или гетто, являющихся благоприятной почвой для исламистского радикализма и представляющих собой угрозу не только для безопасности страны, но и для ее культурной идентичности.

Экстремизм и радикализм возникли не вчера, однако в последние годы они усилились до такой степени, что почти никто не чувствует себя в безопасности. Многие профессионалы, неправительственные организации пытаются выяснить причины радикализма и наметить пути борьбы с ним. В связи с этим особый интерес представляет книга Вуйича «Радикальная мысль: Феноменология политического радикализма» [Vujić. Radikalna... 2016], где дается глубокий и многосторонний анализ феноменологии современного политического радикализма, показаны различные аспекты политического и идейного генезиса правого и левого радикализма в мире. Анализируя семантические различия между политическим экстремизмом и радикализмом, Вуйич исследует этимологию политического радикализма и феномен политического насилия, давая многоуровневый анализ идеологических матриц современного правого и левого радикализма. Он подчеркивает, что как для правого, так и для левого радикализма характерно отрицание существующего общественного устройства – плюрализма и демократии, а также отрицание всех (помимо собственных) политических движений, идеологий и партий, включая и те, которые относятся к так называемым умеренным левым и умеренно правым.

В статье, посвященной понятию фашизма, Вуйич вполне обоснованно пишет о том, что не проходит и дня, чтобы «в демократическом свободном мире кто-либо во время дискуссии или в средствах массовой информации не навесил на другого ярлык “фашист” из-за того, что взгляды участников спора не совпадают, и особенно если убеждения одного из них носят консервативный, националистический или антисистемный характер» [Vujić. Сети... 2015]. Вместе с тем он подвергает критике все проявления доминирующей в европейском обществе идеологии политически корректного конформизма: космополитизм, мультикультурализм, антирасизм, антифашизм, эгалитаризм, права человека, толерантность, секуляризация и т.д. При этом он подчеркивает, что не отрицает ценность всех вышеперечисленных завоеваний демократии, но выступает против их использования в политических целях. Идеологию политической корректности поддерживают, по его словам, либералы и вчерашние марксисты, перекусившиеся в демократов.

Ярлык «фашист», как считает Вуйич, всегда как бы предполагает противопоставление «антифашист», независимо от того, идет ли речь о демократическом историческом антифашизме или о

реабилитации такого тоталитарного строя, как социалистический, вместе со всеми его маоистами и троцкистами.

«Под знаменем антифашизма были проведены акции по ликвидации инакомыслящих в Советском Союзе и его сателлитах, убийство тайной советской полицией испанских анархистов во время гражданской войны в Испании, а до этого насильственная коллективизация, милитаризация, а также оправдан геноцид хорватов в Блейбурге», – говорится в статье [Vujić. Ćemu... 2015].

Вуйич утверждает, что с падением Берлинской стены и с уходом в прошлое Советского Союза антикоммунизм исчез, а коммунизм превратился в модный гражданский тренд – антифашизм, поддерживающий видимость продолжения скрытой гражданской войны, где виртуальные криптофашисты якобы ведут подкоп под основы гражданской демократии.

Другими словами, по мнению Вуйича и Франсуа Фюре, на которого он ссылается, антифашизм, борющийся с «фиктивным фашизмом», превратился в средство очернения политических противников, маргинализации их образа.

Современный антифашизм, на его взгляд, призван также представить злодеяния коммунистического режима как «несчастный случай», оправдать их высшей целью – борьбой с фашизмом и нацизмом.

Единомышленником Вуйича по многим вопросам является также бывший хорватский дипломат, советник министра иностранных дел Хорватии, член европейского движения «Новые правые» Томислав Сунич. Он долгое время работал в Америке и вел передачу на интернет-радио новых правых «Voice of reason». Являясь сторонником евро-американской идентичности, он, как и американские консерваторы, полагает, что либеральная идеология прогресса, мультикультурализм, стремление к мировому господству угрожают как самой Америке, так и другим странам. Сунич критикует либерализм за его «тоталитаризм», отвергает политику мультикультурализма как утопичную и разрушающую культурные основы европейской цивилизации.

Достаточно полно взгляды Сунича отражают его статьи и выступления¹ [Sunić... 2014]. По его словам, во всех сферах – в

¹ О том, что воззрения Т. Сунича отражают взгляды правых партий в Хорватии, говорит по-своему достаточно яркая речь главы коалиции правых Винко Вукатина, произнесенная им на выборах в 2016 г.: «Сыновья и внуки коммунистических

системе законодательной, судебной власти, в сфере просвещения на руководящих постах с 1991 г. и по настоящий момент сидят тысячи бывших коммунистов, сторонников Тито, которым помог удержаться в системе первый президент независимой Хорватии Ф. Туджман. На протяжении почти 30 лет влиятельные средства массовой информации время от времени относили Хорватию к правым, криптофашистским, националистическим государствам. При этом, подчеркивает Сунич, «эти далекие от истины утверждения не вызывают никакой реакции со стороны официальных властей». «Основная проблема Хорватии, – считает он, – не в сербах и четниках, а в наследии, оставшемся со времен коммунистической Югославии Оно не сводится только к политической идеологии, но отражает состояние духа и ту балканскую субкультуру, которая по-прежнему близка значительному числу хорватов» [Sunić... 2014]. «Процесс покаяния и признания жертв коммунизма, отдача почести погибшим – всё это необходимая психологическая предпосылка общего катарсиса травмированной коллективной памяти хорватского народа», – пишет единомышленник Сунича геополитик Вуйич [Vujić. Titoistička... 2016].

«Многие коммунистические идеи в настоящий момент лучше реализуются на практике на капиталистическом и либеральном Западе, чем в бывших Югославии или Советском Союзе. Это и глобализм, и стимулирование притока массовой миллионной армии рабочей силы в Европу из других регионов. Все это когда-то планировалось, но так и не было реализовано при коммунизме» [Sunić...].

Что касается его критики идеологии прогресса, то здесь он имеет в виду, в первую очередь, критическое отношение к догме о постоянном экономическом росте. «Вера в прогресс, т.е. в лучшее завтра, в принципе всегда приводит к разочарованию, что недавно продемонстрировал коммунистический эксперимент в Югославии, а сейчас либеральный, капиталистический эксперимент» [Sunić...].

Сунич относится пессимистически к будущему ЕС, который считает таким же неудавшимся экспериментом, как и распавшуюся Югославию. По его словам, такие комиссары ЕС, как, например,

окупантов и убийц захватили правоохранительные органы, всю систему власти и сферу экономики. В свое время партизаны разделили хорватское государство, установив неестественные границы и втянув хорватский народ в новую войну, приведшую к гибели полумиллиона хорватов» [Glasujete za... 2010].

бывший чешский комсомолец Штефен Фуэле или Мануэль Баррозу, связанный в молодости с маоистскими группировками, не верят своим собственным словам, когда за деньги вынуждены повторять догму о прогрессе и счастливом будущем.

Отдельно стоит рассмотреть взгляды Т. Сунича на такие проблемы, как мультикультурализм, расизм. Мультикультурализм он называет ложным эвфемизмом. «Слово *“раса”* недавно было вычеркнуто из французского законодательства. Здесь очевидно отсутствие логики. Расы нет, а СМИ всё больше говорят о росте расизма. Как же могут быть расисты, если нет рас? Между тем существует много доказательств того, что многонациональные страны склонны к этническим и расовым конфликтам. ЕС ожидает то же, через что прошла бывшая Югославия, только в другом варианте», – утверждает философ [Sunić...].

Т. Сунич заявляет, что разразившаяся в 1990-х годах война на Балканах не была только войной за независимость, хорватско-сербским конфликтом, но «войной всех свободолюбивых людей». При этом в Венгрии он видит пример, на который нужно равняться, так как венгры, по его словам, были первым европейским народом, поднявшим восстание против коммунистического режима в 1956 г., и причем, как и хорваты в 1991 г., не получили никакой поддержки со стороны Запада. По мнению Сунича, основная проблема современности – капитализм, который разоряет народы и является по сути дела более анонимным неприятелем, чем были в свое время коммунистические режимы.

В 2013 г. на мероприятиях, организованных в восточнославянском селе Ласлово по случаю 22-й годовщины его завоевания сербами во время балканского конфликта¹, приглашенный руководитель венгерской крайне правой партии «За лучшую Венгрию» (Йоббик) Габор Вона в своем выступлении обозначил геополитические проблемы, стоящие перед Хорватией и Венгрией. «Или мы все будем пешками, проигрывающими на шахматной доске в игре мировых сверхдержав, или, объединившись, мы будем свободны и

¹ В 1991 г. село с преобладающим венгерским населением оказалось на переднем крае боевых действий. После пяти месяцев осады со стороны сербов его защитники – венгерские и хорватские крестьяне, поддерживаемые также добровольцами из Венгрии, сдали позиции. В дальнейшем после шести лет оккупации село было возвращено Хорватии в 1998 г. в соответствии с мирной реинтеграцией хорватского Подунавья.

достойны памяти великанов нашей общей истории... Наши народы всегда находились между Востоком и Западом... Сегодня нас призывают забыть прошлое, отказаться от будущего... Только быть рядовыми членами Союза...» [НЃСП... 2013].

В своей речи лидер венгерских крайне правых подчеркнул важность сохранения обоими народами веры в историческое право на жизнь, счастье, богатство, верность традициям¹. «Вместе мы сильнее!» – не раз звучало в речах ораторов.

В свою очередь популярный католический публицист правой ориентации Марко Франчискович считает, что политический союз Хорватии с США и Великобританией ставит под угрозу хорватские национальные интересы, независимость государства и католические ценности, которые подрывают глобализация, американский протекционизм и пр. Он предлагает ориентироваться во внешней политике на Россию и Германию, предоставив последним выход к Адриатике и Дунайской речной системе.

Статьи Франчисковича, его эссе в основном посвящены проблемам глобализма и патриотизма. Он печатается в католическом издании «Zlatno Peto», издающемся в Загребе. В 2006 г. был опубликован главный труд Франчисковича «Hrvatska knjiga opstanka», где он выступает за экономику и политику, которые бы отвечали принципам христианской морали. Франчискович – противник членства Хорватии в ЕС и военных союзах, которые бы обязывали Хорватию участвовать в военных действиях, противник глобализации как идеи и политической практики. В 2012 г. он был одним из организаторов демонстрации против присоединения Хорватии к ЕС, был арестован и подвергся принудительному психиатрическому лечению.

¹ Справедливости ради надо сказать, что лидер сербских радикалов В. Шешель не отстает от радикализма хорватских и венгерских правых. Ссылаясь на мнения различных историков, он утверждает, что у хорватов и сербов в истории никогда не существовало ничего общего, – они никогда не стремились к совместным действиям, к объединению, различались в духовных потребностях, в национальной идеологии, взглядах на будущее. Эти различия переросли в антипатию, а затем в ненависть хорватов к сербам, что особенно отчетливо проявилось в годы Второй мировой войны.

«Сербский национализм только окреп из-за соседства хорватов, которые всегда, когда имели власть, стремились уничтожить всё сербское», – заявляет В. Шешель [цит. по: Гуськова...].

Его самая известная книга представляет собой удивительный симбиоз религиозного и светского сознания незаурядного человека, стремящегося ответить на вопросы бытия Хорватии начиная со времени Юрия Крижанича¹. Он сетует на то, что ему на факультете не преподавали истинную экономику, а навязывали взгляды безбожных людей, связанных с банками и мировыми биржами. Франчискович считает, что только молитва может спасти от воинствующего зла и помочь противостоять кризису и глобализации, которая для него равноценна глобальному злу. Он разоблачает магическую природу денег, царство лишенной христианской морали экономики и лживой культуры, рисует будущее Хорватии, побеждающей многоглавое зло и осознающей свою идентичность [Francišković...].

В целом хотелось бы подчеркнуть, что характер идеологии правых обусловлен объективными историческими, социально-экономическими и политическими условиями. Так, центральную проблему западноевропейские крайне правые видят в растущей иммиграции. В странах Восточной Европы, наоборот, правыми радикалами проблеме иммиграции уделяется гораздо меньшее внимание, так как Восточная Европа не так привлекательна для иммигрантов. Здешние правые отстаивают идеи необходимости территориальных изменений, присоединения тех территорий, которые, как они считают, являются исконными частями их государств. Для крайне правых, как в Хорватии, так и их единомышленников в других постсоциалистических странах, характерны евроскептицизм, негативное отношение к глобализации. Особое внимание уделяется ими вопросам национальной памяти и истории, традиционной религиозной идентичности, укреплению национального суверенитета. Стремясь присоединиться к ЕС, государства Восточной Европы отчасти хотели таким образом вернуться к общим христианским ценностям и универсальным традициям, забывая о том, что Запад от них во многом уже отошел.

И все же, есть ли в Хорватии сильная крайне правая партия, и можно ли вообще говорить о правом радикализме в Хорватии? В настоящий момент все правые партии в стране достаточно разединены. Правда, Сунич возлагает надежду на Хорватскую консервативную партию, которая, как он считает, может положить

¹ Крижанич Ю. – хорватский богослов, философ, писатель, историк (1618–1683).

начало новой правой партии. Между тем хорватские правые на выборах в 2016 г. потерпели сокрушительное поражение. Первый раз в истории современной Хорватии ни одна правая партия не смогла пройти в Сабор. Ни одна партия или коалиция правых не смогли получить больше 2% голосов. Официальный Загреб выразил удовлетворение тем, что в Хорватии, в отличие от других европейских стран, нет популизма и радикализма. Об этом, как заявил новый глава МИД Хорватии, ясно говорит позиция граждан, отказавшихся от всякого радикализма на состоявшихся выборах и проголосовавших за правительство, придерживающееся четкой европейской и евро-атлантической ориентации [Kovač... 2016].

Причины столь малой популярности правых партий, по мнению бывшего председателя молодежной секции одной из радикальных правых партий Хорватии Ф. Чирко, в программной и идейной бессодержательности, разобщенности, в надоевших личностях, их погруженности в прошлое и любви к фольклорным мотивам [Gregorović... 2017]. Речь идет о таких лидерах правых, как П. Чорич, А. Джайич, А. Ковачевич, Л. Подруга и др. По словам Ф. Чирко, всё, что они могли предложить своим избирателям, – это требование люстрации и запрета на красную пятиконечную звезду. Всё это далеко от реальной жизни. По его мнению, на самом деле у правых в Хорватии больше шансов, чем у левых, но им нужны другие лидеры. По мнению профессора философии И. Сесардича, автора книги «О перспективе правого движения», в Хорватии уже давно нет настоящей правой партии, также как нет и лидера правых [см.: Gregorović... 2017].

Как считает хорватский политолог Д. Генеро, «в Хорватии вообще нет никакой укоренившейся правой политической традиции» [цит. по: Gregorović... 2017]. По его словам, правый радикализм в Хорватии представляет собой фольклорное явление маргинального характера, которое часто принимает гипертрофированные масштабы. Представление о силе и влиянии правых, на его взгляд, создала парадигма «или мы – или они», старательно пропагандируемая левыми, которые часто распространяют слухи о несуществующей на самом деле «правой угрозе». Ярлык «правый» левые (и в первую очередь СДП) прилепляют всем, кто не такой, как они. Правый в данном случае не что иное, как популистская страшилка, увязанная с фашизмом, национализмом, усташами. К тому же понятие «правые» криминализировано хорватскими средствами массовой информации, в то время как в других странах быть правым считается, по словам политолога, нормальным явлением.

Тем не менее исследование, проведенное Институтом «Иво Пилар» (Загреб), показало, что среди населения много тех, кто открыто выступает за крепкую правую партию. Таких, по словам Ф. Чирко, много среди молодежи. Они готовы поднять хорватских правых на должный уровень, приблизить к реальной политике и проложить путь к новой современной правой партии европейского типа.

Как считает Д. Диянович, заместитель председателя недавно основанной новой правой партии «Поколение обновления (Go!)», Хорватия уже получила современную правую партию, являющуюся альтернативой центристской (Хорватское демократическое содружество) HDZ, выполнившей свою историческую миссию. Созданная партия объединяет молодых людей, выросших в независимой Хорватии и решительно настроенных добиваться смены элит в политике, экономике, судебной системе, сфере культуры. «Мы не скрываем того, что как правая партия мы не будем придерживаться показной идеологии политической корректности. Для нас характерны неподкупность и бескомпромиссность при защите национальных интересов. Мы выступаем за геополитическое позиционирование Хорватии в Центральной Европе и за моральное обновление хорватского общества... В экономике мы выступаем за увеличение экономических свобод и уменьшение вмешательства государства, а также против грабительского капитализма. Большое значение мы придаем культуре, науке, просвещению, современной экономике, без которых ни одно общество не может развиваться. Наша цель – стимулировать молодежь на борьбу за собственные интересы и не допустить того, чтобы она покидала свою родину из-за засилья старых криминальных элит» [цит. по: Gregorović... 2017].

Всё было бы неплохо, если бы периодически по улицам Загреба не маршировали люди в черном – члены наиболее радикально настроенной правой партии – А-НСП (Автохтонная – Хорватская партия права). Конечно, они все евроскептики, националистически настроены, большие патриоты, выступающие за присоединение к Хорватии Боснии и Герцеговины, Боки Каторской, Срема и Бачки. При этом невольно возникает вопрос: что же означает выступление марширующих в черном под сенью трех флагов: американского, хорватского и неонацистской Национал-демократической партии Германии (NPD)? Возврат к 1990 г.? Гражданскую войну? Или, во всяком случае, как 4 марта 2017 г., всего лишь поддержку Трампа его сторонниками, видя-

щими в новом президенте Америки своего единомышленника? Невольно вспоминаются и слова Ф. Чирко, ратующего за современную правую партию европейского типа: «А появится ли в Хорватии своя Мари Ле Пен – это трудно прогнозировать».

Список литературы

- Барыгин И.Н., Декальчук А.А., Елсаков А.В.* Эволюция праворадикальных политических партий. – 2008. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/410/> (Дата обращения: 1.03.2017.)
- Вуйич Ю.* Евразия: Новое осознанное геополитическое пространство. – 07.06.2012. – Режим доступа: <https://www.geopolitica.ru/article/evraziya-novoe-osoznanное-geopoliticheskoe-prostranstvo> (Дата обращения: 7.02.2017.)
- Гуськова Е.Ю., Шешель В.* Идеология сербского национализма // Национализм и популизм в Восточной Европе. Сб. научных трудов. – М., 2007. – С. 166–174.
- Тарасенко С.Р.* Проблематика европейской интеграции в риторике крайне правых партий Центральной и Восточной Европы. – 2009. – 26.01. – Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2009/polit2.html> (Дата обращения: 10.01.2017.)
- Туровский Р.* Электоральная география в Восточной Европе на примере выборов 1997–2005 гг. – 2008. – Режим доступа: <http://vybory.org/articles/417.html> (Дата обращения: 21.12.2017.)
- Cvetičanin N.* Epoha s one strane levice i desnice: o levici, desnici i centru u politickom polju Evrope, o gradanskom i antigradanskom shvatanju politike, o postideoloskoj politici u 21. Veku. – Beograd, 2008. – 703 S.
- Durković M.* Programski identiteti desnih partija u Srbiji krajem prve decenije ovog veka // Partije I izbori u Srbiji – 20 godina. – Beograd, 2010. – S. 119–2018.
- Francišковић M.* – Mode of access: <http://hr.m.wikipedia.org/wiki/MarkoFrancišковић> (Дата обращения: 25.01.2017.)
- Glasujte za NSP HČSP, ABH i Obiteljsku stranku.* – 2016. – 9.09. – Mode of access: www.dnevno.hr/vijesti/hrvatska/glasujte-za-hsp-hcsp-abh-obiteljsku-stranku-9528 (Дата обращения: 5.03.2017.)
- Gregorović D.* Samo slaba ljevica vidi da u Hrvatsloj postoji jaka desnica. – 2017. – 01.03. – Mode of access: <http://www.glas-slavonije.hr/326708%E2%80%A6skoj-postoji-jaka-desnica> (Дата обращения: 04.03.2017.)
- HČSP i Jobbik u Laslovu: Za novo saveznisto Hrvata i Mađara.* – 2013. – 25.11. – Mode of access: www.dnevno.hr/vijesti/hrvatska/hcsp-i-jobbik-u-laslovu-za-novo-saveznistvo-hrvata-i-madara (Дата обращения: 02.03.2017.)
- Kovač predao ključeve ureda Stienу.* – 2016. – 20.10. – Mode of access: <https://www.knjizara.com/Epoha-s-one-strane-levice-i-desnice-Neven-Cveticanin-122465> (Дата обращения: 28.04.2017.)
- Pavlović V.* Programski identitet političkih partija//Partije i izbori u Srbiji-20 godina. – Beograd, 2010. – S. 137–152.

- Sunić T.* Osnovni problem Hrvatske je ostavština jugoslavenstva i komunizma. – 2014. – 15.01. – Mode of access: www.hkv.hr/razgovori/16742-dr-tomislav-sunic-osnovni-problem-hrvatske-je-ostavstina... (Дата обращения: 15.02.2017.)
- Spasojević D. Dinamika političkih rascepa u Srbiji 2000–2010//Partije i izbori u Srbiji – 20 godina. – Beograd, 2010. – S. 105–119.
- Vujić J.* Čemu služi etiketa «fašist». – 2015. – 13.04. – Mode of access: <http://hubenedikt.hr/?p=36200> (Дата обращения: 20.03.2017.)
- Vujić J.* Napad na Charlie Hebdo: Da li je dopušteno smijate se svemu? – 2015. – 11.10. – Mode of access: <https://blog.vecernji.hr/napad-na-charlie-hebdo...> (Дата обращения: 20.03.2017.)
- Vujić J.* Paradigma o Hrvatskoj kao sigurnoj destinaciji nije više tako sigurna. – Mode of access: <http://www.obavještajac.hr/544875/j...iji-nije-više-tako-sigurna> (Дата обращения: 23.02.2017.)
- Vujić J.* Radikalna misao: Feminologija političkog radikalizma. – Zagreb, 2016. – 294 S.
- Vujić J.* Titoistička zločinačka industrija-Hrvatska kao najveća europska neistražena nekropola. – 2016. – 06.10. – Mode of access: <http://narod.hr/hrvatska/jure-vujic-titoisticka-industrija-hrvatska-kao...> (Дата обращения: 03.03.2017.)

Ю.А. Щербакова

ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются исторические особенности формирования чешского фашизма в XX в. и современное состояние праворадикальных политических партий и экстремистских организаций. Анализируются их программы, социальная база и результаты участия в выборах в законодательные органы различных уровней.

Ключевые слова: чешский фашизм; Объединение за Республику – Республиканская партия Мартина Сладека; Рабочая партия; Рабочая партия социальной справедливости; Национальная демократия.

J.A. Scherbakova

Radical right parties in the Czech Republic

Annotation. The article examines the historical features of the formation of Czech fascism in the twentieth century and the current state of radical right political parties and extremist organizations. The article reviews their programs, their social base and the results of their participation in legislative elections at various levels.

Keywords: Czech fascism; Union for the republic – the republican party of Martin Sladek; The labor party; The labor party of social justice; National democracy.

Политические партии крайне правого толка появились на территории нынешней Чешской Республики еще до образования Чехословакии в 1918 г. На протяжении периода между двумя мировыми войнами их популярность в стране то увеличивалась, то сходила на нет. Однако политическая система Чехословакии до Мюнхенских событий (1938) обладала демократическим иммунитетом, а чешские правые радикальные политические партии и ор-

ганизации в этот период были разобщены, им не удавалось выдвинуть яркого и сильного лидера, они не пользовались массовой поддержкой населения страны и не смогли заявить о себе в качестве полноценных политических субъектов.

В других же странах Центрально-Восточной Европы политическая обстановка в тот период характеризовалась проявлениями авторитаризма и правого радикализма. В Венгрии после разгрома Советской республики в 1919 г. прежняя буржуазно-демократическая система не была восстановлена. После смены ряда правых кабинетов в 1920 г. в стране был установлен правоавторитарный консервативный режим, со временем все более эволюционировавший в сторону правого радикализма. В Румынии в первые послевоенные годы нарастала политическая неустойчивость, а во второй половине 1930-х годов в политической жизни усилились фашистские тенденции. Установленный в Польше в 1926 г. режим «санации» с отчетливо выраженными авторитарными чертами также эволюционировал в сторону фашизма. В Албании диктатура А. Зогу ориентировалась на фашистскую Италию. В Болгарии в середине 1920-х годов утвердился авторитарный режим «цанковщины», на смену которому после переворота 1934–1935 гг. пришло правительство, находившееся под влиянием фашистской Германии. В начале 1930-х годов диктатура была установлена в Югославии.

Крайним проявлением правого радикализма считается фашизм. «Фашизм в Чехии берет начало в национализме XIX века», – считает чешский историк Иво Пейчох из Военно-исторического института. «В нем неустанно делался акцент на национальный вопрос. Причиной появления этого движения в Чехословакии вскоре после Первой мировой войны были, с одной стороны, опасения “левого” переворота, так как, в связи со сложной экономической ситуацией, дело доходило до социальных волнений, и события могли развиваться в том же направлении, что и в России. С другой стороны, определенную угрозу представляла Германия. Можно сказать, что чешский фашизм 1920–1930-х годов был основан на идее о том, что народами, имеющими право управлять государством, являются лишь чехи и словаки. Только этим народам могут быть предоставлены полные политические права, а венгры, евреи и немцы, по мнению некоторых теоретиков чешского фашизма, не имеют права на равное представительство в парламенте. Но сильнее всего были опасения усиления немецкого влияния, которые основывались на историческом опыте борьбы за чешскую нацио-

нальную идентичность в XIX в. Так что основной чертой чешского фашизма была антинемецкая направленность» [Rejšoch, 2011, s. 35].

Однако антисемитизм и антигерманизм были не единственными пунктами программы чешских фашистов. Они выступали против коммунистов, а также тех партий, с которыми конкурировали за голоса избирателей – аграрников, народников, национальных социалистов. Можно обозначить и следующую плоскость, в которой фашисты противостояли демократии Первой Республики и ее представителям. В их глазах большое зло представляла межвоенная интеллектуальная элита – ученые, литераторы, художники, которые были замечены в масонских ложах. В этой связи чешские фашисты определяли творческую элиту как «жидомасонов».

Помимо этого, в идеологии чешского фашизма был сильно выражен социальный компонент – критика таких проблем общества, как безработица, кризисные явления в экономике, различия в социально-экономическом положении отдельных слоев населения.

Возникновение чешского фашизма связано с Моравией и с личностью журналиста Роберта Маха, который в 1922 г. начал выпуск журнала «Ганацкая республика», позднее переименованного в «Народную республику». Тогда речь шла о первых группировках чешских фашистов, которые использовали термин «красно-белые». Слово «фашизм» еще не фигурировало непосредственно в их названиях. Постепенно определения уточнялись, и к концу 1922 г. выкристаллизовалась формулировка «чешские фашисты». Позиции чешского фашизма на региональном уровне были некоторое время весьма прочны в некоторых областях Моравии, в Западной и Южной Чехии, а также в части Центральной Чехии. Тем не менее центром чешского фашистского движения была Прага, позднее – Брно и другие большие города, такие как Пльзень, Ческе Будейовице или Оломоуц. Поначалу это движение охватило города, однако, позднее, в 1930-е годы, оно переместилось преимущественно в деревенскую среду [Český, 2010].

Годом рождения чешского фашизма считается 1922, когда появились еще даже не политические партии, а политические клубы, которые назывались «Национальное движение красно-белых» и «Моравские фашисты». Они причисляли себя к фашизму лишь частично, но можно было найти определенное сходство с итальянским движением.

Программы этих ярко выраженных националистических сообществ постепенно сближались, и в 1926 г. было образовано Национальное фашистское объединение (НФО), которое стало полноценной политической партией. Во главе объединения с 1927 г. до его распада (1939) стоял генерал в отставке Радола Гайда, возглавлявший чешских легионеров на Транссибирской магистрали. НФО принимало участие в выборах 1929 г. (три депутатских мандата и одно место сенатора) и в выборах 1935 г. (шесть депутатских мандатов). По данным чешской полиции, в 1930-е годы в период своего наибольшего расцвета НФО насчитывало 200 000 членов [Český, 2010].

Чешских фашистов финансировали различные корпорации, промышленные и экономические союзы и деятели, которых относят к чешским левым, например, некоторые представители народно-демократической партии. Финансовую поддержку они получали от Томаша Бати и Йиржи Стршибрного, который не входил в ряды «левых», но радикальные взгляды которого на определенном этапе приближались к идеям чешских фашистов (такое соединение случается иногда на крайних флангах правых и левых политических сил). Далее можно назвать имена Эдмунда Шварценберга, Ярослава Йиндржиха Штернберка и Йозефа Бартона из Добенина [Васинкевич, 2011].

С точки зрения развития правого экстремизма и радикализма период Второй Чехословацкой Республики (30.09 1938 – 15.03 1939) характеризуется существованием право-авторитарного режима и сравнительно активной деятельностью экстремистских, фашистских и ультраконсервативных (католических и клерикально-фашистских) сил. Для Второй Чехословацкой Республики были характерны сдвиг вправо, сворачивание демократических прав и свобод. Чешское общество, охваченное после Мюнхена глубокой депрессией от поражения и жадной расплаты, представляло собой живительную почву для роста ксенофобии, национализма, агрессии.

По мнению Иво Пейчоха, «период Второй Чехословацкой Республики сложен тем, что в этот период уже не существовала классическая демократическая система, известная в домюнхенский период. Однако проблема здесь в том, кого считать фашистами». Сам Пейчох склонялся к тому, что к фашистам следовало отнести Национальное фашистское объединение и «Флаг». Тем не менее некоторые историки и исследователи полагают, что фашистские тенденции проявлялись «и в народной демократии [не ясно, что за народная демократия] или в Национальной Лиге Йиржи Стршибр-

ного, а эти партии имели значительное политическое влияние. И все же ни те, ни другие не принимали фашистскую идеологию, при этом их выступления переставали носить классический демократический характер» [Rejšoch, 2011, s. 176].

У чешского фашизма, по мнению чешских исследователей, не было ни программы, ни глубоких идей. Возможно, в этом и находится корень того, что чешский фашизм не смог занять в политической системе Второй Республики позиции лидирующей политической партии. В период Протектората Чехии и Моравии чешский фашизм в лице профашистской партии «Национальное содружество», которая провозгласила своей целью германизацию чешского народа и насчитывала в конце 1939 г. более 4 млн, оказался лишь вспомогательной силой для Германии в управлении Протекторатом [Český, 2010].

Конец Второй мировой войны и освобождение Чехословакии знаменовали собой установление новой политической системы, основы которой были согласованы представителями московского и лондонского центров чешского Сопротивления. Из них логически следовало окончание активной деятельности в Чехословакии любых правозэкстремистских организаций. В последующий период 1945–1989 гг. в Чехословакии не было ни легальных правозэкстремистских организаций, ни тем более правых радикальных партий. Однако в обществе элементы их идеологии наличествовали. Это относится к проявлениям антисемитизма, расизма, ксенофобии, молодежной субкультуры в лице скинхедов.

Следующий период, когда наметился рост влияния крайне правых в чешском обществе и в политике, начался после 1989 г. Перейдя этот рубеж, означавший слом старой системы, Центральная Европа была вовлечена в сложные процессы политических и экономических преобразований, а также развития и укрепления демократии. Крайне правые политические течения в своей деятельности опирались на определенное недовольство жителей Центральной Европы, которое находило свое отражение в увеличении числа сторонников популизма или национального шовинизма. Свою роль сыграл также исторический опыт развития до 1945 г. Конечно, в идеологии современных крайне правых все чаще появляются такие темы, как критика исламизма, мультикультурализма, глобализации, капитализма. Эти новые темы в некотором смысле определили их отход от фашистской и нацистской идеологии.

Программы современных крайне правых политических партий в Чехии основаны на некритическом национализме (националистическом шовинизме, противопоставлении «низов» и «верхов», критике политических элит и политического режима, как и всего общественного развития после 1990 г.). В них особое значение придается соблюдению законности и правопорядка, содержатся элементы социального популизма, этнизируются социальные и криминальные проблемы (особенно по отношению к цыганам), содержатся критика постмодернистских ценностей, транснациональных политических структур и структур безопасности (с требованием выхода из НАТО), а также элементы ксенофобии, расизма и антисемитизма.

Как и в других странах Центральной и Восточной Европы, в Чехословакии (после 1993 г. в Чешской Республике) происходили сложные процессы политических и экономических преобразований, а также укрепления демократических принципов. Адаптация к этим процессам у многих граждан Чешской Республики зачастую вызывала серьезные проблемы, чем стремились воспользоваться крайне правые политические партии, которые позиционировали себя как альтернативные существующему режиму, но при этом не коммунистические политические партии.

Для чешской ультраправой сцены постноябрьского периода является типичным поиск сильного политического субъекта, который смог бы добиться успеха на парламентских выборах. Наиболее серьезными представителями этого течения являются: партия **«Объединение за Республику – Республиканская партия Чехословакии» (ОЗР – РПЧ); Рабочая партия (РП) и Рабочая партия социальной справедливости (РПСС).**

Партия ОЗР – РПЧ во главе с Мирославом Сладеком возникла на всплеске бытового национализма (прежде всего антицыганского) в начале 1990-х. Шовинистическая, антикоммунистическая, но прежде всего – антиреформаторская волна вынесла в большую политику популиста Сладека и его сторонников.

Цель республиканцев, по их заявлениям, состояла в том, чтобы «совершенно по-новому организовать порядки и жизнь в государстве в соответствии с национальными и патриотическими чувствами» [Бобраков-Тимошкин А., 2011]. Практическая же деятельность партии характеризовалась двумя особенностями: огульной критикой существующих порядков, вплоть до отказа в легитимности власти, и резкой антицыганской и антинемецкой

направленностью. О необходимости «окончательного решения вопроса не интегрируемых этнических групп» говорилось и в официальной программе партии. Антицыганские высказывания Сладека принесли ему всенародную известность. В программе партии критиковались «американизация» общественной жизни, постмодернистские ценности и мультикультурализм, проповедовались антикоммунизм и изоляционизм во внешней политике. В 1992–1998 гг. ОЗР – РПЧ была представлена в чешском парламенте.

В этой партии началась политическая карьера нынешнего председателя Рабочей партии социальной справедливости Томаша Вандоса. У ОЗР – РПЧ была своя молодежная организация, которая называлась «Республиканская молодежь». Некоторые члены этой организации впоследствии примкнули к нелегальным экстремистским организациям.

В своих выступлениях Сладек использовал классический популистский словарь, указывая на сотрудничество старой коммунистической и новой элиты, на нежелание последней бороться с коммунистическим прошлым, на ее коррумпированность, преклонение перед иностранцами, особенно перед немцами. Именно германофобия, негативное восприятие обществом немцев и всего немецкого, в том числе и судетских немцев, выселенных из страны после 1945 г., были самой сильной стороной этой партии и обнаруживали ее связь с историческими чешскими фашистскими партиями. Частым объектом ее критики было Объединение судетских немцев. ОЗР – РПЧ заявляла, что политиков, которые будут поддерживать возвращение судетских немцев и отмену декретов Бенеша об их переселении в Германию, следует судить как предателей.

В области экономики в программе партии больше внимания уделялось критике негативных явлений, сопровождающих преобразования, таких как крах ряда частных банков или нарушения в ходе приватизации некоторых государственных предприятий. Также предлагалось зафиксировать в Конституции величину налогов (и отменить прогрессивное налогообложение) и провести по вопросам налогообложения референдум. Ксенофобия в сочетании с намерениями представить себя как «партию порядка» наиболее ярко проявлялась по отношению к цыганам. Для партии было характерным искать причины преступности и социальных проблем в существовании меньшинств (так называемая «этнизация» проблем). Так, например, она предложила снизить возраст уголовной ответственности у цыган до десятилетнего возраста, пересмотреть

правомерность назначения цыганам социальных пособий и пенсий по инвалидности, а также первоочередного предоставления им квартир и законность существования цыганских политических партий.

В программе вышеназванной партии мы можем также найти пункты о профессионализации армии, об укреплении национального суверенитета и критику членства в ЕС и НАТО. После ноябрьской революции 1989 г. республиканцы выступали за присоединение Закарпатской Украины к Чехословакии (позднее к Чешской Республике), против раздела Чехословакии. В их программе содержались положения о прямых выборах президента, о бесплатном образовании и инвестициях в развитие сельских районов и строительство жилья. Партия поддерживала сокращение на 30% государственного аппарата и упразднение Сената. В сфере культуры она выступала за восстановление национальной гордости (ссылаясь на гуситские традиции), в области охраны окружающей среды – против строительства тепловых электростанций.

ОЗР – РПЧ с 1990 по 2010 г. принимала участие в выборах на общегосударственном и региональном уровнях. На выборах в Федеральное собрание Чехословакии в 1990 г. она получила 1% голосов избирателей. В 1992 г. – 6,5%, что позволило ей занять 14 мест в Федеральном собрании и 14 в Чешском национальном Совете. Причины роста ее популярности следует искать в том, что партия выступала категорически против раздела Чехословакии. На выборах 1996 г. она получила 8,1% и 18 мест в Палате депутатов чешского парламента. На досрочных парламентских выборах 1998 г. партия значительно снизила свои показатели и получила всего 3,8% голосов. В то же время на выборах в местные органы власти 2000 г. ее представители заняли около 100 депутатских мест.

Республиканская партия участвовала также в выборах в Европейский парламент, результаты приводятся ниже.

Таблица 1

Участие ОЗР – РПЧ в выборах в Европарламент

<i>Год</i>	<i>Число голосов</i>	<i>%</i>	<i>Число мандатов</i>
2004	15 676	0,67	0
2009	7492	0,31	0

Результаты исследований чешских социологов показали, что сторонники ОЗР – РПЧ чаще всего являлись жителями небольших городов и поселков, их большинство составляли молодые мужчины, которые первый раз участвовали в выборах. Партия имела нестабильную электоральную базу. Ее избиратели, повзрослев, становились сторонниками других политических партий. Программа партии привлекала главным образом как представителей среднего класса, так и малоимущих, проживающих в сельской местности молодых людей с начальным и средним образованием в Северной Чехии и пенсионеров [Sdružení].

После 1998 г. партия стала утрачивать свое влияние, снизила политическую активность и постепенно маргинализировалась. По решению Конституционного суда в 2013 г. партия была запрещена и распущена. Вновь эта партия с несколько измененным названием – Объединение за республику – Республиканская партия Чехословакии 2016, с прежним лидером и прежней программой появилась на чешской политической сцене в 2016 г. С помощью этого проекта Мирослав Сладек, который трижды баллотировался на пост президента, пытается вернуться к политической деятельности [Extremismus 4].

В 1990 г. возникла партия «**Правая альтернатива**». На рубеже нового тысячелетия она играла значительную роль в политической жизни. Под ее эгидой проводились праворадикальные демонстрации. Внешне эта партия дистанцировалась от неонацистской идеологии, но в своих периодических изданиях использовала неонацистскую риторику, занимая жесткие позиции по отношению к цыганам, иммигрантам, распространяя расовую нетерпимость, привлекала к себе интерес средств массовой информации.

Еще одной политической партией, которая в прошлом также привлекала к себе интерес средств массовой информации и сил безопасности, была **Национальная партия (НП)** (официально зарегистрирована 31.10.2002). НП позиционировала себя как патриотическая политическая партия, придерживающаяся консервативных ценностей и национальных традиций. Идеология партии основывалась на интегральном традиционализме, который она хотела адаптировать для современного поколения чехов. Чешский вариант традиционализма основывался на принципах порядка, авторитета, на строгом соблюдении дисциплины, лояльности, исполнении обязанностей и ответственности. НП в прошлом часто бывала радикальным партнером парламентских политических партий.

В программе НП упор был сделан на критику ЕС, НАТО, радикального ислама, культурного многообразия и процессов глобализации. НП выдвигала требования ужесточения чешской иммиграционной политики, условий для предоставления чешского гражданства, усиления лояльности со стороны национальных меньшинств в ЧР, осуществления на практике принципов прямой демократии. Однако партия не сумела привлечь на свою сторону хотя бы незначительное число сторонников и фактически к 2009 г. прекратила свою деятельность; по решению суда она была распущена в 2013 г. [Smolík, 2013, s. 394].

Во второй половине 2000-х на крайне правом фланге появился еще один политический субъект – **Рабочая партия (РП)**. На рост ее поддержки повлияли экономический кризис, возрастание напряженности в районах компактного проживания цыган, главным образом на севере Чехии (Мост, Литвинов, в последнее время также Новый Бор, Шлукнов, Варнсдорф), укрепление позиций крайне правых сил в Западной Европе.

РП строила свой имидж на принципиальной антисистемности. Она пользовалась прозрачными отсылками к неонацизму (в символике, в программных текстах). Партия делала акцент на публичных акциях и привлечении молодежи. Идеология партии представляла собой характерную для европейских «новых правых» смесь крайнего евроскептицизма, тезисов о губительности мультикультурализма и при этом левой риторики в экономических вопросах. В то же время партия отрицала возможность сотрудничества с коммунистами, относя их к «системным» партиям. Межэтнические столкновения на севере Чехии принесли Рабочей партии дополнительные «очки» в глазах ее потенциального электората. На парламентских выборах 2010 г. партия, которая была вынуждена из-за судебного запрета своей деятельности участвовать в выборах по спискам Рабочей партии социальной справедливости, получила 1,14% голосов, что позволило ей получить государственное финансирование [Бобраков-Тимошкин, 2011, с. 6].

РП была распущена по решению суда в 2010 г. Ее наследницей объявила себя **Рабочая партия социальной справедливости (РПСС)**. РПСС – праворадикальная чешская непарламентская националистическая партия, которая возникла в январе 2004 г. Тогда она называлась Партия граждан Республики Чешской. 14 сентября 2005 г. была переименована и стала называться Демократическая партия социальной справедливости. Свое нынешнее название по-

лучила 10 ноября 2008 г. Партию возглавляет Томаш Вандас, сын первого председателя партии Ганны Павличковой. Партия поддерживает контакты с украинским Правым сектором и в конце февраля 2014 г. по приглашению ее председателя ЧР посетили с визитом его представители [Dělnická].

Партия дистанцируется от идеологии нацизма, но носит ярко выраженный националистический характер. Основные пункты ее программы состоят в следующем:

- Выход ЧР из ЕС и НАТО.
- Выселение нелегальных иммигрантов.
- Однопалатный парламент (ропуск Сената).
- Отмена государственных субсидий политическим партиям за их членство в Палате депутатов и Сенате.
- Введение права отзыва депутатов.
- Предоставление большей самостоятельности городам и сельским поселениям в налоговой сфере.
- Установление административных границ Моравии и Силезии;
- Запрет гомосексуальных браков.
- Восстановление смертной казни.
- Расследование мошенничества и злоупотреблений в ходе так называемой «малой» и «большой» приватизации.
- Возрождение чехов и всего национального чешского [Program, 2015].

РПСС принимала участие в выборах в законодательные органы различных уровней. Во время парламентских выборов 2006 г. она не стала выдвигать своих кандидатов, зато 27 ее членов были включены в список национал-консервативной партии «Право и справедливость», за которую проголосовали 12 756 избирателей (0,23%). В том же году партия приняла участие в муниципальных выборах, собрав 11 159 голосов (0,01%) и сумев провести в муниципальный совет одного представителя.

На выборах в краевые советы 2008 г. она вновь не стала выдвигать своих кандидатов, создав коалицию с Рабочей партией под названием «Рабочая партия – за отмену платного здравоохранения». В общей сложности по всей Чехии (за исключением Пльзенского края) за коалицию отдали свои голоса 0,90% избирателей. В Пльзенском крае коалиция называлась «Рабочая партия – нет американскому радару!», получив 1,47% голосов. Всего в объединенный список были включены 24 члена Рабочей партии социальной справедливости, т.е. они заняли примерно 1/10 мест в списке.

В парламентских выборах 2010 г. по списку Рабочей партии социальной справедливости участвовали в общей сложности 336 человек, из них 189 членов партии, 16 представителей Объединения за республику – Республиканской партии Чехословакии, два человека от партии «Национальное процветание», по одному кандидату от Демократической партии Чехословакии, партии «Мораване» и Рабочей партии, остальные были беспартийными. В результате за список проголосовали 59 888 избирателей (1,14%). В том же году партия приняла участие в муниципальных выборах, получив 0,22% голосов. В городе Острава за Рабочую партию социальной справедливости отдали свои голоса 35 564 человек (0,82%). Удачнее всего партия выступила в северочешском городе Крупка, сумев завоевать там два места в муниципальном совете.

На выборах в краевые советы 2012 г. Рабочая партия социальной справедливости выдвинула в четырех краях свои списки, еще в девяти краях участвовала в коалициях. В общей сложности за кандидатов партии, считая голоса, отданные за коалиции, проголосовал 50 751 избиратель (1,91%).

Таблица 2

**Участие РПСС в выборах в
Палату депутатов Чешской Республики [Dělnická]**

<i>Год</i>	<i>Число голосов</i>	<i>Голоса в %</i>	<i>Число мандатов</i>
2010	59 888	1,14	0
2013	42 906	0,86	0

Таблица 3

Результаты РПСС на выборах в Европейский парламент (Ibid)

<i>Год</i>	<i>Число голосов</i>	<i>Голоса в %</i>	<i>Число мандатов</i>
2004	4289	0,13	0
2009	25 386	1,07	0
2014	7902	0,52	0

Таблица 4

Выборы в местные органы власти (Ibid)

<i>Год</i>	<i>Число голосов</i>	<i>Голоса в %</i>	<i>Число мандатов</i>
2006	2233	0,01	3
2010	198 848	0,22	2
2014	68 847	0,05	2

Как отмечалось выше, Рабочая партия социальной справедливости объявила себя наследницей Рабочей партии, идеология которой представляла собой смесь национал-социализма, чешского национализма, евроскептицизма и антисемитизма. Не желая повторить путь Рабочей партии и избежать запрета, РПСС пытается дистанцироваться от тоталитарных идеологий, в том числе от нацизма. Основным пунктом ее программы была борьба против безработицы. Партия резко выступала против гомосексуальных браков, против членства Чешской Республики в ЕС и НАТО. Ее нынешний лидер Томаш Вандас был в свое время секретарем лидера Республиканской партии М. Сладека.

РПСС в 2015 г. стала членом «Альянса за мир и свободу»¹, который не скрывает своих симпатий к современной России, одновременно партия получает финансирование от Европейского парламента.

Крайне правые политические силы в Чехии действуют разрозненно, им даже не удалось объединиться для участия в местных выборах (октябрь 2016 г.). Эксперты отмечают падение престижа РПСС. На парламентских выборах, проходивших в Чешской Республике после 1993 г., ей не удалось получить ни одного мандата. Все больше она зависит от поддержки зарубежных организаций – «Альянса за мир и свободу» (Alliance for Peace and Freedom), Национал-демократической партии Германии.

Чешские правые демократы поддержали итоги британского референдума о выходе Великобритании из ЕС, охарактеризовав их как победу национализма над «мультикультурализмом Европейского союза». Однако ими замалчивается тот факт, что сторонники выхода Великобритании из ЕС выступают также против иммигрантов из стран Восточной Европы.

Чешские крайне левые силы оценивали Brexit с иных идеологических позиций, так как рассматривают ЕС в качестве «инструмента наднационального капитала».

Положение в среде крайне правых партий Чехии в настоящее время характеризуется конкуренцией между РПСС и партией Национальная демократия (НД).

¹ «Альянс за мир и свободу» – организация, объединяющая правые политические партии Европы. Была сформирована в Будапеште 24.10.2009.

Национальная демократия (НД) – политическая партия, которую возглавляет известный чешский журналист Адам Бенджамин Бартош.

Сама НД рассматривает себя как «консервативную и патриотическую партию, основанную на идеях античности и христианства. Ее основной целью является защита национальных интересов и традиционных ценностей, которые лежат в основе человеческого сообщества (традиционная семья, национальное самосознание, вера, творчество)» [Narodní]. После того как несколько раз арестовывали ее лидера Адама Бартоша, она стала считать себя «оппозицией режиму, который представляет собой реальную опасность для традиционных чешских семей, чешской культуры и для существования самой страны» [Ibid.]. Национальная демократия выступает против либеральной демократии и ее ценностей. Партия проповедует радикальный национализм, идеологию антисемитизма.

Партия возникла осенью 2005 г. как политическое движение «Право и справедливость – “Да” традиционной семье, “Нет” коррупции и преступности». В марте 2008 г. было принято решение о преобразовании движения в политическую партию и об изменении названия партии по примеру польской партии «Право и справедливость». На протяжении 2014 г. партия называлась «Нет Брюсселю – Национальная демократия», что было связано с проведением выборов в Европарламент. С декабря 2014 г. название было изменено снова, и она стала называться «Национальная демократия».

Изменяя свое название, эта организация стремилась получить большую известность в средствах массовой информации. Но реального успеха на выборах она не имела. Партия, выйдя на политическую сцену, стала конкурировать с РПСС, часть сторонников которой перешли на ее сторону. Ситуация в этой части политического спектра характеризуется острыми противоречиями между НД и РПСС, что ослабляет каждую из них и ведет к раздробленности организаций правого толка.

Между лидерами РПСС и НД Т. Вандосом и А. Бартошем существует личная неприязнь. Бартош публично заявил, что у Вандоса отсутствуют качества политического лидера, и призвал членов РПСС покинуть ее ряды и вступать в НД. Обе эти партии стремились установить дружеские отношения со словацким неонацистом Мартином Котлебой. В этом соревновании победил Т. Вандос, тогда как на долю Бартоша остался другой словацкий

неофашист – Марианн Магат. Словарь НД своеобразен, по замечанию чешских обозревателей, в нем отсутствуют какие-либо признаки политической корректности [Mikel, 2016].

Как отмечается в справке Министерства внутренних дел ЧР об экстремизме, которую оно регулярно готовит последние годы и публикует один раз в квартал, НД представляет собой больше виртуальный проект, нежели реально действующую организацию.

Среди сторонников НД очень мало неонацистов. Приверженцы этой идеологии, такие как Павел Матейный, были вынуждены выйти из рядов НД и основать свою организацию «Национальное возрождение». Большую часть сторонников НД составляют граждане, неудовлетворенные своим положением в обществе или разочарованные развитием в стране в целом. НД сотрудничала с парламентской партией Томико Окамуры (выходца из Японии) «Свобода и прямая демократия». В настоящее время в НД можно выделить несколько идеологических течений. Критикуя Европейский союз, НД видит альтернативу членству в нем в ориентации на сотрудничество с Россией. Партия развивается путем образования новых отделений на местах, отличается ярко выраженной радикальной риторикой. В последнее время от критики ЕС она перешла к критике отечественной политической элиты – прежде всего Чешской социал-демократической партии и нынешнего премьер-министра Богуслава Сobotки [Extremismus (3)].

Одним из проектов этой партии, которым она намеревалась привлечь на свою сторону потенциальных избирателей, стала организация «Национальная самооборона», возникшая в январе 2016 г. Она определяет себя как независимую общественно-неполитическую инициативу граждан. Как указывается в Декларации Совета «Национальной самообороны», задача этой организации состоит в том, чтобы обеспечивать защиту жилища граждан Чешской Республики, их жизни, здоровья и имущества, а также поддерживать социальный мир, стабильность и законность в том случае, если законодательные органы и органы государственной безопасности не будут готовы или способны осуществлять свою деятельность в соответствии с присягой и обязательствами, установленными законом. Одновременно задачей «Национальной самообороны» является защита территориальной целостности и существования Чешской Республики в случае масштабных боевых действий, паралича или краха государственной власти и невозможности иначе эффективно защитить свой национальный суверенитет, физиче-

ское противодействие угрозе распада государства. Основываясь на Законе № 585/2004 Свода законов о воинской повинности, «Национальная самооборона» намеревается действовать как вторая резервная армия Чешской Республики или самостоятельно по своему усмотрению [Deklarace, с. 3].

В структуре «Национальной самообороны» предусмотрен Совет, который выполняет координационные, информационные, представительские функции. Он устанавливает контакты со средствами массовой информации, развивает отношения с политическими партиями и движениями, с общественными организациями, государственными органами, с чешскими вооруженными силами и полицией [Со, 2016].

Членом «Национальной самообороны» может стать любой гражданин Чешской Республики, возраста и национальности, оставаясь при этом членом любой политической партии. «Национальная самооборона» позиционирует себя как организация вне политики. Член этой организации обязан на рукаве униформы носить установленную нашивку. Будучи в униформе и участвуя в публичных акциях, он обязан выступать аполитично и отказаться от пропаганды своих политических воззрений.

Опорой «Национальной самообороны» являются группы, которые образуются по месту жительства. Минимальное число членов группы – два человека. Они автономны в своей деятельности [Deklarace, 2016].

В справке Министерства внутренних дел ЧР деятельность «Национальной самообороны» характеризуется как «виртуальная», однако будучи перенесена «на улицы», она может представлять собой угрозу безопасности [Extremismus (2)]. Своих сторонников эта организация вербует среди тех, кто разочарован развитием страны после 1989 г., современным политическим устройством или внешней политикой Чехии. Эта зарегистрированная организация распространяет страхи по поводу мигрантов и выступает против членства ЧР в ЕС и НАТО. Она также имеет тесные связи с самопровозглашенной Донецкой Народной Республикой и заявляет, что берет на себя роль консульства этой республики в Чехии.

После прекращения в мае 2016 г. деятельности организации «Блок против ислама» большая часть настроенных против ислама чешских граждан стала отдавать предпочтение партии «Свобода и прямая демократия», которая ориентирована, в отличие от антиисламских и антииммиграционных организаций, на более широкий

круг вопросов. Лидером чешских антиисламистов по-прежнему является Мартин Конвичка. По мнению чешских компетентных органов, миграционный кризис в настоящее время затухает. Поэтому субъекты, которые использовали его, пропагандируя защиту чешского народа и сохранение чешских традиций, не сумели найти новые мобилизующие темы [Extremismus (4)].

В конце 2015 г. стала действовать небольшая радикальная организация, в основном в Мостецком крае, подразделение «Солдаты Одина», возникновение которого было инициировано деятельностью одноименной организации в Финляндии. Их численность в настоящее время составляет 30 человек. Они выступают против ислама, осуществляют патрулирование, цель которого, по их заявлениям, состоит в защите европейских культуры и традиций [Nápravník, 2011].

Политический радикализм – течение весьма разнородное по составу участников: от политических партий до экстремистских организаций. Особенностью чешской партийной системы является существование в ней, наряду с типичными радикальными партиями, партий, которые не являются таковыми, но от их представителей можно слышать высказывания националистического, антиисламского или ксенофобского характера. Это прежде всего Гражданская демократическая партия, известная своим критическим отношением к европейской интеграции, и Коммунистическая партия Чехии и Моравии, выступающая против членства Чешской Республики в НАТО и ЕС. К числу чешских политиков, которым не чужды радикальные взгляды, обозреватели относят известного своей антиисламской позицией чешского президента М. Земана и лидера движения АНО миллиардера А. Бабича, прозванного «чешским Трампом» [Forster, 2016].

В 2016 г. чешские праворадикальные и экстремистские организации, по данным Министерства внутренних дел, провели 308 различных акций. Их деятельность контролируется чешскими органами безопасности, в основном МВД. Ситуация в данном секторе политического спектра характеризуется ими как «спокойная».

В последнее время мир сталкивается с ростом электоральной поддержки праворадикальных, национал-популистских партий как в странах Восточной, так и Западной Европы. Избиратели голосуют за них не потому, что их экономические или социальные программы имеют для них особую привлекательность. Они голосуют за эти партии, чтобы выразить недовольство экономической си-

туацией в стране. Практически все правопопулистские партии стран ЕС являются противниками европейской интеграции, которая интерпретируется ими как управляемый элитой антинациональный проект, искаженный дефицитом демократии и коррупции.

Чешские правые еще не научились привлекать на свою сторону избирателей и получать их голоса. В парламентских выборах 2017 г. Рабочая партия социальной справедливости получила 0,2%, Объединение за республику – Республиканская партия Мартина Сладека – 0,19% [Копецнћ]. Однако в отличие от иных государств в Чехии существует достаточно активная группа неонацистов от 15 до 30 лет, которая весьма деятельна в проведении демонстраций и концертов. В этом отношении страна лидирует среди европейских стран. Но когда проходят выборы, то в Чехии можно наблюдать чуть ли не самое низкое число симпатизирующих данному политическому спектру, говорит Ондржей Цакл из общества «Толерантность и гражданское общество» [Каймаков, 2008].

Список литературы

- Бобраков-Тимошкин А.* Наследники традиций: Коммунистическая партия Чехии и Моравии как консервативно-националистическая сила. – 2011. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/1591> (Дата обращения: 25.06.2017.)
- Васинкевич О.* Фашизм в красно-белых тонах. – 2011. – 12–02. – Режим доступа: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/progulki/fashizm-v-krasno-belyx-tonax>. (Дата обращения: 13.06.2017.)
- Каймаков А.* Неонацисты ищут своих сторонников. – 2008. – 08.08. – Режим доступа: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/demokrati/neonacisty-ishchut-svoix-storonnikov> (Дата обращения: 29.05.2017.)
- Český fašismus.* – 2010. – 30.12. – Mode of access: <http://www.ceskatelevize.cz/ct24/archiv/1294681-cesky-fasismus> (Дата обращения: 25.06.2017.)
- Co je národní domobrana?* – Mode of access: <http://www.narodnidomobrana.cz> (Дата обращения: 15.02.2017.)
- Deklarace rady národní domobranu.* – Mode of access: <http://www.narodnidomobrana.cz> (Дата обращения: 15.02.2017.)
- Dělnická strana sociální spravedlnosti.* – Mode of access: https://cs.wikipedia.org/wiki/D%C4%9Blnick%C3%A1_strana_soci%C3%A1ln%C3%AD_spravedlnosti (Дата обращения: 17.02.2017.)
- Extremismus Souhrnná situační zpráva 1. čtvrtletí roku 2016. (1).* – Mode of access: <http://www.mvcr.cz/clanek/ctvrtletni-zpravy-o-extremismu-odboru-bezpecnostni-politiky-mv.aspx> (Дата обращения: 19.02.2017.)

- Extremismus Souhrnná situační zpráva 2. čtvrtletí roku 2016. (2). – Mode of access: <http://www.mvcr.cz/clanek/ctvrtletni-zpravy-o-extremismu-odboru-bezpecnostni-politiku-mv.aspx>. (Дата обращения: 19.02.2017.)
- Extremismus Souhrnná situační zpráva 3. čtvrtletí roku 2016. (3). – Mode of access: <http://www.mvcr.cz/clanek/ctvrtletni-zpravy-o-extremismu-odboru-bezpecnostni-politiku-mv.aspx> (Дата обращения: 20.02.2017.)
- Extremismus Souhrnná situační zpráva 4. čtvrtletí roku 2016. (4). – Mode of access: <http://www.mvcr.cz/clanek/ctvrtletni-zpravy-o-extremismu-odboru-bezpecnostni-politiku-mv.aspx> (Дата обращения: 24.02.2017.)
- Forster K.* Europe's new fascism? The far-right leaders hoping to take power in 2017. – 2016. – 15.11. – Mode of access: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/marine-le-pen-geert-wildersnorbert-hofer-rise-of-fascism-europe-far-right-leaders-donald-trump-a7417276.html> (Дата обращения: 25.06.2017.)
- Kreidl M., Vlachová K.* Rise and Decline of Right-Wing Extremism in the Czech Republic in the 1990 s // *Czech Sociological Review*. – Praga, 2000. – N 1. – S. 69–91.
- Konečné výsledky voleb v ČR. – Mode of access: <http://www.info.cz/volby-2017> (Дата обращения: 23.10.2017.)
- Mikel J.* Proč nás (ne)baví Národní demokracie? A proč nám chce vzít porno? – 2016. – 4.10. – Mode of access: <http://www.houpaciosel.cz/2016/10/04/proc-nas-nebavi-narodni-demokracie-a-proc-nam-chce-vzit-porno> (Дата обращения: 23.06.2017.)
- Nápravník J.* Pravicový radikalismus v české republice po roce 1989. – Mode of access: https://dspace.tul.cz/bitstream/handle/15240/10341/mgr_17879.pdf?Sequence=1 (Дата обращения: 15.06.2017.)
- Pejčoch I.* Fašismus v českých zemích. Fašistické a nacionálněsocialistické strany a hnutí v Čechách a na Moravě 1922–1945. – Praga: Academia, 2011. – 864 s.
- Program DSSS 2015. – Mode of access: <http://www.dsss.cz/program-dsss-2015>. (Дата обращения: 25.06.2017.)
- Sdružení pro republiku – Republikánská strana Československa Miroslava Sládka. – Mode of access: https://cs.wikipedia.org/wiki/Sdru%C5%BEen%C3%AD_pro_republiku_%E2%80%93_Republik%C3%A1nsk%C3%A1_strana_%C4%8Cesk_oslovenska_Miroslava_Sl%C3%A1dka (Дата обращения: 15.05.2017.)
- Smolík J.* Krajněpravicové politické strany v zemích V4: historie a současnost // *Sociológia* [Český, 2010]. – Brno, 2013. – Č. 4. – S. 385–410.

А.Ф. Дырина

**ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
В СТРАНАХ БАЛТИИ
(Реферативный обзор)**

Аннотация. На основе анализа работ крупнейших европейских исследователей рассматриваются актуальность и особенности праворадикальных движений в странах Балтии, их идеология, классификация, характер взаимодействия с другими политическими силами.

Ключевые слова: страны Балтии; праворадикальные движения; партийные системы; сравнительный анализ; влияние; политическая среда.

**A.F. Dyrina
Radical right in Baltic countries
(Abstract overview)**

Annotation. Based on the analysis of the works of first-string European researchers the relevance and particular features of the radical right in Baltic countries are being considered, as well as their ideology, classification and their nature of interaction with other political forces.

Keywords: the Baltic States; radical right; party systems; comparative analysis; impact; political environment.

Три прибалтийских государства – Эстония, Латвия и Литва – имеют сходные пути исторического развития в XX в. Однако при кажущейся общности их исторического развития можно обнаружить серьезные отличия в деталях, в частности, в структуре и характере политических институтов, конституционных особенностях, экономической эффективности. Это особенно подтверждается на примере успеха на выборах и политической актуальности праворадикальных партий и движений. Если использовать линейный

принцип сравнения, то на одном конце находится Латвия, где праворадикальная партия состоит в правящей коалиции с конца 2011 г., и где праворадикальные партии различных оттенков давно были признанной частью партийной системы. На противоположном краю – Эстония, где на данный момент нет крупной праворадикальной партии в Парламенте. Литва, с ее собственным стилем праворадикального популизма, находится посередине между Латвией и Эстонией [Auers, Kasekamp, 2015, p. 1].

Для лучшего понимания современных политических процессов следует обратиться к работам одного из крупнейших исследователей праворадикальных движений в странах Европы – немецкому политологу Михаэлю Минкенбергу. В статье «Модель, процесс, политика: Создавая концепцию праворадикального влияния» [Minkenberg, 2015] он стремится изложить концепцию праворадикального влияния, обращаясь к соответствующей литературе. При этом использует описательный обзор праворадикального движения и моделей его взаимодействия с другими движениями, представляя предварительные результаты их действий на всех уровнях европейской политики. В частности, М. Минкенберг описывает конкретные варианты и тенденции развития европейского праворадикального движения, применяя социальные исследования и акцентируя внимание на изучении взаимодействия праворадикального движения с политической средой – с другими партиями и правительством. Ученый предлагает модель исследования, которая помогает систематически отслеживать и идентифицировать характер и точки взаимодействия нелинейным способом. Собранные им данные и опубликованные данные других исследователей используются М. Минкенбергом для иллюстрации данной модели. Конечная цель исследования – дать концептуальную основу, на базе которой можно изучать праворадикальные движения в европейских демократиях с помощью следующих шагов: определяя и нанося на карту места праворадикальных движений в качестве коллективных субъектов (профили); идентифицируя тренды в развитии (модель); моделируя эффекты взаимодействия праворадикальных движений с другими политическими силами (процесс). Предварительные данные, полученные автором по европейским странам, говорят о явственном различии между Востоком и Западом.

М. Минкенберг предпринимает попытку выявить модели успехов и неудач праворадикальных движений, как в периоды выборов, так и в построении внепартийных отношений, обращая особое

внимание на их (праворадикальных движений) влияние. Внимание к данным вопросам особенно важно, учитывая все возрастающую актуальность данных движений в Европе, особенно роль праворадикальных партий. Находясь все еще «на краю» европейских политических систем, многие праворадикальные партии примкнули к «мейнстриму». А в ряде государств данные партии были или до сих пор являются частью коалиционных правительств или важнейшей составной частью правительств меньшинства¹. Несмотря на специфические политические последствия такого сотрудничества, сам факт прямого или косвенного участия праворадикальных партий в правительствах поднимает проблему их дерадикализации или так называемого «укрощения» (taming). Кроме того, как считает Минкенберг, готовность «мейнстримовых» правых партий сотрудничать с праворадикальными партиями указывает на «пористость» структуры обоих типов движений [Minkenberg, 2015, p. 1].

Как отмечает автор, существует множество определений правого радикализма, а терминология остается спорной. Особенно это касается отношения к демократии. Одни ученые считают, что антидемократическая позиция всегда на повестке дня у праворадикальных движений. Другие видят праворадикальные (в том числе популистские) движения как выразителей особой формы демократии. То, что эти группы отрицают демократию, не должно утверждаться по определению, для обоснования этого тезиса необходимы эмпирические исследования.

Следуя ранней концепции модернизации, М. Минкенберг считает, что праворадикальные движения в демократическом обществе включают в себя все виды партий, общественных и субкультурных движений, которые возникают во времена ускоренных политических, социальноэкономических и культурных изменений, и борются с подобными изменениями, задавая все более радикальные критерии для включения в группу «своих». М. Минкенберг утверждает, что «на программном уровне правый радикализм определяется как политическая идеология, основным элементом которой является миф о гомогенной нации, романтический и популистский ультра национализм, который бросает вызов концепции и реальности либеральной и плюралистической демократии и лежащим в ее основе принципам индивидуализма и универ-

¹ Правительство меньшинства – правительство, в котором правящая партия имеет большинство мест, но данное большинство – меньше 50% от общего числа.

сальности» [Minkenberg, 2015, p. 2]. Иными словами: задаются все более радикальные критерии для включения в группу «своих», обычно это связывается с понятием «нация». Хотя данное определение не включает в себя в явной форме антидемократическую позицию, оно помещает праворадикальные движения «на край» политического спектра в либеральных демократиях и позволяет дифференцировать данное явление в соответствии с их уровнем экстремизма.

Представление о том, что мобилизация праворадикальных или ксенофобских движений обычно происходит во времена ускоренных социальных и культурных изменений, служит исходной точкой для объяснения мобилизации праворадикальных движений в Восточной Европе после 1989 г. [там же].

В терминах социологии праворадикальные движения могут быть проявлением «экстремизма центра», или неким союзом между рабочими и средним классом. Но в работе М. Минкенберга праворадикальные движения понимаются прежде всего в идеологическом смысле. Применительно к партиям ярлыки «популистски-правые партии» или «правый популизм» не добавляют аналитической ясности, так как популизм является весьма размытым понятием.

Как бы то ни было, концепция праворадикальных движений не содержит понятия о нем как о гомогенной группе, такой, например, как сообщество коммунистических партий. Здесь необходима дифференциация как в идеологическом смысле, так и в организационном. Особенно это важно для прояснения вопроса о том, где провести границу между «окраинами» и «мейнстримом», и как и под давлением каких обстоятельств праворадикальные движения могут перейти от «окраин» к «мейнстриму». Зарубежные исследователи предлагают разные подходы. Итальянский политолог Пьеро Игнаци различает классические правоэкстремистские движения и постиндустриальные правоэкстремистские движения. Американский политолог Герберт Китсчелт выделяет фашизм, «шовинизм благосостояния», антигосударственный популизм и новые праворадикальные движения. Базируясь на работах данных авторов и собственных исследованиях, М. Минкенберг приходит к выводу о том, что фундаментальная идеологическая линия может быть проведена после ответа на вопрос, пользуются ли сегодня праворадикальные движения историческим наследием аналогичных межвоенных движений, идеологиями нацизма и фашизма, или они пропагандируют более современный расизм и этноцентристский национализм, допуская менее экстремальные варианты радика-

лизма и внося не этнические элементы исключительности отдельных социальных групп (такие, как религиозная принадлежность) [Minkenberg, 2015, p. 3].

Другими словами: концепция праворадикальных движений включает в себя и популистские праворадикальные движения (по типологии нидерландского политолога Мудде) наравне с непопулистскими праворадикальными движениями. Данный подход обуславливает типологию М. Минкенберга, которая базируется на теории модернизации. В данном случае идеологические варианты могут быть определены в соответствии с концепцией нации и критериями невключения в нацию.

В соответствии с этим предлагается следующая классификация праворадикальных сил: 1) авторитарно-фашистские (антидемократические), заключающие в себе расизм и ксенофобию, и одобряющие насилие как средство политической борьбы; 2) расистские и этноцентристские, но не являющиеся ни фашистскими ни антидемократическими; 3) популистско-авторитарные, организующиеся вокруг сильного харизматического лидера и имеющие расплывчатую националистическую или ксенофобскую идеологию; 4) религиозно-фундаменталистские, у которых национализм сливается с религиозной нетерпимостью. Все четыре варианта объединяет поиск внутренней однородности нации посредством выделения группы «своих» – непринятие различий и плюрализма – и политика, направленная против истеблишмента.

Большинство сравнительных исследований праворадикальных движений сосредоточивается на политических партиях. М. Минкенберг понимает праворадикальные движения шире – через партийные и непартийные проявления. Потому, используя категории партии или движения, важно понять, при каких условиях правые радикалы проявляют себя скорее в форме движения, нежели партии, и до какой степени другие формы праворадикальных движений поддерживают или, наоборот, сдерживают усилия конкретной организации по мобилизации. Варианты организаций праворадикальных движений различаются своим подходом к институтам политической власти и общественному мнению. Партии участвуют в выборах и стремятся попасть в государственные органы власти. Общественные движения стремятся заручиться поддержкой общества, но не стремятся к власти. Наконец, небольшие группы и социокультурные движения действуют в достаточной степени независимо как от партий, так и от крупных общественных движений.

Они не демонстрируют формальных организационных структур, но представляют собой сети, связанные с другими организациями. Обычно они более радикальны, чем любая партия или общественная организация, зачастую декларируют насилие как метод политической борьбы [Minkenberg, 2015, p. 4].

По классификации М. Минкенберга к этноцентристско-правым организациям относится латвийская партия «Всё для Латвии!» [Minkenberg, 2015, p. 7]. Эта партия была создана в 2006 г., базой для нее послужила одноименная молодежная организация, существовавшая с 2000 г. М. Минкенберг сравнивает результаты выборов в парламенты различных европейских стран. За шаг берется период в пять лет. В период с 2004 по 2009 г. «Всё для Латвии!» получала в среднем 1,5% голосов. С 2010 по 2014 г. данная цифра составляла уже 10,8% [Minkenberg, 2015, p. 8].

Идеологические особенности праворадикальных партий Восточной Европы соответствуют их избирательным моделям. Покуда праворадикальные партии региона демонстрируют в целом более высокий градус идеологического экстремизма, чем их западные «коллеги», их избирательная поддержка ниже, чем избирательная поддержка аналогичных партий Запада. В то же время колебания количественных показателей поддержки праворадикальных партий в Восточной Европе выражены сильнее, чем в Западной Европе [Minkenberg, 2015, p. 10].

Праворадикальные партии в Восточной Европе, даже имеющие высокий уровень избирательной поддержки, не существуют дольше одного или двух законодательных периодов. Они либо распадаются, либо замещаются другими партиями, либо сливаются с ними. «Гидравлическая» связь между силой партии и силой общественного движения не характерна для Восточной Европы. В данном регионе мы наблюдаем партии и общественные движения одинаковой силы.

М. Минкенберг анализирует влияние праворадикальных движений и партий в странах Балтии в период до 2004 г. и в последующие 10 лет. В Литве праворадикальные партии, имеющие умеренное влияние, существовали в оба периода, а относительно сильные праворадикальные движения появились только в 2014 г. В период до 2004 г. М. Минкенберг оценивает праворадикальные движения Литвы как слабые.

В Эстонии, по его оценкам, праворадикальные движения в оба периода были слабы, так же как и партии. В Латвии до 2004 г.

присутствовали только слабые праворадикальные движения. Через 10 лет они трансформировались в сильные движения, и появились такие же сильные партии.

В целом праворадикальные движения и партии в Восточной Европе менее структурированы, чем в Западной Европе. Данная особенность партийно-политической системы связывается с наследием старого режима и общими моделями последующих переходных периодов. Электоральные колебания праворадикальных движений Восточной Европы и тенденция к их самовозрождению от одних выборов к другим делает их обескураживающе изменчивыми. Вследствие этого границы между праворадикальными движениями и праворадикальными партиями, так же как и между радикальными правыми и правым флангом «мейнстрима», становятся проницаемыми.

Доктор политологии Таллинского университета Тонис Саартс в статье «Сравнительный анализ партийных систем Центральной и Восточной Европы: страны Балтии» сравнивает партии этих стран по ряду показателей [Saarts, 2015, p. 3].

Одним из ключевых параметров для характеристики праворадикальных партий Т. Саартс считает непостоянство их поддержки электоратом, и, как следствие, резко отличающиеся результаты по итогам выборов [Saarts, 2015, p. 4].

Избирательное непостоянство в названных странах всегда было относительно высоким и заметно колебалось от выборов к выборам. Тем не менее средний показатель волатильности избирателей всегда был самым низким в Эстонии. Хотя партийная система в Литве рассматривалась как более стабильная, чем партийные системы Латвии и Эстонии, это достигалось прежде всего за счет баланса между консерваторами и социал-демократами. Непостоянство избирателей возросло в 2000-х годах, с приходом в парламент новых партий [Saarts, 2015, p. 5].

Анализу деятельности праворадикальных партий в Латвии посвящена статья Дауниса Ауэрса (доцента Латвийского университета, Рига) и Андреса Казекампа (профессора политологии Университета г. Тарту, Эстония) [Auers, Kasekamp, 2015].

По мнению авторов, история праворадикальных движений в Латвии восходит к межвоенному независимому государству. На рубеже 1920-х и 1930-х годов возникло несколько экстремистских организаций, оппозиционных по отношению к государству, бывшему

тогда демократическим. Данные партии ориентировались на успех подобных движений в Италии, Венгрии и, конечно, в Германии.

Однако значительно больший интерес для современности, чем экстремистские организации того времени, представляет модель авторитарного государства Карлиса Улманиса. В общественном сознании период его правления (1934–1940) считается «золотой эпохой» независимой Латвии. В те годы латвийская экономика преодолела экономический спад, а бунтарские политические партии 1920-х годов уступили место культуре вождя, который ассоциировался с экономическим ростом и политической стабильностью. Более того, режим Улманиса благоприятствовал этническим латышам в условиях существования влиятельного немецкого меньшинства и ограничивал имевшиеся ранее широкие национальные права евреев и русских. Примечательно, что экономическая модель времен Улманиса была направлена на поддержку отечественного производителя. Современные латвийские радикалы часто обращаются к эпохе Улманиса, считая его правление идеальной моделью для современного латвийского государства. Как отмечают Д. Ауэрс и А. Казекамп, символы и памятники эпохи Улманиса все еще вызывают отзвук в современном обществе и являются отправными идеями для сплочения праворадикальных движений.

Однако с организационной точки зрения в современных праворадикальных движениях Латвии прослеживается связь с националистическими и антисоветскими движениями, появившимися в 1980-х годах. Исследователи условно разделяют их на две группы: 1) умеренные националисты, которые вступали в союз с центристской «зонтичной» (головной) организацией «Народный фронт» (которая объединяла диссидентов, эмигрантов, коммунистов и даже национальные меньшинства). В результате сформировалось ядро правоцентристских партий этнических латышей, которые контролируют исполнительную власть начиная с 1993 г. и по сегодняшний день; 2) радикальные националисты, которые создали в 1989 г. Гражданский конгресс, с перспективой его преобразования в альтернативный парламент, в состав которого вошли бы исключительно граждане, родившиеся в межвоенной Латвии, и их прямые потомки. Тем самым сводилась к нулю роль русскоговорящих жителей стран и представителей других национальностей Советского Союза. Гражданский конгресс придерживался принципов основной идеологии праворадикальных движений, подчеркивающей важность этнически однородной латышской нации [Auers, Kasekamp, 2015, p. 2].

Авторы считают это по сути романтической формой ультра-национализма, идеализирующего досоветскую эпоху Улманиса и противопоставляющего себя либеральному, плюралистическому видению демократии. Конгресс дал жизнь массе радикальных партий первой волны 1990-х годов, в том числе «Отечеству и свободе» и Движению за национальную независимость Латвии. Позже данные движения объединились в союз Отечество и свобода / ДННЛ, а затем составили единую партию.

У ученых нет единого мнения по вопросу о том, следует ли включать данные партии в праворадикальную «семью». М. Минкенберг не относит их к праворадикальной категории. Д. Ауэрс и А. Казекамп придерживаются следующей позиции: «Отечество и свобода» и ДННЛ, так же как и их альянс, – праворадикальные партии, которые произошли из латышских этноцентристских правых движений, и соответствуют основным критериям праворадикальных движений. Причина частой неверной категоризации данных партий – отсутствие четкой границы между латвийскими праворадикальными и «мейнстримовыми» партиями. В Латвии национализм составляет часть «мейнстрима». Граница существует скорее между этническими латышскими и прорусскими партиями. При этом первые отказываются рассматривать саму возможность вступления в правящие коалиции со вторыми [Auers, Kasekamp, 2015, p. 3].

Как правило, каждую весну латвийское общество активно реагирует на акции праворадикальных движений. Всё начинается 16 марта – в неофициальный день памяти бойцов Латышского добровольческого легиона, входившего в состав войск СС. В этот день на шествие выходят бывшие легионеры, к ним присоединяются латышские националисты. Кульминацией противоположных идеологических акций является шествие 9 мая, в котором участвуют ветераны борьбы с фашизмом и многочисленные активисты. В этом мероприятии используются советская атрибутика, историческая реконструкция полевых кухонь – то, что ассоциируется с советской эпохой [Auers, Kasekamp, 2015, p. 5].

Партийная система Литвы может быть охарактеризована как наиболее «разделенная» среди всех стран Балтии. К такому выводу приходит Илзе Балцере, кандидат социологических наук Латвийского университета, в работе «Сравнивая популистские политические партии в странах Балтии и Западной Европы» [Balcere, 2011].

И. Балцере рассматривает деятельность правоцентристской партии «Право и справедливость», основанной в 2002 г. Среди ее создателей – Роландас Паксас, бывший президент Литвы, печально известный тем, что был смещен в ходе импичмента 2004 г. Программа партии «Право и справедливость» основывается на критическом анализе основных проблем, с которыми сталкивается Литва, в том числе недостаточно высокого уровня жизни. Отсюда, по мнению членов партии, вытекают эмиграция жителей Литвы в другие страны Евросоюза, алкоголизм, бытовое насилие.

Члены партии, пытаясь найти решение проблем, призывают к моральному возрождению нации. Особое внимание уделяется теории заговора, в соответствии с которой политическая элита Литвы – марионетки в руках иностранных сил.

В партийной программе отмечается важность расширения прямого влияния народа на политические решения, принимаемые в стране [Balcerė, 2011, p. 5]. Например, мэры, судьи и прокуроры, считают члены «Права и справедливости», так же как главы городов и начальники полиции в регионах, должны избираться местным населением, а не назначаться политическими элитами свыше.

Критика истеблишмента является одной из ключевых составляющих партийной программы. «Право и справедливость» предлагает лишить «правлящую олигархию» большинства привилегий и выступает за возрастание роли президента, который, по мнению членов партии, должен не только представлять Литву на международном уровне, но и иметь больше влияния на внутренние дела [Balcerė, 2011, p. 6].

Все вышеприведенные факты, по мнению И. Балцере, подтверждают тезис о том, что в Литве праворадикальные движения стремятся к правоцентризму и являются по сути популистскими [Balcerė, 2011, p. 7].

Эстонские правые партии не случайно практически не рассматриваются авторами. Все они склоняются к центру политического спектра и являются либо аграрными (Партия свободы – Крестьянское собрание), либо христианскими (Эстонские христианские демократы) по своей сути. Кроме того, как уже было отмечено, ни одна из них не входит в парламент [Balcerė, 2011, p. 8].

Список литературы

- Auers D., Kasekamp A.* Radical Right Impact in Baltic States // *Journal of Contemporary History*. – 2015. – P. 1–19. – Mode of access: <https://www.jstor.org> (Дата обращения: 19.06.2017.)
- Balcere I.* Comparing Populist Political Parties in the Baltic States and Western Europe: Paper for 6th ECPR General Conference. – Reykjavik, 2011. – P. 1–16. – Mode of access: <https://ecpr.eu/filestore/paperproposal/1de703e8-4516-4ed9-92a3-858ed010c393.pdf> (Дата обращения: 19.06.2017.)
- Minkenberg M.* Pattern, Process, Policies: Conceptualizing Radical Right Impact: Paper for ECPR General Conference. – Montreal, 2015. – P. 1–26. – Mode of access: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/37f31939-2ecb-4a71-9026-928ef890c1ed.pdf> (Дата обращения: 19.06.2017.)
- Saarts T.* Comparative Party System Analysis in Central and Eastern Europe: the Case of the Baltic States // *Studies of Transition States and Societies*. – 2015. – Vol. 3, Issue 3. – P. 1–17. – Mode of access: http://www.tlu.ee/stss/wp-content/uploads/2011/11/stss_nov_2011_saarts.pdf (Дата обращения: 19.06.2017.)

Л.С. Лыкошина

**РОМАН ДМОВСКИЙ О НАРОДЕ,
ГОСУДАРСТВЕ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ**

L.S. Lykoshina

**ROMAN DMOWSKI ON THE NATION,
THE STATE AND THE NATIONAL IDEA**

...Национализм не играет ведущей роли в польском обществе. Но значение его в политической жизни современной Польши, несомненно, усиливается. Свидетельством тому являются результаты выборов 2015 г., в итоге которых в польском сейме оказались представители достаточно радикальных националистических организаций, прошедших, правда, не самостоятельно, а благодаря успеху партии известного рок-музыканта П. Кукиза. Среди 460 депутатов сейма радикальных националистов только десять. Но в истории III Речи Посполитой такого еще не было. На фоне усиления правых¹ в политической жизни страны националисты в сейме заслуживают особого внимания.

Первыми польских националистов, попавших в сейм, поприветствовали их венгерские единомышленники из партии Jobbik, назвав своими стратегическими партнерами. Взаимная симпатия польских и венгерских националистов имеет уже достаточно дол-

¹ На парламентских выборах 2015 г. победила правоконсервативная партия «Право и справедливость», сформировавшая свое правительство, первые шаги которого на политической сцене ознаменовались принятием целого ряда антидемократических законов, вызвавших волну протеста в польском обществе.

гую историю. Еще в 2013 г. Р. Винницкий (ставший ныне депутатом сейма, а тогда только что избранный глава польской националистической партии «Национальное движение») называл членов партии Jobbik своими братьями¹.

Едва националисты оказались в сейме, как в стране их сторонники (несмотря на всеми способами опровергаемый антисемитизм) вспомнили подзабытый антисемитский призыв народовцев² 1930-х годов, предлагавший польским евреям убраться из Польши на Мадагаскар. В нынешней Польше сделать это предложили главному редактору «Газеты wyborчей» А. Михнику. Конечно, немногие в стране этот призыв поддержали, да и евреев в нынешней Польше, в отличие от Польши межвоенной, совсем мало. Но с приходом в большую политику националистов, в последние годы все более громко заявляющих о себе, в политической атмосфере Польши пусть не очень заметно, но все же ощутимо поваяло чем-то очень напоминающим те далекие и непростые 20–30-е годы XX в., когда политическая жизнь Польши во многом определялась партией «Национальная демократия» и ее лидером Р. Дмовским. Справедливости ради следует заметить, что это связано не только с успехом националистов. Все чаще в общественном дискурсе страны стало упоминаться имя Пилсудского, и не просто из почтения к памяти Начальника государства. Уж очень похоже на стиль Маршала действует глава победившей на выборах партии «Право и справедливость» Я. Качиньский, подобно Пилсудскому не занимающий никаких постов и подобно своему великому предшественнику держащий в руках все рычаги управления польской политикой.

Конечно, время другое, мир другой, но как никогда ранее актуально звучат неоднократно цитированные слова главного редактора журнала «Культура» Е. Гедройца о том, что Польша «управляется двумя гробами – Пилсудского и Дмовского». Имя последнего самым тесным образом связано с польским национа-

¹ Harlukowicz J. Czy ruch narodowy zbuduje u kukiza jobbik. – Mode of access: <http://wyborcza.pl/1,75478,19139988,czy-ruch-narodowy-zbuduje-u-kukiza-jobbik.html#TRrelSST> (Дата обращения: 05.11.2015.)

² Народовцами в литературе принято называть сторонников Национально-демократической партии (НД, или эндеции), действовавшей в Польше в межвоенный период. Иногда этот термин употребляется по отношению к современным националистам. Между сферами употребления терминов четкую границу провести трудно: по сути, они взаимозаменяемы.

лизмом. К трудам Р. Дмовского как к источнику своих идей с благоговением обращаются современные польские националисты. Дмовский не забыт и политиками, пребывающими ныне у власти. Притом что в социалистический период труды Р. Дмовского не переиздавались, а само имя его если и упоминалось, то исключительно в отрицательном контексте. Но времена изменились. В конце 80-х годов XX в. имя Р. Дмовского все чаще стало появляться в польском политическом дискурсе. В 1988 г. в Польше была издана его работа «Польская политика и восстановление государства»¹, издавались и некоторые другие работы политика. В 1989 г. не прошла не замеченной 50-я годовщина со дня смерти Р. Дмовского.

В 1999 г. уже в новой, демократической Польше в 60-ю годовщину смерти политика сейм принял постановление, в котором высоко оценил заслуги Р. Дмовского в деле воссоздания независимого польского государства, отметив, что в своей деятельности Дмовский подчеркивал связь между развитием народа и обладанием собственным, независимым государством, формулируя понятие национального интереса. Сейм Речи Посполитой выразил «признательность выдающемуся поляку Роману Дмовскому»².

2014 год был объявлен в Польше годом Дмовского в связи со 150-летней годовщиной его рождения и 75-й годовщиной со дня смерти. В 2007 г. в Варшаве появился памятник Дмовскому, у подножия которого, по крайней мере один раз в году 11 ноября в День независимости, кипят нешуточные страсти: в этот день в Варшаве проходит Марш независимости, во время которого с некоторых пор происходят столкновения между сторонниками идей Дмовского и их противниками. К памятнику несут цветы, но были и попытки осквернения монумента. Прошедшие со дня смерти политика десятилетия не остудили бурлящие страсти, спор о наследии Дмовского продолжается, и посему представляется правомерным обратиться хотя бы в общих чертах к... основам его идейного наследия, предпринять попытку определить значение этого наследия для современного польского национализма, а значит, в определенной степени, и для политической жизни современной Польши в целом.

¹ Dmowski R. Polityka polska i odbudowywanie państwa. – W-wa, 1988.

² Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 8 stycznia 1999 r. w sprawie uczczenia 60. rocznicy śmierci Romana Dmowskiego. Dmowski R. Mysli nowoczesnego polaka. – Mode of access: <http://wolna-polska.pl/wp-content/uploads/2014/03/Dmowski-Roman-My%C5%9Bli-nowoczesnego-Polaka.pdf> (Дата обращения: 23.10.2015.)

«Национальная демократия» как политическая партия, идейное наследие ее идеологов не обрели в современной Польше того значения и роли, которые они имели в межвоенный период, попытки возрождения этого политического феномена в прежнем масштабе не удалась. Но в стране есть политические силы, апеллирующие к наследию эндеции, по-своему трактующие это наследие. Попытка рассмотрения этих сил представляется правомерной, особенно сейчас, когда Европа переживает кризис, связанный с миграцией, способствующий усилению националистических настроений, когда в отношениях Польши и ЕС обозначились весьма серьезные проблемы, объективно способствующие росту националистических настроений в стране.

Как замечает известный польский философ М. Круль, «в национальном характере поляков есть некая особенность: они никогда ничего не доводят до конца... Все у нас заканчивается яйцом всмятку, не вкрутую. Пилсудский был политиком “вкрутую”, но он имел дело с эндецией и кое-что знал о польской недоделанности. При всем своем демонизме Качиньский закончит “всмятку”»¹. Возможно, предсказания М. Круля сбудутся, и партия Качиньского, не являющаяся националистической, но в своих действиях и программных установках подчас к национализму весьма близкая, и «закончит “всмятку”», но сейчас в Польше политические ветры дуют в паруса правых, создавая достаточно благоприятный климат для националистов.

* * *

О народе и государстве. Национальный вопрос в самом широком смысле занимает основное место в идейном наследии Р. Дмовского. Что такое народ и нация, каким должно быть национальное государство, какое место в нем могут занимать национальные меньшинства, каковы обязанности человека по отношению к своему народу, – все эти вопросы занимали Дмовского на протяжении всей его жизни. Широко известны его проникновенные слова о том, что □ значит быть поляком, увидевшие свет на

¹ Stasiński M. Marcin Król: Demokracja musi być gorąca. – Mode of access: <http://wyborcza.pl/magazyn/1,150174,19519576,marcin-krol-demokracja-musi-byc-goraca.html> (Дата обращения: 10.01.2015.)

страницах «Мыслей современного поляка» (1902). «Я поляк, – писал Дмовский. – Это слово имеет глубокий смысл и означает многое. Это значит, что я принадлежу к польскому народу на протяжении всего его существования, как сегодня, так и в прошлые века, так и в будущем. Я поляк, поэтому всей неохватной душой своей я живу жизнью Польши, ее чувствами, идеями, потребностями, стремлениями и целями. Я поляк, поэтому и обязанности у меня польские... Все, что польское, мое: ни от чего я не могу отказаться. Я могу гордиться всем великим в Польше, но я должен принять и унижение...»¹

Практически на любом сайте современных польских националистов можно найти эти слова. Но что стоит за ними?

В идейном наследии Дмовского, равным образом и народовцев в целом, национальная идея является основополагающей. Тем не менее точного и однозначного определения этого понятия напрасно было бы искать в трудах идеологов энциции. Не случайно и исследователи по-разному оценивают подход к определению народа и национального вообще. Р. Зиманд² считает, что этот подход основан на идеях социальной психологии, Р. Вапиньский³ считает, что ключ надо искать в подходе к народу как к исторической категории.

При обращении к понятию «народ» Дмовский исходил из того, что понимание этой проблемы зависит от личности самого автора, от его чувства национальной принадлежности. Сам Дмовский пережил эволюцию отношения к понятию «народ». Изначально его воззрения основывались на английских представлениях о демократии и народе. Он считал, что принадлежность к народу основана на разуме, сознании. Но со временем, после поездки в Японию, Дмовский пришел к выводу, что главное не разум, а инстинкт⁴.

Основой патриотизма, писал Дмовский, является независимая от воли личности моральная связь с народом, связь, определяющая то обстоятельство, что личность, сросшаяся на протяжении поколений со своим народом, в широкой сфере деятельности

¹ Radowski G. Narodowa demokracja wobec problemów narodowych w Drugiej Rzeczypospolitej w latach 1918–1926. – Toruń, 2000. – S. 8.

² Zimand R. Narodowa Demokracja 1893–1939. Z studio nad dziejami myśli nacjonalistycznej. – Wrocław; W-wa; Kraków; Gdansk, 1980. – S. 37.

³ Wapiński R. Idea narodu w myśli społeczno-politycznej endecji przed 1918 r. // Studia filozoficzne. – W-wa, 1967. – N 4. – S. 1.

⁴ Следует заметить, что увлеченность Востоком была характерна для националистических кругов Европы того времени.

не имеет собственной воли, но должна быть послушна общей воле народа, всех его поколений, что выражается в «унаследованных инстинктах»¹. Эти инстинкты сильнее не только разума, но и инстинкта самосохранения. Когда речь идет о благе национальной общности, они побуждают человека действовать «не только вопреки десяти заповедям, но и вопреки себе самому». К разряду национальной общности Дмовский относил расу (понимая под этим этническое происхождение, язык, общую землю – Отчизну, религию и государство)².

По мысли Дмовского, народ должен иметь организацию, и таковой является государство. Дмовский уверен, что народ – это феномен, созданный государством: «Без государства ни один народ не возник»³. В одном из писем он писал: «У нас в Польше слишком много людей, которые уверяют, что они не хотят, чтобы Польша была такой или иной, и заранее проклинают ее, если она не будет такой, как они хотят. Речь же идет о том, чтобы Польша вообще была, и это самое главное»⁴.

Концепция национального государства в трудах Р. Дмовского не была неизменной и претерпевала эволюцию в зависимости от изменения реального положения дел с решением вопроса о польской государственности. Соотношение понятий «государство» – «народ» – одна из главных тем в «Мыслях современного поляка». «Глубокое чувство единства с народом, его интересами и стремлениями не зависит, – пишет Дмовский, – от того, нравится ли нам родина в ее нынешнем положении и в данной фазе развития...»⁵

Дмовский придерживался идеи национального государства, отвергая демократический постулат о многонациональном государстве⁶. Создание польского государства предполагало включение в его состав этнографических польских земель. Это должно было быть унитарное государство, управляемое коренными поляками. Национальным меньшинствам не отводилось места в руководящих структурах. По мысли Дмовского, государство – собст-

¹ Dmowski R. Postawy polityki polskiej // Dmowski R. Wybor pism. – W-wa, 2014. – Т. 1. – S. 109.

² Dmowski R. Mysli nowoczesnego polaka. – W-wa, 1933. – S. 225.

³ Postawy polityki polskiej// Narodowa demokracja. Antologia mysli politycznej «Przeglądu Wszedzpolskiego»(1895–1905). – London, 1983. – S. 228.

⁴ Micewski A. Op. cit. – S. 184.

⁵ Dmowski R. Mysli nowoczesnego polaka. – W-wa, 1933. – S. 223.

⁶ Wapinski R. Roman Dmowski. – Lublin, 2002. – S. 200.

венность народа, этнические же меньшинства это только граждане государства, не несущие моральной и исторической ответственности за его судьбы, а потому их влияние на судьбы государства должно быть ограничено¹.

В работах Дмовского содержится достаточно подробное изложение его понимания вопроса о том, что \square значит *быть поляком, каковы поляки, в чем суть польского национального характера*. Без понимания этого невозможно, по мысли Дмовского, решать практические задачи построения государства, а это и является главной национальной задачей².

Дмовский отнюдь не превозносит национальный характер своих соотечественников. Более того, он оценивает его весьма критически, исходя из того, что за национальный характер поляков принимают характер польского шляхтича, смешивая при этом «словный тип... с национальным»³, ведь до недавнего времени шляхта и составляла народ. Анализируя историческую роль польской шляхты, Дмовский отмечает ее непохожесть на господствующие классы других народов. Польская шляхта, по мысли политика, не дала сформироваться третьему сословию, погубила польские города. И сделала это при помощи своеобразного суррогата польского третьего сословия – евреев. Последних же никоим образом нельзя причислить к польскому народу, они не принадлежат к польскому обществу, оставаясь ему чуждыми. Евреи не имели никаких политических амбиций, все их стремления и чаяния ограничивались достижением материальной выгоды.

Таким образом, польское общество стало неполным: важная и обширная сфера экономических функций оказалось в руках группы, к обществу не принадлежащей. Но именно от этой группы зависело материальное благополучие шляхты: ведь именно «еврейский фактор решал все экономические проблемы шляхтича, был “мозгом господина”»⁴. Отчасти поэтому польский национальный характер сформировался как характер пассивный. Эта пассив-

¹ Szwed. A. *Koncepcja państwa narodowego w publicystyce Romana Dmowskiego // Sny o potęgę. Bezpieczeństwo, suwerenność, mocarstwowość. Rzeczpospolita polska 1918–1939.* – Lublin. – S. 291.

² Dmowski R. *Myśli nowoczesnego Polaka // Dmowski R. Wybór pism.* – Poznań, 2014. – T. 1. – S. 22.

³ Ibid. – S. 23.

⁴ Ibid. – S. 33.

ность пронизывает все сферы жизни общества, культуру, воспитание детей.

Шляхтич воспринимал отчизну как некую «сумму свобод»¹, между тем, как полагает Дмовский, предметом патриотизма, а вернее национализма, является «не определенный набор свобод, который некогда называли отчизной, но сам народ как живой социальный организм, со своей, имеющей расовую и историческую основу, духовной спецификой, своей культурой, своими языковыми, культурными потребностями, своими традициями...»² Обретение независимости, по мысли Дмовского, лишь этап в развитии национализма.

Новое понимание патриотизма предполагает не только противостояние государствам-захватчикам, но и всему тому, что препятствует развитию народа. Поэтому, полагает Дмовский, необходимо противостоять и русинским, и литовским, и еврейским требованиям, если они противоречат национальным интересам. Следует противостоять классовым, кастовым и религиозным интересам, если таковые не соответствуют интересам национальным. «Польское государство может создать, прежде всего, польский народ, состоящий из коренного польского населения, живущий польской культурой»³. И только тогда, когда этот народ достаточно окрепнет, он сможет вобрать в себя те непольские элементы, в которых он будет нуждаться, и пойти на определенные уступки. Но это будет уступки сильного.

В ходе своего развития, отмечает Дмовский, Польша включила в свой состав огромные территории за Днестром и Двиной, заселенные народами дикими, нецивилизованными и пассивными. Об этом свидетельствует та легкость, с которой они подчинились польскому влиянию. Поляки дали этим народам культуру, свет и повели с собой по пути цивилизации. Но Польша утратила эти территории вместе с государственным бытием. Россия же им ничего не дала.

Народы, стремящиеся к самостоятельному бытию, полагает Дмовский, должны доказать это на деле, бороться за самостоятельность. Он твердо уверен, что не всякое национальное движе-

¹ Dmowski R. Myśli nowoczesnego polaka // Dmowski R. Wybór pism. – Poznań, 2014. – Т. 1. – С. 74

² Ibid. – С. 75.

³ Ibid. – С. 77.

ние заслуживает поддержки. Польское движение, несомненно, таковой заслуживает, ибо это движение «народа политического», стремящегося к собственному государственному бытию. Есть же национальные движения, которые готовы удовлетвориться исполнением их некоторых требований в сфере языка, культуры. Но все равно они будут подвергаться стремлению государства ассимилировать чужеродные национальные элементы, ибо «государство всегда и везде, более или менее сознательно стремилось к достижению культурного единства»¹.

Польша может вобрать в себя иной национальный элемент, если это будет способствовать ее развитию². Кого же конкретно из народов нетитульной нации Дмовский считал возможным переплавить в польском котле и сделать частью польского народа, тем самым обогатив его, а кто расценивался мыслителем как чужеродный элемент, не подлежащий ассимиляции?

*О национальных меньшинствах и возможностях их ассимиляции*³. При обращении к этому вопросу, как правило, Дмовский начинает свои рассуждения с отрицания возможности ассимиляции евреев. За Дмовским прочно утвердилась репутация антисемита. Действительно, сложно опровергнуть это мнение, основываясь на трудах и высказываниях политика. Но это был не зоологический антисемитизм. Антисемитизм Дмовского носил почти мистический характер, он усматривал в евреях какую-то неодолимую силу, нечто не от мира сего, являющее грозную опасность для самой сути польского народа, нечто способное разрушить его идентичность, воспрепятствовать исполнению его исторической миссии. Это глубокое убеждение Дмовский не обосновывает фактами, оно основано на чувстве, на иррациональном нежелании понять и принять другого, чужого, якобы обладающего особыми разрушительными свойствами, которыми не обладает ни один другой народ на земле.

Для Польши, в которой еще со времен Средневековья проживало значительное число евреев, проблема взаимоотношений

¹Dmowski R. Myśli nowoczesnego polaka // Dmowski R. Wybór pism. – Poznań, 2014. – Т. 1. – S. 113.

²Ibid. – S. 99.

³В межвоенной Польше около 30% населения составляли национальные меньшинства, наиболее многочисленными из которых были украинцы, евреи, белорусы, литовцы и немцы. Весь межвоенный период существования польского государства был осложнен нерешенной проблемой национальных меньшинств.

этого народа с титульной нацией стояла достаточно остро. Для антисемитских настроений поляков существовали достаточно благоприятные объективные условия: после революции 1905 г. в Царство Польское переселилось значительное число евреев из Центральной России, бежавших от погромов и дискриминации со стороны властей. Число прибывших евреев (их в Польше называли «литваки»), не знающих польского языка и чуждых польскому обществу, возросло с 9,3% в 1827 г. до 14,7% в 1909 г., а в Варшаве численность евреев увеличилась на 25%¹.

По переписи 1921 г., сторонниками иудаизма назвали себя 2700 тыс. жителей страны, но еврейскую национальность декларировали лишь 73,8% из них. В 1931 г. принадлежность к иудаизму декларировали более 3 млн человек². Точность данных переписей поразному оценивается исследователями, но при любой интерпретации численность еврейского населения в межвоенный период составляла 9–10% от общей численности населения страны. В 1930-е годы количество еврейского населения стало сокращаться вследствие оттока евреев главным образом в Европу. Факт сокращения численности евреев признавался и Р. Дмовским, который причину этого усматривал, в частности, в активизации польской буржуазии³.

В Польше антисемитизм был связан с деятельностью журнала «Роля», издаваемого с 1883 г. и выходившего в свет на протяжении 30 лет. Народовцы на заре своего политического бытия были далеки от антисемитизма. В создании движения участвовали поляки еврейского происхождения: еврей А. Райф был издателем «Свободного польского слова» – издания, связанного с Лигой польской. Среди деятелей Союза польской молодежи «Зет» были евреи⁴. Но с приходом к руководству Зет Р. Дмовского в 1890 г. все изменилось: он самым решительным образом протестовал против участия евреев в движении народовцев.

Концепция отношения Дмовского к евреям была сформулирована и достаточно четко выражена в работе «Мысли современного поляка» (1902). Это произведение стало программным для

¹ Dmowski R. Myśli nowoczesnego polaka. – W-wa, 1933. – S. 194.

² Landau Z., Tomaszewski J. Spoleczenstwo Drugiej Rzeczypospolite j // Przegląd historyczny. – W-wa, 1970. – N 2. – S. 317.

³ Dmowski R. Swiat powojenny a Polska. – W-wa, 1932. – S. 329–333.

⁴ Судьба одного из них – Б. Хиршхельда – оказалась трагической: будучи одним из основателей организации, он, не выдержав усиления антисемитских настроений, покончил с собой в 1899 г.

народовцев, и позиция Дмовского сыграла серьезную роль в формировании идеологии движения. Дмовский видел в евреях причину пороков и слабостей польской шляхты, не желавшей заниматься экономическими проблемами и переложившей всю ответственность на евреев. Справедливости ради следует заметить, что Дмовский возлагает вину за такое положение дел именно на саму шляхту, а не на евреев. Позиция Дмовского не подкреплена цифрами и доказательствами. Он ограничивается общими рассуждениями, но суть отношения к евреям выражена достаточно четко: этот народ чужд полякам, ассимилировать его невозможно.

Отношение народовцев к евреям проявилось и в практической деятельности этой политической организации. В 1912 г. по инициативе эндеции в Польше был организован экономический бойкот евреев. Значительная роль в организации этой акции принадлежала Дмовскому, она явилась реакцией политика на провал на выборах в Четвертую Государственную думу: избиратели, во многом под влиянием пропаганды со стороны евреев, предпочли малоизвестного социал-демократа, рабочего Ягелло. По инициативе Дмовского в Варшаве начала выходить дешевая газета «Утренняя газета. Два гроша», ставшая главной трибуной борьбы против еврейского влияния на экономическую жизнь российской части Польши¹.

Следует заметить, что подобного рода акции не были изобретением эндеции и достаточно часто применялись националистами в Европе на рубеже XIX–XX вв. Так, чехи бойкотировали немецкие товары в 1918–1919 гг., что было связано с новым обострением отношений между поляками и евреями. Началось все с событий во Львове в ноябре 1918 г., когда возник украинско-польский конфликт: поляки обвиняли евреев в содействии украинцам в борьбе за город. Ситуация приобрела драматический характер и ознаменовалась рядом эксцессов, связанных с погромами и убийствами евреев. Подобная ситуация сложилась не только во Львове, но и в ряде других польских городов, что вызвало протесты со стороны мировой еврейской общественности. Как полагал Дмовский, обвинения поляков были не всегда обоснованными, и нередко масштаб конфликтов преувеличивался.

На отношение к евреям повлияли события, связанные с Парижской конференцией 1919 г. На ход конференции серьезное

¹ Micewski A. – Op. cit. – S. 193.

влияние оказали еврейские круги¹. Дмовский в своей работе «Польская политика и воссоздание государства» упорно проводит мысль о решающем влиянии евреев на работу конференции, о том, что Ллойд Джорж целиком и полностью находился под этим влиянием, являясь инструментом проведения еврейской воли. Дмовский выражал уверенность в существовании всемирного еврейско-масонско-немецкого заговора, враждебного по отношению к Польше².

Большую активность на конференции проявила неофициальная еврейская делегация, в состав которой входили польские евреи. Инициативой этой делегации было принятие закона о национальных меньшинствах, с большим беспокойством воспринятого в Польше. Дмовский пытался добиться компромисса, встречался с американскими евреями. В Польше по его поручению это делал В. Грабский, но удовлетворительных результатов достигнуто не было³.

Несомненно, сложным моментом явилась война 1920 г., когда многие евреи были на стороне большевиков. В принципе национальные меньшинства поддерживали в значительной степени большевиков. Это касается и белорусов, и литовцев, и украинцев, и даже немцев. «Горькие мысли, – пишет польский исследователь Б. Хальчак, – вызывает факт, что столько народов с разной степенью развития культуры и национального сознания неприязненно и даже враждебно отнеслось к возрождающейся польской государственности»⁴.

До 1922 г. отношение народовцев к евреям было все же умеренным. Дмовский в частной переписке иногда даже шутил по поводу польско-еврейских отношений⁵. Но 1922 год стал переломным. Как известно, в этом году в Польше состоялись президентские выборы, и главой государства, во многом вследствие поддержки национальных меньшинств, стал Г. Нарутович, вскоре после своего избрания убитый Э. Невадомским⁶.

¹ Х. Арентд отмечала, в частности, большое влияние, оказанное евреями на содержание Версальского мирного договора.

² Dmowski R. *Polityka polska i odbudowywanie panstwa*. – S. 525–526.

³ Halczak B. *Publicystyka narodowo-demokratyczna wobec problemow narodowościowych i etnicznych II Rzeczypospolitej*. – Zielona Góra, 2010. – S. 56.

⁴ Ibid. – S. 60.

⁵ Halczak B. *Op. cit.* – S. 60.

⁶ Радикальные националисты в современной Польше пытаются представить Невадомского национальным героем.

Не видя возможностей интеграции евреев в польское общество на протяжении всего периода существования II Речи Посполитой, народовцы стремились к изоляции евреев. В 1920-е годы призывали к ограничению численности евреев в армии, в 1930-е – к полному устранению евреев из ее рядов. Особенно заботились о «чистоте» офицерского корпуса, хотя число евреев и так было минимальным: в 1930 г. численность офицеров-евреев составляла 14 человек из более чем 15 тыс. общей численности офицеров¹.

Эндецкая публицистика проводила мысль о необходимости создания для евреев невыносимых условий существования. Это достигалось при помощи экономического бойкота под лозунгом «Не покупай у еврея!», организации пикетов у еврейских магазинов, преследования работодателей, предоставляющих работу евреям. В высших учебных заведениях ограничение еврейского присутствия осуществлялось достаточно активно: если в 1921–1922 гг. число студентов евреев составляло 24,3%, то в 1937–1938 гг. – только 10%². 1930-е годы ознаменовались ужесточением позиции народовцев по отношению к евреям, что выразилось в организации травли студентов еврейского происхождения, причем эксцессы носили подчас весьма brutальный характер.

Но изоляция не решала вопроса. В 1930-е годы признавалась необходимость выселения евреев. В 1938 г. пропагандировался лозунг «Польша для поляков, для евреев – Мадагаскар», хотя в 1920-е годы речь о выселении евреев еще не шла.

Р. Дмовский поддерживал антиеврейские акции, придавая им большое значение³. В своей политической практике народовцы использовали и то обстоятельство, что правительство Пилсудского пыталось защитить евреев и тем самым потенциально ослабляло свое влияние в обществе.

Обращаясь к еврейскому вопросу в 1930-е годы, Дмовский обвинял евреев в монополизации торговли и промышленного производства, усматривал в евреях безусловное зло, препятствующее нормальному развитию польского народа⁴. Вместе с тем Дмовский прекрасно видел, что среди евреев есть и богатые, и бедные, отме-

¹ Halczak B. Op. cit. – S. 78.

² Halczak B. Op. cit. – S. 88, 91.

³ Halczak B. Op. cit. – S. 92.

⁴ Dmowski R. Przewrót. – W-wa, 1934. – S. 78.

чая, что «обнищание маломестечкового еврея в Польше – непреложный факт»¹.

Невозможность ассимиляции евреев признавалась Дмовским и в 1930-е годы. Он не видел для них места не только в польской жизни. «Пусть евреи в моральном отношении будут ангелами, а в умственном – гениями, пусть будут людьми более высокого, чем мы, уровня, сам факт их существования среди нас и их активного участия в нашей жизни является для нашего общества убийственным, а посему от них следует избавиться»². Итак, евреи не могли стать частью польского общества, их надо было, как полагал Дмовский, из общества исторгнуть.

Но среди представителей национальных меньшинств были и такие, которые имели шансы переплавиться в польском котле, ассимилироваться. К таковым, по представлениям Дмовского, принадлежали, прежде всего, славянские меньшинства: *украинцы и белорусы*.

Дмовский в «Мыслях современного поляка» высказывал мысль о возможности и даже желательности ассимиляции в принципе: «Там, где мы можем умножать свои силы и своей цивилизационной работой вбирать в себя иные элементы, ни один закон не запрещает нам этого. Делать это – наша обязанность»³.

Особое значение имел *украинский вопрос*. В XVI в. в состав польского государства вошла значительная территория Киевской Руси. В XVII в. по отношению к Киевскому и Брацлавскому воеводствам стал употребляться термин «Украина», который в XVII в. распространился на другие восточные территории Речи Посполитой. В результате разделов значительная часть Украины оказалась во владении России и Австро-Венгрии. В XIX в. украинцы – это в основном крестьяне, господствующий класс был представлен поляками в Галиции, венграми в Закарпатской Руси и румынами в Буковине. В XIX в. разворачивается процесс формирования национального самосознания украинцев, центром культурной и национальной жизни украинцев становится Галиция.

По переписи 1921 г., 3,8 млн граждан Речи Посполитой причисляли себя к украинцам или русинам, а в 1931 г. – более 4 млн

¹ Dmowski R. Świat powojenny i polska. – W-wa, 1932. – S. 234.

² Dmowski R. Przewrót. – W-wa, 1934. – S. 309.

³ Dmowski R. Myśli nowoczesnego polaka // Dmowski R. Wybór pism. – Poznań, 2014. – Т. 1. – S. 221.

признали своим родным языком украинский¹. Таким образом, украинцы составляли около 16% населения страны. Среди них были как православные (живущие на Волыни и Люблинщине), так и греко-католики, сосредоточенные в основном в Галиции.

По конституции 1921 г. все национальности в Польше пользовались одинаковыми правами, но на деле поляки занимали привилегированное положение: во II Речи Посполитой ни один неполяк не занимал должности министра, воеводы или городского головы².

В политике польской элиты по отношению к украинцам по сути имели место две тенденции: попытки ассимиляции сочетались с попытками польско-украинского примирения, признания самобытности украинского народа.

Дмовский еще в 90-е годы XIX в. определил свое отношение к украинскому вопросу в частной беседе с З. Дембицким. Он отзывался об украинцах пренебрежительно, считал, что украинского народа нет и вряд ли он возникнет в будущем. Галицийских же русинов (об украинском движении речь шла лишь применительно к Галиции) считал обреченными на русификацию либо колонизацию. Само национальное украинское движение считал инспирированным Германией и Австрией³.

В «Мыслях современного поляка» Дмовский, обращаясь к украинскому вопросу, высказывает мнение о цивилизаторской миссии Польши по отношению к украинцам⁴. По мнению Дмовского, у территорий, заселенных людьми, говорящими на украинском языке, – разные исторические судьбы. При такой разнородности, при наличии семи или восьми отдельных регионов со своей исторической судьбой, говорить о существовании украинского народа можно лишь условно, считал он⁵. Нет оснований говорить и об особой близости русского и украинского народов: русские впитали в себя финский элемент, а украинцы – скорее западный, польский, влияние унии, католицизма⁶.

¹ Halczak B. Op. cit. – S. 113.

² Мотыка Г. От волынской резни до операции «Висла». Польско-украинский конфликт 1943–1947 гг. – М., 2014. – С. 12.

³ Halczak B. Op. cit. – S. 102.

⁴ Dmowski R. Myśli nowoczesnego polaka // Dmowski R. Wybór pism. – Poznań, 2014. – Т. 1. – S. 97.

⁵ Dmowski R. Świat powojenny i Polska. – W-wa, 1932. – S. 246.

⁶ Ibid. – S. 247.

В своей работе «Послевоенный мир и Польша» Дмовский отмечает, что украинское национальное движение поляки всегда поддерживали с целью ослабления России. «Начиная с восстания 1863 г., на знаменах которого помимо Орла и Погони был и св. Михаил, и заканчивая российской Думой, в которой по примеру польского коло возникла и украинская группа, постоянно существует определенная симпатия между польской политической элитой в российском государстве и украинским движением»¹. Дмовский прямо и откровенно указывает на то, что именно поляки стояли у истоков превращения украинского движения из культурно-языкового проекта в политический.

Дмовский считал, что проект «независимая Украина» не соответствует национальным интересам Польши, ибо самостоятельное украинское государство в случае своего возникновения будет находиться под немецким влиянием. Таким образом, Польша окажется между Германией и «сферой немецкого влияния», т.е. немецким протекторатом. При этом Украина не будет полноценным государством, но будет «язвой на теле Европы». Польше же лучше иметь в качестве соседа государство сильное, хотя бы даже чуждое и очень враждебное, чем «международный публичный дом»².

Народовцы упорно выступали против употребления термина «украинцы» с большой буквы (в польском языке национальности обозначаются с большой буквы), рассматривая украинцев как нечто негативное, противостоящее польскости. В 1923 г. посол М. Прушинский потребовал от правительства запрета слова «украинский» в официальных документах и замены его на «русинский», что и было сделано. Но эта ситуация была характерна лишь для 1920-х годов. Позднее все более входят в употребление термины «украинец» и «украинский», которые использовались наряду с «русин» и «русинский». В общественном сознании поляков межвоенного периода утвердилось некое доброжелательное и слегка снисходительное отношение к русинам как людям добрым, но недалеким и малообразованным. В «украинцах» же виделись опасность и политические претензии.

Вплоть до 1939 г. народовцы не отказывались от установки на непризнание украинского народа. «Русинов» считали органичной частью польского народа, а их язык диалектом польского. Способом

¹ Dmowski R. Świat powojenny i Polska. – W-wa, 1932. – S. 248.

² Ibid. – S. 272.

решения украинского вопроса народовцы считали ассимиляцию, решительно протестуя против идеи автономии, за которую ратовала, в частности, Польская партия социалистов (ППС).

Необходимость ассимиляции Р. Дмовский подчеркивал неоднократно в частных беседах. «Наши восточные земли, вошедшие в состав Речи Посполитой на основании Рижского договора, – говорил он в беседе с Е. Корнецким, – необходимо совершенно полонизировать, пойдя на добровольный обмен населением с Россией, т.е. на переселение украинцев и белорусов в Россию, а поляков из России переместить на место переселенных»¹.

Уже в 1935 г. в мысли народовцев появилась идея польской экспансии на восток при помощи колонизации – заселения восточных кресов поляками, так называемыми осадниками. К этой идее проявлял интерес и Дмовский².

В целом же его отношение к украинскому вопросу было весьма скептическим. Как писал Дмовский, всегда найдутся лица, готовые заняться практической реализацией «украинского проекта», но это может привести к тяжелым последствиям. «Нет такой силы, которая предотвратила бы превращение оторванной от России и ставшей независимым государством Украины в прибежище аферистов всего мира, которым тесно у себя на родине: капиталистов, искателей денег... спекулянтов, интриганов и организаторов разного рода проституции: в том числе немцев, французов, бельгийцев, итальянцев, англичан и американцев. Им поспешили бы на помощь местные и соседи в лице русских, поляков, армян и, наконец, самых многочисленных тут евреев... Все эти элементы, – подводит мрачный итог Дмовский, – при участии самых пронырливых из украинцев... образовали бы элиту страны. Но это была бы весьма специфическая элита, ибо ни одно другое государство не могло бы похвастаться столь богатой коллекцией международных каналов...»³.

О белорусах Дмовский отзывался как о «расовом элементе совершенно пассивном. У них нет, – полагал политик, – никакого национального движения; точно так же нет даже зачатков белорусской литературы»⁴. Дмовский отмечал «чрезвычайно низкий

¹ Haczak B. – S. 174.

² Ibid. – S. 134.

³ Dmowski R. Świat powojenny i Polska. – W-wa, 1932. – S. 252.

⁴ Dmowski R. Polityka polska i odbudowywanie państwa // Roman Dmowski. Wybór pism. – Poznań, 2014. – T. 1. – S. 735.

уровень просвещения белорусов», отсутствие каких-либо национальных устремлений. Позиция Дмовского отражала отношение к белорусам народовцев в целом. Они не видели в белорусах угрозы для польскости и отнюдь не считали нужным способствовать развитию их национального самосознания.

Литовцы рассматривались Дмовским как единственный народ на восточных кресах, который достиг некоторых успехов в своем национальном развитии, хотя развитие национального самосознания и культуры пребывает пока в зачаточном состоянии. Дмовский полагал, что оптимальным решением проблемы взаимоотношений с литовцами было бы создание автономного литовского государства в союзе с Польшей¹.

Немцы появились на польских землях еще в Средневековье в основном на территории Великой Польши и Поморья. В Силезии, где проживало значительное число поляков, хотя эти земли и не входили в состав Речи Посполитой до разделов, достаточно активно шел процесс германизации. По официальным прусским данным, в Великой Польше и на Поморье немцы составляли 36,6% населения, а в верхней Силезии – 26,2%². Эндеция, сформировавшаяся в землях российского захвата, изначально главного врага Польши усматривала в России, но постепенно, укрепившись на землях прусского захвата, пересмотрела свои позиции, позиционировав именно немцев как основного врага Польши. В работе «Германия, Россия и польский вопрос» (1908) идеолог эндеции обвиняет Германию в германизации польского населения в землях прусского захвата и враждебных по отношению к Польше действиях в других землях.

Наличие немецкого самосознания и минимальные возможности ассимиляции в полной мере осознавались идеологами эндеции. В связи с этим Дмовский и другие идеологи «Национальной демократии» обращались к проблеме немецкого меньшинства скорее эпизодически.

Позиция Р. Дмовского и народовцев по вопросу ассимиляции народов, проживающих на территории Речи Посполитой, в

¹ Dmowski R. Polityka polska i odbudowywanie państwa // Roman Dmowski. Wybór pism. – Poznań, 2014. – Т. 1. – С. 739.

² Kotłowski T. Położenie mniejszości niemieckiej w Polsce w latach 1918–1939 // Mniejszości narodowe w Europie a wybuch II wojny światowej. – Zielona Góra, 1998. – С. 56.

целом на протяжении 1920–1930-х годов не претерпела существенных изменений. Достаточно четко эта позиция выражена в тезисах по вопросу о национальных меньшинствах, представленных энциклопедией в начале 1930-х годов: «Украинского народа не существует... существуют белорусская и русинская народности, являющие собой некую концентрацию сырого материала с выраженным региональным своеобразием... Мы хотим внедрить в русинские и белорусские массы чувство исторической и цивилизационной общности с польским народом, мы хотим, чтобы русин или белорус ощущал себя таким же членом единого великого польского народа, каким ощущает себя, например, кашуб или закопанский гураль, несмотря на свое региональное своеобразие»¹.

Ход истории показал, что упования народовцев не исполнились, и сложные проблемы взаимоотношений титульной нации и национальных меньшинств во II Речи Посполитой вылились в острые национальные конфликты, наиболее драматичными из которых следует, очевидно, считать польско-украинский конфликт в годы Второй мировой войны (Волынская резня), а также трагедию Холокоста.

¹ Цит. по: Radowski G. Narodowa demokracja wobec problematyki mniejszości narodowych w Drugiej Rzeczypospolitej w latach 1818–1926. – Toruń, 2000. – S. 29.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

DATA ON AUTHORS

Бабенко Василий Николаевич – доктор ист. наук, профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ведущий научный сотрудник Сектора Восточной Европы Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН. vasbabenko@mail.ru

Babenko V.N. – Sc.D. in history, professor of the All-Russian State University of Justice, leading researcher at the Sector of Eastern Europe of the Department of Europe and America INION RAS.

Биткова Татьяна Георгиевна – кандидат филол. наук, старший научный сотрудник Сектора Восточной Европы Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН. tgbitkova@mail.ru

Bitkova T.G. – Ph.D. in philological sciences, senior researcher at the Sector of Eastern Europe of the Department of Europe and America INION RAS.

Дырина Анна Федоровна – младший научный сотрудник Сектора Восточной Европы Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН. annad0904@yandex.ru

Dyrina A.F. – junior researcher at the Sector of Eastern Europe of the Department of Europe and America INION RAS.

Калоева Елена Борисовна – кандидат ист. наук, старший научный сотрудник Сектора Восточной Европы Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.
osstik@icloud.com

Kaloeva E.B. – Ph.D. in history, senior researcher at the sector of Eastern Europe of the department of Europe and America INION RAS.

Лыкошина Лариса Семеновна – доктор ист. наук, главный научный сотрудник Сектора Восточной Европы Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.
lykoszyna@mail.ru

Lykoshina L.S. – Sc.D. in history, principal researcher at the Sector of Eastern Europe of the Department of Europe and America INION

Неменский Олег Борисович – кандидат ист. наук, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Neneskiy O.B. – PhD in History, Leading Researcher of Russian Institute for Strategic Studies, Researcher of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

Подчасов Николай Александрович – младший научный сотрудник Российского института стратегических исследований.
nickpodchasov@yandex.ru

Podchasov N.A. – junior researcher at the Russian Institute for Strategic Studies.

Шаншиева Лариса Николаевна – кандидат филос. наук, зав. Сектором Восточной Европы Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.
shlara@rambler.ru

Schanschieva L.N. – Ph.D in philosophy, head of Sector of Eastern Europe of the Department of Europe and America INION RAS.

Шिशелина Любовь Николаевна – доктор ист. наук, руководитель Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.
l.shishelina@gmail.com

Shishelina L.N. – Sc.D in History, Head of department for Central and Eastern European studies at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.

Щербакова Юлия Александровна – кандидат ист. наук,
старший научный сотрудник Сектора Восточной Европы Отдела
Европы и Америки ИНИОН РАН.
juli.bak@mail.ru

Shcherbakova Yu.A. – Ph.D. in history, senior researcher at the
Sector of Eastern Europe of the Department of Europe and America
INION RAS.

ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Сборник научных трудов

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректоры М.П. Крыжановская, О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 12/IV–2018 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 13,75 Уч.-изд. л. 11,5
Тираж 300 экз. Заказ № 190

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел./Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН